

ISSN 2411-8753 (Print)
ISSN 2710-3633 (Online)

ISSN 2411-8753 (Print)
ISSN 2710-3633 (Online)

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ
ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫСЫ

“ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
АЙМАҚТАНУ” СЕРИЯСЫ

ИЗВЕСТИЯ

КАЗАХСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN

OF KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF
INTERNATIONAL RELATIONS AND
WORLD LANGUAGES

SERIES “INTERNATIONAL RELATIONS AND
REGIONAL STUDIES”

3 (57) 2024

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND
WORLD LANGUAGES

3 (57) 2024

ISSN 2411-8753 (Print)

ISSN 2710-3633 (Online)

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ

КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN

of Ablai Khan KazUIRandWL
series “INTERNATIONAL RELATIONS and
REGIONAL STUDIES”

Алматы
«Полилингва» баспасы
2024

© “Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті” Акционерлік қоғамының “Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия” ғылыми журналының “Халықаралық қатынастар және аймақтану” сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Алғашқы есепке қою кезіндегі нөмірі мен мерзімі №674, 18.05.1999 ж. Тіркелу күзегі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор

Шайморданова З.Д.,

тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Шукыжанова А.Н., PhD, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Редакция алқасы мүшелері

Аллез Г., PhD, Әлеуметтік ғылымдар жоғары мектебі, Париж, Франция

Антонио Алонсо Маркос, PhD, профессор, Католикалық Сан-Пабло
Университеті, Мадрид, Испания

Байсұлтанова К.Ч., саясаттану ғылымдарының кандидаты, профессор,
Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Дронзина Т., саясаттану ғылымдары бойынша хабилизиттік доктор,
Софиялық Әулие Климент Охридский университетінің профессоры,
София, Болгария

Зиркер Д., PhD, Вайкато Университеті, Гамильтон, Жаңа Зеландия

МакКленнен С., PhD, Пенсильвания Университеті, Филадельфия, АҚШ

Райчев Я., PhD, София университеті ‘St. Климент Охридски,
Қазіргі саяси оқиғалардың талдаушысы, София, Болгария

Семедов С.А., философия ғылымдарының докторы, профессор, басқару
және өңірлік даму институты, РФ Президенті жанындағы РАНХиГС,
(Ресей халық шаруашылығы және мемлекеттік басқару академиясы)
Мәскеу қ., Ресей

Кожирова С.Б., саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Р.Б.
Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

Сиван Саид, PhD, Араб және Исламтану институты, Эксетер
университеті, Ұлыбритания

Хорак С., PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы

Ермекбаев А.А., PhD, доцент м.а., ҚазҰУ. әл-Фараби,
Алматы, Қазақстан

Шығарушы редактор

Райымбекова А.А., аға оқытушы, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Номер и дата первичной постановки на учет № 674, 18.05.1999 г. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор
Шайморданова З.Д.,

доктор исторических наук, профессор,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Шукыжанова А.Н., PhD, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Аллез Г., PhD, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция

Антонио Алонсо Маркос, PhD, профессор, Католический университет Сан-Пабло, Мадрид, Испания

Байсултанова К.Ч., кандидат политических наук, профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Дронзина Т., хабилитированный доктор политологии, профессор Софийского университета Святого Климента Охридского, София, Болгария

Зиркер Д., PhD, Университет Вайкато, Гамильтон, Новая Зеландия

МакКленнен С., PhD, Пенсильванский Университет, Филадельфия, США

Райчев Я., PhD, Софийский университет «Святого Климента Охридского», София, Болгария

Семедов С.А., доктор философских наук, профессор, Институт управления и регионального развития, РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы) при Президенте РФ, Москва, Россия

Кожирова С.Б., доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

Сиван Саид, PhD, Институт арабских и исламских исследований, Университет Эксетера, Великобритания

Хорак С., PhD, Карлов Университет, Прага, Чешская Республика

Ермекебаев А.А., PhD, и.о. доцента, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Выпускающий редактор

Райымбекова А.А., старший преподаватель, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

© Scientific Journal “Bulletin” of Ablai khan KazUIR&WL. Series “International Relations and Regional Studies” of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Number and date of first registration N674, from 18.05.1999. Certificate N15196 – G. 10.04.2015.

Chief Editor

Shaymordanova Z.D., doctor historical sciences, professor,
Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Executive Editor

Shukyzhanova A., PhD, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Editorial team members

Hallez X., PhD, High school of social sciences, Paris, France

Antonio Alonso Marcos, PhD, Professor, Universidad San Pablo CEU,
Madrid, Spain

Baysultanova K.Ch., Candidate of political science, professor, Ablai khan
KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Dronzina T., habilitated doctor of political sciences, professor, Sofia University
St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Zirker D., PhD, Waikato University, Hamilton, New Zealand

McClennen S., PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Raychev Y., PhD, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’, Sofia, Bulgaria

Semedov S.A., Doctor of philosophical science, Professor, Institute of
Management and Regional Development, RANEPa under the President of
the Russian Federation (Russian Academy of National Economy and Public
Administration), Moscow, Russia

Kojirova S.B., Doctor of political sciences, Professor, R. B. Suleimenov
Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

Seevan Saeed, PhD, Institute of Arab and Islamic Studies, University of
Exeter, UK

Horak S., PhD, Charles University, Prague, Czech Republic

Yrmekbaev A.A., PhD, Acting Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National
University, Almaty, Kazakhstan

Commissioning Editor

Raiymbekova A.A., senior lecturer, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty,
Kazakhstan

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

I БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

I PART. THEORETICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RELATIONS RESEARCH

Shaimordanova Z.D., Nygmetova B.M. Theoretical and methodological foundations of economic diplomacy in international relations	9-21
Шайморданова З.Д, Нығметова Б.М. Халықаралық қатынастардағы экономикалық дипломатияның теориялық-әдістемелік негіздері	9-21
Шайморданова З.Д, Ныгметова Б.М. Теоретические и методологические основы экономической дипломатии в международных отношениях	9-21.
Изгаева В.А., Абжапарова Л.Ж. Қазақстан Республикасында халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды кәсіби даярлау теориясы мен практикасы	21-36
Изгаева В.А., Абжапарова Л.Ж. Теория и практика профессиональной подготовки специалистов в области международных отношений в Республике Казахстан	21-36.
Iztaeva V.A., Abzhaparova L.Zh. Theory and practice of professional training of specialists in the field of international relations in The Republic of Kazakhstan.....	21-36.
Сәбитқызы А. Принцип толерантности в системе международных связей.....	36-52
Сәбитқызы Ә. Халықаралық қатынастар жүйесіндегі. төзімділік принципі.....	36-52
Sabitkyzy A. Principle of tolerance in the system of international relations	36-52

II БӨЛІМ. ДҮНИЕЖҮЗІЛІК САЯСАТ ЖӘНЕ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР РАЗДЕЛ II. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

II PART. WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Raghunath Mahabir. A threat analysis: challenges to human security for Venezuelan migrants post-migration to Trinidad and Tobago.....	53-73
--	-------

Рагунат Махабир. Қауіптерді талдау: Венесуэлалық мигранттардың Тринидад пен Тобагоға қоныс аударғаннан кейінгі адам қауіпсіздігіне қатысты мәселелері	53-73
Рагунат Махабир. Анализ угроз: вызовы безопасности человека для Венесуэльских мигрантов после миграции в Тринидад и Тобаго.....	53-73
Голунов С.В. К вопросу о применимости Латиноамериканского опыта к приграничному сотрудничеству Казахстана со странами Центральной Азии	74-97
Голунов С.В. Латын Америка тәжірибесінің Орталық Азия елдерімен Қазақстанның шекара маңындағы ынтымақтастығына қолданылуы мәселесіне қатысты.....	74-97
Golunov S.V. The applicability of Latin American experience to Kazakhstan's cross-border cooperation with Central Asian countries	74-97
Оракбаева У.М., Акказенов А.М., Абилдаев А.С. Развитие транспортной дипломатии для Центральной Азии путем формирования порта Чабахар.....	97-111
Оракбаева У.М., Акказенов А.М., Абилдаев А.С. Чабахар портын қалыптастыру арқылы Орталық Азияда көліктік дипломатияны дамыту.....	97-111
Orakbayeva U.M., Akkazenov A.M., Abildayev A.S. Development of transport diplomacy for Central Asia through the formation of the Chabahar port	97-111
Amurtayeva K. The impulses of modern jadidism and the role of printing	112-126
Амуртаева К.М. Қазіргі джадидизмнің импульстары және баспасөз рөлі	112-126
Амуртаева К.М. Импульсы современного джадидизма и роль печати	112-126
Katpenova A.Z. Uzbekistan - China trade-economic cooperation analysis	127-139
Катпенова А.З. Өзбекстан-Қытай сауда-экономикалық ынтымақтастығын талдау	127-139
Катпенова А.З. Анализ торгово-экономического сотрудничества Узбекистана и Китая	127-139

Калиева А.А., Беймишева А.С., Илияс Н.К. Международная оценка образовательных достижений и Казахстан: сравнительный анализ	140-157
Калиева А.А., Беймишева А.С., Илияс Н.К. Білім беру жетістігін халықаралық бағалау және Қазақстан: салыстырмалы талдау	140-157
Kaliyeva A., Beimisheva A. Iliyas N. International assessment of educational achievement and Kazakhstan: a comparative analysis	140-157
Turkeyeva S., Tangkish N., Simtikov Zh. Transport systems as essential part of government policy	157-171
Туркеева С., Тәңкіш Н., Симтиков Ж. Көлік жүйелері мемлекеттік саясаттың ажырамас бөлігі ретінде	157-171
Туркеева С., Танкиш Н., Симтиков Ж. Транспортные системы как неотъемлемая часть государственной политики	157-171

III БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ РАЗДЕЛ III. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ PART III. REGIONAL STUDIES

Мармونتova Т.В. Региональные особенности Северного Казахстана (на примере путевых заметок и. Я. Словцова)	172-186
Мармонтova Т.В. Солтүстік Қазақстанның өңірлік ерекшеліктері (И. Я. Словцовтың жол жазбалары мысалында)	172-186
Marmontova T.V. Regional peculiarities of northern Kazakhstan (on the example of I. Ya. Slovtsov's travel notes)	172-186
Altynbek A., Jakubayeva S. The role of transport corridors in strengthening Iranian regional cooperation in Central Asia.....	187-202
Алтынбек А., Джакубаева С.Т. Иранның Орталық Азиядағы аймақтық ынтымақтастығын нығайтудағы көлік дәліздерінің рөлі	187-202
Алтынбек А., Джакубаева С.Т. Роль транспортных коридоров в укреплении регионального сотрудничества Ирана в Центральной Азии	187-202
Кулынтай Г.Ж., Тайшанова С.Т., Сейлхан Б. Интересы мировых держав в транспортно-коммуникационном потенциале стран Центральной Азии	202-219

Кұлынтай Ғ.Ж., Тайшанова С.Т., Сейлхан Б. Орталық Азия елдерінің көлік-коммуникациялық әлеуетіндегі әлемдік державалардың мүдделері	202-219
Kulyntay G.Z., Taishanova S.T., Kilybayeva P.K. Interests of world powers in the transport and communication potential of Central Asia countries	202-219
Dauylbayev A.B., Yelmurzayeva R.S., Kamaljanova T.A. Arctic horizons: cooperation between Russia and China in a changing polar and geopolitical landscape	219-231
Дауылбаев А.Б., Елмурзаева Р.С., Камалджанова Т.А. Арктикалық көкжиектер: өзгермелі полярлық және геосаяси ландшафтындағы Ресей мен Қытай арасындағы ынтымақтастық	219-231
Дауылбаев А.Б., Елмурзаева Р.С., Камалджанова Т.А. Арктические горизонты: сотрудничество между Россией и Китаем в меняющемся полярном и геополитическом ландшафте	219-231
Кабирова А.Ж., Килыбаева П.К. Сравнительный анализ использования «мягкой силы» на примере КНР и Южной Кореи	231-245
Кабирова А.Ж., Қилыбаева П.К. ҚХР мен Оңтүстік Корея мысалында жұмсақ қуатты пайдалануға салыстырмалы талдау	231-245
Kabirova A.Zh., Kylybaeva P.K. A comparative analysis of the use of soft power in the examples of PRC and South Korea	231-245
Chukubayev Y. S., Kuzembayeva A. B., Issayeva D.A. Role of ASEAN in economic integration processes in Asia.....	245-260
Чукубаев Е.С., Кузембаева А.Б., Исаева Д.А. Азия аймағындағы экономикалық интеграциялық процесстеріндегі АСЕАН ұйымының рөлі	245-260
Чукубаев Е.С., Кузембаева А.Б., Исаева Д.А. Роль АСЕАН в экономических интеграционных процессах в Азии	245-260
Смирнова В. Трансграничное сотрудничество в сфере здравоохранения в европейском регионе: актуальность для Казахстана	260-274
Смирнова В. Еуропа аймағындағы денсаулық сақтау саласындағы шекаралық ынтымақтастық: Қазақстан үшін өзектілігі	260-274
Smirnova V. Cross-border cooperation in the field of healthcare in the European region: relevance for Kazakhstan	260-274

**І БӨЛІМ.
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ЗЕРТТЕУДІҢ
ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ
РАЗДЕЛ І.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
I PART.
THEORETICAL ISSUES OF
INTERNATIONAL RELATIONS RESEARCH**

UDC 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.001>

IRSTI 11.07.21

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF
ECONOMIC DIPLOMACY IN INTERNATIONAL RELATIONS**

*Shaimordanova Z.D.¹, Nygmetova B.M.²

^{*1} Doctor of Historical Sciences, professor, Kazakh Ablai khan University
of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan
e-mail: shaimordanova.z@ablaikhan.kz

² PhD student, Kazakh Ablai khan University of International Relations
and World Languages, Almaty, Kazakhstan
e-mail: bnygmetova@inbox.ru

Abstract. Economic diplomacy serves as a key tool of foreign policy aimed at promoting and protecting a state's economic interests. In the context of globalization and an open economy, states strive to utilize economic diplomacy to foster sustainable development, create jobs, and attract foreign investment. Modern geopolitical and geo-economic challenges require a reevaluation of traditional approaches to economic diplomacy, including strengthening the role of the state and regional organizations.

The article presents classic theories of international relations, regional studies, and political science used to study economic diplomacy: realism, neorealism, liberalism, neoliberalism, and constructivism, as well as political elites. It demonstrates that realism, which focuses on the role of the state as the primary actor in international relations, is actively employed in the study of economic diplomacy. Neorealism expands the understanding of state power and acknowledges the importance of international organizations.

Liberalism emphasizes interstate cooperation and institutional mechanisms. The inclusion of business representatives in official visits supports neoliberal theory. Constructivism, in continuation of neoliberalism's tenets, analyzes international and regional relations through the lens of identity and the perception of actors towards one another.

The main conclusions of the article underscore the necessity of an integrative and interdisciplinary approach to the study of economic diplomacy, as well as the importance of revisiting and diversifying approaches and concepts in light of contemporary global transformations.

Keywords: economic diplomacy, foreign policy, globalization, realism, neorealism, liberalism, neoliberalism, constructivism

*This research is funded by the Science Committee of the Ministry of
Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.
No. AP23490344 Tendency of economization of international relations
and economic diplomacy of New Kazakhstan.*

Basic provisions

Economic diplomacy is becoming increasingly significant from the perspective of foreign policy. Economic diplomacy can alleviate the intense international competition that characterizes modern global politics and economics. Economic diplomacy is influenced by various aspects of globalization, such as the sharp increase in international trade in both tangible and intangible goods, the need for new rules to regulate this trade, and the transformation of our global society into an information society with planetary means of communication and expression. These developments are prompting new ways of functioning and decision-making, including the use of artificial intelligence mechanisms. Challenges such as the rise of China and the expansion of various alliances like BRICS or the SCO are bringing significant adjustments to the economic diplomacy of countries worldwide. The complex geopolitical and geoeconomic situation has strengthened the trend toward the return of statism, i.e., considering the state as the primary actor in global politics and international relations.

Various groups of semi-governmental organizations and institutions, international organizations, transnational companies, regional economic integration bodies, and individuals are transforming the landscape of economic diplomacy. Competition and the struggle for influence among these organizations intensify disagreements, often openly conflicting when negotiating with other countries.

Regional economic diplomacy in different parts of the world has become more active, with its origins traceable to entities like the European Coal and Steel Community, the Benelux Union, and the Nordic Council, leading up to the formation of the European Union, which is currently facing certain challenges. Therefore, it is important to study the degree of influence that integrative economic diplomacy has on the processes of global trade liberalization.

The term “economic diplomacy” remains somewhat undefined, a fact that necessitates further research. The scientific paradigms employed in economic diplomacy require revision. However, classical theories and concepts remain in the toolkit of researchers in economic diplomacy, aimed at strengthening and consolidating an open and competitive economy with the goals of increasing exports, attracting foreign investments, and improving the welfare of the population. These classical theories and concepts are the subject of study in this article.

Introduction

Economic diplomacy is one of the main instruments of the foreign policy of countries around the world, which prioritizes the protection of their economic interests to promote the achievement of sustainable development goals and the creation of jobs in an open economy. Along with these tasks, states in the field of economic diplomacy set goals for promoting the internationalization of domestic enterprises, attracting productive foreign investments for business and job development, using all available tools. Economic governance of the state and economic security are becoming key areas of foreign policy for countries around the world, as well as regional associations.

Modern geopolitical and geoeconomic processes are prompting governments around the world to reassess the effectiveness of their domestic and foreign policies. The role of the state and its involvement in the domestic economy is growing in many countries across Europe, Asia, North America, Latin America, and Africa, particularly after the financial and economic crisis of 2008, as well as due to various sanctions. Facing restrictions on the free movement of goods, governments are revising their strategy in the politico-economic direction. Apparently, this is linked not only to a rethinking of the logic of the domestic market and political structures but also to a new emphasis on the tools of economic diplomacy to achieve foreign policy interests.

Thus, economic diplomacy is gaining increasing significance in light of current challenges and opportunities. This implies considering economic diplomacy in the broadest sense, as a component of foreign policy aimed at promoting the prosperity of the country, while also serving as a tool in the pursuit of political stability and national security. Consequently, there is a growing need to develop research on the theoretical, conceptual, and analytical foundations of economic diplomacy at various levels: national, regional, and international.

Description of materials and methods

To identify the classical theories, approaches, and concepts in the study of economic diplomacy, literature selection and systematization were first conducted as general scientific methods. Analysis was used as a general logical method to identify the key provisions of classical theories related to economic diplomacy.

System analysis was applied to reveal the specific features of each theory or approach, as well as the common lines and differences in the study of economic diplomacy.

The method of synthesis allowed for the integration of various aspects of the studied issue into a cohesive whole and the formulation of conclusions. Although defining the term “economic diplomacy” is not the primary focus of this article, given the limited research on this topic within domestic socio-political thought, it was deemed necessary to present several definitions of the term. To achieve this, literature search, selection, and systematization were also employed. Internationally recognized encyclopedias and dictionaries, monographs by well-known researchers, and scholarly articles were utilized.

Results

The term “economic diplomacy” has long appeared in official documents and academic articles. However, there is still no universally accepted definition of this term. The connection between politics and economics, and the use of economic tools for political purposes, can be observed in ancient times: the siege of Troy, Napoleon’s blockade against the United Kingdom, and English abolitionists in 1790 who urged their fellow citizens not to buy sugar from the West Indies but from the East Indies instead. Medieval European commercial law, known as *Lex Mercatoria*, regulated relationships among commercial participants, representing a set of rules developed and applied over a long period. It serves as a classic

example of a phenomenon where practice preceded theory. Today, we encounter boycotts of McDonald's, Starbucks, Coca-Cola, and other Western brands in Arab countries. Consumers in Egypt, Kuwait, and Jordan are rejecting American and European products, believing that the U.S. and EU support Israel's actions in the Gaza Strip.

Attempts to define the term "economic diplomacy" in internationally recognized encyclopedias and dictionaries, such as The Encyclopedia Americana, Encyclopedia Britannica, Webster's Dictionary, and Oxford Dictionary, yield related terms like "economic migrant," "gunboat diplomacy," and "shuttle diplomacy." Many researchers do not provide a clear definition of "economic diplomacy" but instead discuss its goals, objectives, and functions.

Professor C. Chatterjee of the Institute of Global Policy writes: "The primary goal of economic diplomacy at the national level is to achieve mutually beneficial agreements that strengthen foreign policy relations between two interested states. Economic diplomacy at the international level should be aimed at developing framework regulations, whether in the form of international conventions, resolutions, declarations, and so on"[1].

Researchers from Erasmus University Rotterdam, P. van Bergeijk and S. Moons, define economic diplomacy as "a set of activities (methods and processes for making international decisions) related to cross-border activities (exports, imports, investments, aid, migration, lending) carried out by state and non-state actors in the real world." In their view, it consists of three elements:

- the use of political influence and connections to promote and/or influence international trade and investments, and to improve the functioning of markets,
- the use of economic assets and connections to increase the costs of conflict and strengthen the mutual benefits of cooperation and politically stable relations,
- the creation of a favorable political climate and international political-economic environment to facilitate the achievement of these goals[2].

According to American researcher P. Sharp, current diplomacy is "characterized by increasing institutionalized multilateralism, aimed at strengthening the international order either by improving cooperation between states or by overcoming the need for such cooperation"[3].

In our view, his statement on strengthening the international order is particularly important in the face of modern threats and challenges, but

unfortunately, it is not being realized.

The participants in economic diplomacy include state actors: all government institutions involved in international economic operations, as well as non-state actors such as non-governmental organizations (NGOs) engaged in international economic activities. Business structures, enterprises, and investors are also participants in the processes of economic diplomacy, especially when contacts between them and governments are initiated or facilitated by diplomats.

The expansion of regional integration is driven by several factors, such as the global financial crisis of 2008 and the issue of international terrorism. The multiplicity of factors necessitates countering threats and challenges, ensuring national and regional security, economic development, and so on. Regional integration organizations, using their consolidating power, direct the full range of tools and mechanisms of foreign economic, financial, and investment policy to successfully implement economic diplomacy. Regional economic diplomacy and its development in the European Union are considered successes of economic diplomacy. APEC (Asia-Pacific Economic Cooperation) is referred to as a conductor of economic diplomacy in the region. The EAEU (Eurasian Economic Union) addresses the creation and active use of economic diplomacy tools. Africa understands and embraces the benefits of economic diplomacy, and the Union of South American Nations (UNASUR) employs its instruments.

Thus, economic diplomacy represents a foreign policy function that links foreign policy steps with the economic well-being of citizens and utilizes the full arsenal of foreign policy tools to advance the economic interests of entrepreneurs and the state. In modern geopolitical and geo-economic conditions, economic diplomacy takes on a new dimension, requiring new approaches alongside classical theories, concepts, and approaches.

Discussion

The theoretical foundations of economic diplomacy are interdisciplinary in nature, intersecting with disciplines such as international relations, international economic relations, regional studies, political economy, political science, international law, and sociology. This means that the study of economic diplomacy requires an integrative and interdisciplinary approach.

In this article, we will consider classical theories of international relations: realism/neorealism, liberalism/neoliberalism, and constructivism.

The realist approach, first developed by K. Waltz in “Theory of International Politics,” studies reality as it is, analyzing not the course of events but their causes. This principle is a distinctive feature of the realist approach in the study of economic diplomacy [4].

H. Morgenthau, highlighting six principles of realism, emphasizes the key role of the state in the international relations system, underestimating other players and factors such as international organizations and economic relations. In his view, the state’s key role lies in defending national interests from a power perspective. Focusing their analysis on the state, realists consider international society to be anarchic by nature and governed by the single law of conflict. When the national interests of states collide, they seek to ensure their security, where power plays a dominant role. The main instrument of security is force or the threat of its use.

Since power at the state level is represented by the political elite that performs governance functions, this power also makes decisions in various areas, including economic diplomacy. The theory of political elites, in the context of its characteristic qualities, such as the balance of power among actors and the search for tactical ways to balance power, helps to predetermine the outcome of the negotiation process [5].

Neorealism, or structural realism, often referred to as “modern realism,” challenges the traditional realist approach to state power solely in terms of military force. Instead, it incorporates the concept of state power as a combination of capabilities in various spheres (social, cultural, economic, political). Neorealism partially acknowledges that international organizations, such as the IMF and the World Bank, are actors in the international relations system [6].

American researcher M. Olson, in “The Theory of Collective Action,” a neorealist paradigm, defines actions undertaken jointly by a group of people aimed at improving their condition and achieving a common goal. Olson explains the provision of public goods secured by collective actions: they benefit all group members, whether they participated in their production or not. For example, collective actions by NGOs or business representatives that propose the use of certain incentives, such as sanctions. Conversely, NGOs may oppose economic sanctions. However, the latter are imposed by state structures. Olson’s approach was a breakthrough: one cannot ignore the rationality and motives of certain actors, whether material or non-material.

Liberalism assumes that there is a mechanical connection between the market economy, political cooperation, and the institutionalization

of international relations. Liberalism takes into account, in addition to states and international organizations, the participation of individuals. The emergence of liberal theory is linked to the end of World War I, the creation of the League of Nations, and the belief in the advantages of law. Liberal theory is therefore called normative.

Liberalism seeks to build peace through economic, and subsequently supranational, integration. Liberals fully trust the market, relying on their own strengths, gradually replacing state power and leading states to peace. For example, British liberal internationalists after World War I intended to study international politics based on a simple presentation of political facts as they exist in modern Europe.

The key approach of political realism representatives such as H. Morgenthau, R. Aron, J. Kennan, and others correlates with realists: the state is the main player in the international relations system. The state determines the main content of its international agenda, including economic diplomacy [7]. The predecessors of political realism, Thucydides, N. Machiavelli, T. Hobbes, J. Locke, viewed the activity of political leaders through a selfish lens: in those distant times, they considered man as striving for dominance over others. This reality still exists around us today, making it difficult to argue with political realism [8].

After the end of the Cold War, when the ideas of political realism and neorealism prevailed, neoliberalism began to develop. Various states, international governmental and non-governmental organizations, public associations, and individuals emerge as new actors in international relations for neoliberals. According to J. Rosenau, individuals become influential on the international stage [9].

The collapse of the USSR brought about a problem in which neoliberals played an important role due to the reduction of military power associated with the disappearance of the so-called enemy—ensuring national security. National, regional, and international security, according to neoliberals, can be achieved through the spread of democracy and the unification of democratic states. The spread of democracy is considered by neoliberals as the main task of world politics, with which one can hardly disagree, although the paths to its achievement may differ.

Constructivism, although more recent, is considered the third most significant theoretical approach and views international relations as any social relations. For its authors N. Onuf and A. Wendt, reality is intersubjective, meaning it depends on the meaning attributed to it by international relations actors [10]. State behavior is determined not only by the balance of power

but also by perception. The national interests of a state are built on the basis of its identity, its self-perception, and the perception of the state by other states[11].

Thus, constructivists emphasize that an actor cannot know what it wants until it knows who it is. In other words, various branches of this school draw attention to different elements of the “social reality” of international relations, such as goals, threats, culture, and identity, as social constructions of the actors. As diplomatic studies have evolved, interest in economic diplomacy has grown from this perspective, as well as from the perspective of developing reciprocity, not dependence.

Conclusion

The distinguishing feature of the realist approach lies in its detailed examination of the issues addressed within the sphere of economic diplomacy, encompassing its various types and forms. For instance, it scrutinizes the reasons behind treaty and agreement formations, the stipulated conditions, security-related matters, and the analysis of upcoming cooperation processes. Economic diplomacy inspired by realism is expected to be cautious, rational, and prudent. However, the terrorist attacks of September 11, 2001, swiftly reinstated the power and strength of the state as the sole entity capable of dismantling terrorist networks.

The neorealist paradigm, which assumes motivated and rational participation of a multitude of actors beyond the state, utilizes analytical tools such as the role of interests, the degree of organization, and power conflicts, drawing from the collective action theory of American economist M. Olson.

For liberals, economic diplomacy typically takes the form of compromise, negotiations, and agreements. The diplomacy practiced by Henry Kissinger aligns closely with the liberal direction.

Liberals emphasize the interdependence between states, underscoring the decisive role of international norms, cooperation, and institutions. Such cooperation is expected to contribute to the pacification of international relations, whether peace is founded on free trade or the spread of the liberal democracy model.

Neoliberalism, borrowing the focus on human rights from liberals, seems to dissolve state sovereignty by creating a concept of liberal democracy and human rights as the foundation of any state's policy and its assessment.

Constructivism, in the research of economic diplomacy conducted by scholars adhering to the tradition of diplomatic studies, pays special attention to procedural rather than structural aspects of economic diplomacy.

The economic diplomacy of regional unions or integration-focused economic diplomacy aims at modernizing economies, improving the investment climate, ensuring security, and, more broadly, achieving sustainable development goals.

REFERENCES

- [1] Chatterjee Ch. Economic Diplomacy and Foreign Policy-making. - Palgrave Macmillan, 2020.
- [2] Van Bergeijk, Peter A.G., Moons S. New frontiers for economic diplomacy // Economic Diplomacy and Economic Security. - 2009. - July 20. – P. p. 37-54. <https://ssrn.com/abstract=1436584>
- [3] Sharp P. Making Sense of Citizen Diplomats: The People of Duluth, Minnesota, as International Actors // International Studies Perspectives. – 2001. - № 2 (2). – P. 131–150.
- [4] Waltz K. Theory of International Relations. - N.Y., 1979. - P. 27, 36-38.
- [5] Pareto V. The Mind and Society. - New York: Harcourt, Brace and Company, 1935. - P. 1563.
- [6] Lamy S. Contemporary mainstream approaches: neo-realism and neo-liberalism / In: The Globalisation of World Politics. By Smith, Baylis and Owens. - Oxford University Press, 2001. – P. 127-128.
- [7] Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. - New York: Alfred A. Knopf, 1955.
- [8] Gaddis J. Lewis, Kennan George F. An American Life. - Penguin Press, 2011. - 784 p.
- [9] Rosenau James N. Public Opinion and Foreign Policy: An Operational Formulation. - New York: Random House, 1961.
- [10] Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge, 1999.
- [11] Jackson Robert H., Sørensen G. Introduction to international relations: theories and approaches. 4th ed. - New York: Oxford University Press, 2010. - 337 p.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДИПЛОМАТИЯНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ-ӘДІСТЕМЕЛІК НЕГІЗДЕРІ

***Шайморданова З.Д.¹, Нығметова Б.М.²**

***¹ Тарих ғылымдарының докторы, профессор,**

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және

әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

e-mail: shaimordanova.z@ablaikhan.kz

² PhD докторант, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық

қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

e-mail: bnygmetova@inbox.ru

Аңдатпа. Экономикалық дипломатия мемлекеттің экономикалық мүдделерін ілгерілетуге және қорғауға бағытталған сыртқы саясаттың негізгі құралы ретінде қызмет етеді. Жаһандану және ашық экономика жағдайында мемлекеттер тұрақты дамуды қамтамасыз ету, жұмыс орындарын құру және шетелдік инвестицияларды тарту үшін экономикалық дипломатияны пайдалануға тырысады. Қазіргі заманғы геосаяси және геоэкономикалық сын-қатерлер экономикалық дипломатияның дәстүрлі тәсілдерін қайта бағалауды, оның ішінде мемлекет пен аймақтық ұйымдардың рөлін күшейтуді талап етеді.

Мақалада экономикалық дипломатияны зерттеу үшін қолданылатын халықаралық қатынастардың классикалық теориялары, аймақтану және саясаттану: реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм және конструктивизм, сондай-ақ саяси элита ұсынылған. Экономикалық дипломатияны зерттеуде халықаралық қатынастардың негізгі субъектісі ретінде мемлекеттің рөліне назар аударатын реализм белсенді түрде қолданылғанын көрсетеді. Неореализм мемлекеттік билік туралы түсінікті кеңейтіп, халықаралық ұйымдардың маңыздылығын мойындайды. Либерализм мемлекетаралық ынтымақтастық пен институционалдық механизмдерге ерекше мән береді. Ресми сапарларға бизнес өкілдерін қосу неолибералдық теорияны қолдайды. Конструктивизм неолиберализм қағидаларын жалғастыра отырып, халықаралық және аймақтық қарым-қатынастарды тұлғалық объективтік және субъектілердің бір-біріне деген көзқарасы арқылы талдайды.

Мақаланың негізгі қорытындылары экономикалық дипломатияны зерттеуге интеграциялық және пәнаралық тәсілдің қажеттілігін, сондай-ақ қазіргі жаһандық өзгерістер аясында тәсілдер мен тұжырымдамаларды қайта қараудың және әртараптандырудың маңыздылығын көрсетеді.

Тірек сөздер: экономикалық дипломатия, сыртқы саясат, жаһандану, реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм, конструктивизм

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

*Шайморданова З.Д.¹, Ныгметова Б.М.²

*¹ Доктор исторических наук, профессор, Казахский университет
международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
e-mail: shaimordanova.z@ablaikhan.kz

² PhD докторант, Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
e-mail: bnygmetova@inbox.ru

Аннотация. Экономическая дипломатия выступает ключевым инструментом внешней политики, направленным на продвижение и защиту экономических интересов государства. В условиях глобализации и открытой экономики государства стремятся использовать экономическую дипломатию для содействия устойчивому развитию, созданию рабочих мест и привлечению иностранных инвестиций. Современные геополитические и геоэкономические вызовы требуют переосмысления традиционных подходов к экономической дипломатии, в том числе усиления роли государства и региональных объединений.

Статья представляет классические теории международных отношений, регионоведческих исследований и политических наук, используемые для изучения экономической дипломатии: реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм и конструктивизм, политические элиты. Показано, что в исследовании экономической дипломатии активно используется реализм, который фокусируется на роли государства как основного актора международных отношений. Неореализм расширяет понимание государственной мощи и признает важность международных организаций. Либерализм акцентирует внимание на межгосударственном сотрудничестве и институциональных механизмах. Включение представителей бизнеса в состав официальных визитов подкрепляет теорию неолиберализма. А конструктивизм, как бы продолжая положения неолибералов,

анализирует международные и региональные отношения с точки зрения идентичности и восприятия акторов друг друга.

Основные выводы статьи подчеркивают необходимость интегративного и междисциплинарного подхода в изучении экономической дипломатии, а также актуальность пересмотра диверсификации подходов и концепций в свете современных глобальных трансформаций.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, внешняя политика, глобализация, реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм, конструктивизм

Статья поступила 08.09.2024 г.

UDC 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.002>

IRSTI 11.01.45

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР САЛАСЫНДАҒЫ МАМАНДАРДЫ КӘСІБИ ДАЯРЛАУ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ

***Изтаева В.А.¹, Абжапарова Л.Ж.²**

***¹ Саяси ғылымдарының кандидаты, доцент, Абылай хан атындағы
Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті**

Алматы, Қазақстан

e-mail: iztaeva.venera@mail.ru

² PhD доктор, қауымдастырылған профессор

**Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан**

e-mail: laura_zh83@mail.ru

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты осы салада болашақ сарапшыларды дайындайтын қазақстандық университет контекстінде халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды кәсіби даярлау ерекшеліктерін егжей-тегжейлі ашу болып табылады. Қазіргі жағдайда, халықаралық қатынастар барған сайын күрделі және жан-жақты болған кезде, дипломатиялық қызметтің ерекшеліктерін және осы саладағы мамандарға қойылатын талаптарды ескеру қажет.

Мақалада көтерілген өзекті мәселелер Болашақ халықаралық мамандарды даярлаудың әртүрлі аспектілерін, соның ішінде дипломаттардың қызметін реттейтін нормативтік-құқықтық құжаттарды талдауды, сондай-ақ кәсіби ортада қалыптасқан тәжірибені зерттеуді қамтиды. Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды даярлау тек теориялық білімді ғана емес, сонымен қатар қазіргі заманның сын-қатерлерімен сәтті күресуге көмектесетін практикалық дағдыларды қажет ететінін атап өткен жөн. Оқыту барысында кәсіби маңызды құзыреттіліктерді қалыптастыруға ерекше көңіл бөлінеді. Бұған сыни тұрғыдан ойлауды, мәдениетаралық қарым-қатынас дағдыларын, стресске төзімділікті, сондай-ақ белгісіздік жағдайында тез шешім қабылдау қабілетін дамыту кіреді. Мамандар түрлі мәдениеттер мен ұлт өкілдерімен өзара іс-қимылға дайын болуға, сондай-ақ халықаралық аренадағы өзгермелі жағдайларға бейімделе білуге тиіс.

Сонымен қатар, мақала студенттерге практикалық тәжірибе алуға және дипломатиялық мекемелер мен халықаралық ұйымдардағы нақты жұмыс жағдайларына дайындалуға көмектесетін оқу бағдарламаларының, тәжірибелер мен тағылымдамалардың рөлін талдайды. Сондай-ақ материалды тереңірек игеруге және қажетті дағдыларды дамытуға ықпал ететін ақпараттық-коммуникациялық технологиялар мен оқытудың белсенді әдістерін енгізу сияқты білім берудегі жаңа трендтер талқыланады. Осылайша, мақаланың мақсаты – Қазақстандағы Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды даярлаудың ағымдағы жай-күйін талдап қана қоймай, сонымен қатар қазіргі дипломатия мен халықаралық саясаттың алдында тұрған міндеттерді тиімді шешуге қабілетті жоғары білікті кадрларды даярлау үшін оқу процесін жақсарту бойынша ұсынымдар әзірлеу.

Тірек сөздер: дипломат, кәсіби қызмет, халықаралық қатынастар, құзыреттер, мәдениетаралық коммуникация, дипломатиялық қызмет, білім беру жүйесі, Қазақстан

Негізгі ережелер

Қазіргі жағдайда, халықаралық қатынастар күрделене түскен кезде, дипломатиялық қызметтің ерекшелігі мен мамандарға қойылатын талаптарды ескеру қажет.

Қарастырылатын негізгі мәселер шеңбері:

1. Нормативтік құжаттарды талдау: дипломаттардың қызметіне қатысты негізгі ережелер мен Реттеулер зерттеледі.

2. Құзыреттіліктермен дағдылар: сыни ойлауды, мәдениетаралық қарым-қатынасты, стресске төзімділікті және белгісіздік жағдайында шешім қабылдау қабілетін қалыптастыруға ерекше назар аударылады.

3. Практикалық оқыту: студенттерге халықаралық ұйымдардағы нақты жұмыс жағдайларына бейімделуге көмектесетін тағылымдамалар мен тәжірибелердің рөлдері қарастырылады.

4. Жаңа білім беру трендтері: материалды тереңірек игеруге ықпал ететін ақпараттық-коммуникациялық технологиялар мен оқытудың белсенді әдістерін енгізу талқылануда.

5. Оқу процесін жақсарту бойынша ұсыныстар: мақала дайындықтың ағымдағы жағдайын талдауды аяқтайды және білім сапасын жақсарту жолдарын ұсынады.

Мақаланың мақсаты-заманауи дипломатия мен халықаралық саясаттың сын-қатерлерімен тиімді күресуге қабілетті жоғары білікті кадрларды даярлау үшін ұсыныстар әзірлеу.

Кіріспе

Халықаралық қатынастар саласында кәсіби мамандарды даярлау тарихы бірнеше ғасырларға созылады қазіргі дипломатиялық академиялардың алғашқы институттары XVIII ғасырда Еуропа елдерінде құрылды, белгілі бір тарихи кезеңдегі мемлекеттің ұлттық басымдықтарымен және сыртқы саяси жағдайлармен де тығыз байланысты болып келеді. Кеңес Одағының ыдырауы және тәуелсіз мемлекеттердің құрылуы қоғам өмірінің көптеген салаларында, соның ішінде жоғары білім беру жүйесінде сапалы жаңа міндеттер қойды. Шетелде дипломатиялық және консулдық мекемелер желісін, халықаралық ұйымдар жанындағы өкілдіктерді құру, сыртқы саясатты жүзеге асыру, ұлттық мүдделерді қорғау және басқа да міндеттер алғаш рет тәуелсіздік алған жас мемлекеттерді дипломатиялық тұрғыдан тану үшін халықаралық қатынастар саласында білікті мамандар даярлауды талап етті.

1944 жылы одақтас республикаларға сыртқы қатынастар саласында өкілеттіктер берілгеніне қарамастан, сыртқы істер Халық комиссариаттары 1946 жылдан бастап Сыртқы істер министрліктері одақтас республикалар үкіметтерінің құрылымдарында КСРО сыртқы саяси ведомствосының қатаң басшылығымен жұмыс істеді. Дипломатиялық кадрларды даярлау 1944 жылы құрылған Мәскеу мемлекеттік Халықаралық қатынастар институтында МГИМО орталықтандырылды. МГИМО іргетасы М. Ломоносов атындағы

ММУ халықаралық факультеті болды, ол 1943 жылы КСРО Сыртқы Істер Халық Комиссариаты мен сыртқы сауда Халық Комиссариатына кадрлар даярлау үшін құрылды [1]. Тәуелсіздік алған кезде бұрынғы одақтас республикаларда халықаралық қатынастар саласында мамандар даярлайтын жоғары білім беру мекемелері болған жоқ. Бұрынғы одақтас республикалардың тәуелсіздігін жариялаумен және олардың халықаралық қатынастардың толыққанды субъектілерінің жаңа саяси мәртебесін ескере отырып, дипломатиялық кадрларды даярлаудың ұлттық жүйелерін құру қажеттілігі туындады. Әрбір мемлекетте оқытудың өзіндік бірегей нысандары болғанмен оларға әсер еткен жалпы жағдайлар мен факторлардың ұқсастығын атап өтуге болады. Халықаралық қатынастар мамандығы бойынша республикалардың жетекші университеттерінде бейіндік кафедралар құрылды 1992 жылы Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің тарих факультетінде Халықаралық қатынастар және сыртқы саясат кафедрасы, 1995 жылы факультет құрылды [2]. Сыртқы саяси ведомстволардың - дипломатиялық академиялардың Жеке оқу орталықтарын құру маңызды үрдіс болды. Дипломатиялық академияларда КСРО-да болған дипломаттардың жұбайына арналған арнайы курстардың тәжірибесі жандандыру қажет. Біз бұл тәжірибені өте пайдалы деп санаймыз өйткені дипломаттардың жұбайлары мемлекеттің шетелдегі дипломатиялық өкілдігінің нақты ортасы туралы белгілі бір коммуникативті дағдылар мен білімге ие болуы керек қоғамдық тұлғалар болып саналады.

Әлемдік дамудың заманауи тенденциялар мен жаңа сын-қатерлер дипломаттардың алдына жаңа міндеттер қояды. Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды даярлау дәстүрлі білім мен дағдылардан басқа уақыттың жаңа талаптарын да ескереді. Олардың ішінде мәдениетаралық қарым - қатынасты білу, толеранттылық деңгейінің болуы, өмір бойы өз өзін дамытуға, дағдарыстық жағдайларда стресске төзімді болу, «soft skills» кешені-икемді дағдылар ерекшеленеді. Жұмыс уақытының көп бөлігі коммуникациямен байланысты дипломаттар үшін өте маңызды. Осыған байланысты халықаралық мамандарды даярлау жүйесі де өзгеруде: онда оқытудың әртүрлі белсенді әдістері, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар, тәжірибеге бағдарлану, құзыреттілік тәсіл үлкен рөл атқарады.

Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды дайындап оқытудың теориясы мен тәжірибесін зерттеудің өзектілігі халықаралық

қатынастар жүйесінің динамикалық дамуының үдерісімен байланысты болып отыр. Қазақстан Республикасының әлемдік қауымдастыққа интеграциялануы, мемлекеттік және өңірлік деңгейде халықаралық байланыстардың кеңеюі, Қазақстан Республикасының Болон процесіне қосылуы, халықаралық қатынастардың мамандарының деңгейі мен сапасына қойылатын талаптардың өзгеруіне әкелді. Бұл Қазақстан Республикасының 2030 жылға дейінгі кезеңге арналған әлеуметтік-экономикалық даму тұжырымдамасында көрсетілген, онда отандық тәжірибені ескере отырып, жоғары білікті мамандарды даярлау қазақстандық білім беру жүйесін жаңғыртудың қажеттілігі айтылған. Орын алған өзгерістер Сыртқы істер министрлігі жүйесіне және сыртқы мәселелерге қатысты басқа да ведомстволарға ішкі және сыртқы саясаттың торабында тиімді жұмыс істей алатын дипломаттар, заңгерлер, экономистер мен қаржыгерлерге, сыртқы экономикалық кеңістік, халықаралық журналистер, кәсіби коммуникация саласындағы аудармашылар кәсіби кадрлардың қажеттілігін туғызды.

Жаһандану дәуірінде халықаралық қатынастардың құрылымы барған сайын күрделене түсуде, сондықтан халықаралық қатынастар саласындағы жұмыс қазіргі уақытта стратегиялық маңызды мемлекеттік міндеттерді шешуді қамтамасыз ететін кәсіби қызметтің ерекше түрі ретінде қарастырылады. Қазіргі заманғы халықаралық қатынастар саласындағы мамандардың жоғары кәсіби білімі бар, шет тілдерін белсенді меңгерген, бұл оларға халықаралық ортада кәсіби қызметті жүзеге асыруға мүмкіндік береді. Еліміздің алдында тұрған сыртқы саяси және экономикалық міндеттерді шешудің табыстылығы көбінесе олардың кәсібилігі мен біліктілігіне байланысты. Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды даярлаудың тиімділігі мемлекет мүддесіне де, әрбір жеке азаматтың мүддесіне де әсер етеді. Соның ішінде соғыс пен бейбітшілік, қауіпсіздік, мемлекеттің саяси, экономикалық және әлеуметтік-мәдени дамуының тиімділігі мәселелері сол білімді де, білікті, сауатты маманның құзырында деп айтуға болады [3].

Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды кәсіби даярлаудың ерекшелігі мынада: бұл санаттағы мамандар тек кәсіби дағдыларға ғана емес, сонымен қатар шешім қабылдауға және жауапкершілікті алуға дайын болуы керек. Шешім қабылдауда жағдайдың контекстік маңыздылығын, қабылдаушы елдің тілдік ерекшеліктерін, келіссөздерді жүргізуді анықтайтын тілдік және экстралингвистикалық факторларды ескере отырып, кәсіби қызметті

жүзеге асыру осы халақаралық қатынастар саласының маманына жүктеледі.

Материалдар мен әдістерді сипаттау

Сонымен, халықаралық мамандарды кәсіби даярлау іргелі ғылыми-тәжірибелік мәселе болып табылады, оны кәсіби білім берудің теориясы мен тәжірибесі басқа бейіндегі мамандарды даярлаудан ерекшеленетін жеке бағыт ретінде қарастыру қажет. Жоғарыда аталған факторлар олардың қызметінің көп функционалдығы мен көп өлшемділігін ескере отырып, жаңа парадигмасы ретіндегі құзыреттілік көзқарас тұрғысынан қазіргі заманғы халықаралық мамандарды кәсіби оқыту тәжірибесінің теориясы мен талдауын әзірлеудің өзектілігін анықтайды. Зерттеу бағыттарына кәсіптік-техникалық білім беру педагогикасының генезисі мен теориялық-әдістемелік негіздері, жоғары оқу орындарында халықаралық мамандарды даярлау, біртұтас білім беру кеңістігінде кәсіптік-техникалық білім беруді аймақтандыру, кәсіптік білім беру саласындағы инновациялық технологиялар, кәсіптік-техникалық білім беру саласындағы инновациялық технологиялар, кәсіби-техникалық білім берудің диагностикасы жатады, кәсіптік білім беру сапасы, кәсіптік білім беру мекемесінің білім беру ортасы, халықаралық мамандарды кәсіби даярлауда құзіреттілікке негізделген тәсілді қолдану болып табылады.

Сонымен қатар, СІМ қызметкерлерінің кәсіби даярлығының теориясы мен тәжірибесінің мәселелері жеткілікті түрде зерттелмеген, бұл көбінесе СІМ-нің сыртқы зерттеушілерге ақпарат көздерінің жабықтығына байланысты. Халықаралық мамандардың кәсіби дайындығын ғылыми негіздеу мәселесі қазіргі ғылымның дамымаған салаларына жатады. Оны ғылыми талдау және практикалық шешу қажеттілігі бірқатар қарама-қайшылықтармен анықталады, олар:

Нәтижелер

Халықаралық қатынастар саласында мамандарды даярлауда мына аспектілер ескерілу керек:

- Психологиялық дайындық: болашақ дипломаттар парасаттылық, зейін және стресске төзімділік сияқты қасиеттерге ие болуы керек. Маңызды аспект-әңгімелесушінің психологиялық портретін құруға және тиімді іскерлік қарым-қатынасқа көмектесетін психологияның негіздерін зерттеу.

- Кәсіби құзыреттіліктер: оқыту халықаралық келіссөздерді ұйымдастыру, құжаттарды дайындау және ақпаратты талдау

дағдыларын қамтиды. Табысты жұмыс қабылдаушы елдің саяси және экономикалық факторларын, сондай-ақ мәдениетаралық коммуникативтік құзыреттілікті түсінуді талап етеді.

- Функционалдық дағдылар: маңызды аспектілер-әртүрлі көзқарастарды түсіну, өз мінез-құлқыңызды реттеу және қақтығыстарды жеңу. Болашақ дипломаттар жоғары төзімділік пен командалық жұмыс қабілеттілігін көрсетуі керек.

- Мәдениетаралық қарым-қатынас: әртүрлі мәдениеттердің өкілдерімен өзара әрекеттесу мәдени ерекшеліктерге назар аударуды және қарым-қатынастың сәттілігіне әсер ететін кедергілерді жоюды талап етеді.

- Тағылымдамалар: серіктес жоғары оқу орындарындағы тәжірибе студенттерге халықаралық ортаға бейімделуге көмектеседі, ал таныстыру практикасы кәсіби құзыреттіліктердің қалыптасуын бағалауға және мансаптық өсу үшін дұрыс бағытты таңдауға мүмкіндік береді.

- Жұмысқа орналасу: диплом алдындағы практикадан сәтті өту түлектердің жақсы жұмысқа орналасуына ықпал етеді.

- Аналитикалық дайындық: студенттердің ақпаратты сапалы талдау дағдыларын дамыту және сенімді деректерді жалған ақпараттан ажырату маңызды, бұл ақпараттың үлкен көлемі жағдайында маңызды.

- Экономикалық дайындық: заманауи бағдарламалар жаһандық экономика және қаржы курстарына назар аударады, бұл жас дипломаттарға экономикалық мәселелерді жақсырақ басқаруға көмектеседі.

Осылайша, зерттеу теориялық және практикалық аспектілерді ескере отырып, Халықаралық қатынастар саласындағы мамандарды даярлауға кешенді көзқарас қажеттілігін растайды, бұл қазіргі заманның сын-қатерлеріне дайын жоғары білікті кадрларды қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Талқылау

Қазіргі заманғы халықаралық қатынастар саласы маманның кәсіби құзыреттілігінің қажетті деңгейіне мемлекеттің тапсырысы мен жоғары оқу орындарында тілдік даярлаудың дәстүрлі жүйесінің жоғары деңгейге жетуді қамтамасыз ете алмауы, әдіснамалық жоспарда оқыту мазмұнын іріктеудің және кадрлық талаптарды қалыптастырудың ескірген әдіснамасымен түсіндіріледі;

- нормативтік жоспар тұрғысынан талдайтын болсақ: СИМ-ге

және/немесе халықаралық компанияларға жұмысқа қабылдау кезінде қойылатын халықаралық өатынастар саласындағы маманның кәсіби құзыреттілігіне қойылатын біліктілік талаптары мен «халықаралық қатынастар» бағыты бойынша мемлекеттік білім беру стандарттарына сәйкес оқыту шеңберінде осы құзыреттіліктің негіздерін қалыптастыруды қамтамасыз етуге арналған дайындықтың негізгі мазмұны арасында;

- мазмұндық тұрғыдан талдайтын болсақ: халықаралық мамандардың жалпы (кәсіптік бағдарланбаған) тілдік даярлығының мазмұны мен осы мазмұнды кәсібилендіру қажеттілігі арасында;

- дидактикалық-әдістемелік жоспар тұрғысынан талдайтын болсақ: «халықаралық қатынастар» бағыты бойынша даярлауды жүзеге асыратын жоғары оқу орындарында даярлықтың ғылыми-әдістемелік қамтамасыз етілуінің жеткіліксіздігі, халықаралық мамандарды кәсіби даярлауды білім беру-технологиялық қамтамасыз етудің объективті қажеттілігі арасында;

- тұлғалық-субъективті тұрғыдан талдасақ: халықаралық мамандардың кәсіби бағдарланған білімдері мен дағдыларының кәсіби маңызды құзыреттерге қажеттіліктері арасында, «халықаралық қатынастар» бағыты бойынша бейіндерге бейімделген дәстүрлі білім беру бағдарламалары шеңберінде осы қажеттіліктерді қанағаттандырудағы қиындықтарды айтуға болады [4].

Осы айтылған барлық қайшылықты мәселелер халықаралық қатынастар саласының мамандардың кәсіби дайындығының генезисі мен ерекшелігін анықтайтын әдіснамалық, теориялық және дидактикалық негіздерді зерттеу керек, өзекті деп санаймын. Мәселенің өзектілігі, оның жай-күйін талдау және даму дәрежесі осы зерттеудің негізгі бағыттары мен логикасын анықтауға мүмкіндік берді.

Еуразия кеңістігіндегі дипломатия. Еуразияның кең кеңістігінде ғасырлар бойы қалыптасқан және табысты жұмыс істеп келе жатқан дала дипломатиясын ұмытпауымыз керек. Көптеген тарихшылар атап өткендей, ежелгі заманнан бері қазақтар дипломатия өнерінің барлық арсеналына ие болды – даналық, шешендік және тапқырлық, философиялық көзқараспен және мәселелерді шешудің бірегейлігімен, саяси түйсігі мен көрегендігімен ерекшеленді. Дипломатия өнеріне иелік ету арқылы мұндай үлкен аумақты тек бейбіт, көршілерімен тату тұратын және өзгелергі байыптылық пен төзімділігін көрсете алатын халық қана сақтай алады. Бұл постулаттар бүгінгі қазақстандық дипломатияның теңгерімділігі мен прагматизмі

қағидаттарының негізіне айналуы тиіс. Дәл осы қазақстандық менталитеттің ерекшеліктері арқылы әлем бізді қоғамдағы бейбітшілік пен тыныштықты терең бағалайтын, халықаралық аренада достық пен қауіпсіздікті нығайтуға бағытталған бастамаларды мақсатты түрде ілгерілететін ел ретінде қабылдайды. «Бірде-бір дәуірді оның ұлы адамдары туралы идеясыз дұрыс түсіну мүмкін емес. Өйткені адам тағдыры арқылы біз оқиғаның барысын көріп қана қоймай, оның рухына енеміз». Француз дипломаты Жюль Камбон XIX ғасырда айтқандай: «дипломаттар, сарбаздар сияқты емес, тарихшылар тарапынан дәріптелмейді, кейбіреулерінің есімдеріде тарихта аталмай қалады».

Дипломат мамандығы әрқашан беделді және тартымды болып саналды, ол жаңа адамдармен танысу, шет елдерге бару, әлемді білу. Дегенмен, дипломатиялық қызметті таңдаған немесе жалпы халықаралық қатынастар саласында жұмыс істейтін жастар кез келген мамандықтың ерекшеліктерін біле бермейді. Бұл тек студент жастарға ғана қатысты емес - шетелдегі сыртқы істер органдарының қызметкерлері де осындай проблемаларға тап болады, дипломатиялық қызметті таңдаған университет түлектері «дипломатиялық мамандықтың не екенін және оның рөлін түсінуде базалық білімдер мен түсініктерде жиі кемшіліктерді көрсетеді». Болашақ халықаралық мамандардың кәсіби қызметі көп қырлы, ол дипломатиялық, саяси халықаралық қызмет, мәдени байланыстар саласындағы халықаралық саясат және әскери саладағы сауда-экономикалық байланыстар саласындағы ағымдағы тенденцияларды зерделеуді қамтитын ақпараттық-талдау жұмыстары жатады. Сондай-ақ халықаралық маман ұсынатын елдің белгілі бір елдермен қарым-қатынасының дамуын, оның жекелеген аймақтарға, халықаралық ұйымдарға ықпал ету дәрежесін талдай білу қажет. Ақпараттық-талдау жұмыстары сонымен қатар аймақтар мен жекелеген елдер, халықаралық және қоғамдық ұйымдар, саяси және қоғам қайраткерлері, ғылым мен мәдениет өкілдері туралы мәліметтер қорын құру мен жаңартуды (ақпаратты іздеу, іріктеу және өңдеу) қамтиды. Ақпаратты іздеу ана тілінде де, шет тілдерінде де жүргізіледі, сондықтан халықаралық маман шет тілдерін жетік білуі керек. Құжаттарды рәсімдеу және ақпаратты дұрыс және логикалық түрде беру мүмкіндігінсіз ақпараттық-талдау жұмысын жүзеге асыру мүмкін емес. Болашақ халықаралық маман тек келіссөз жүргізіп қана қоймай, қажет болған жағдайда аудармашы, хатшы, референт қызметтерін де атқара алуы керек. Сондықтан халықаралық

студенттерді кәсіби даярлау барысында шет тілдерін меңгеруге және аудармашылық құзыреттілігін қалыптастыруға көп көңіл бөлінеді.

Дипломатиядағы мәдениетаралық коммуникация.

Халықаралық коммуникация әрқашан мәдениетаралық коммуникацияны қамтиды, сондықтан түлек оқытылатын тіл елінің тілдік және мәдени ерекшеліктерін білуі және мәдениетаралық коммуникациялық кедергілерді жеңе білуі және мәдениетаралық қақтығыстарды болдырмауы керек. Осыған байланысты шет тілін оқытуда лингвомәдени біліктілікке көп көңіл бөлгені дұрыс. «Мәдениетаралық коммуникация негіздері» және «Іскерлік мәдениет» курстарын оқытудың маңыздылығы да осында деп білемін.

Халықаралық қатынастар факультетін бітірген кейбір түлектеріміз редакциялық, баспа және мәдени-ағартушылық қызметпен айналысады: олар бұқаралық ақпарат құралдарында халықаралық мәселелерді жариялап, көрмелер, фестивальдар өткізеді, мәдени алмасу және гуманитарлық өзара іс-қимыл, оның ішінде шетелде тұратын отандастармен іс-шаралар ұйымдастырады. Халықаралық қатынастар саласының көптеген түлектері ғылыми-педагогикалық қызметпен айналысады. Халықаралық зерттеулер аясындағы ғылыми және кәсіби байланыстар әлемдік ғылыми және академиялық қоғамдастықта ұлттық мүдделерді ілгерілетуге ықпал етеді.

Халықаралық ынтымақтастықтың жаңа бағыты спорт, экология және ауыл шаруашылығы саласындағы дипломатияны оқытудың жаңа бағыттары қарастырылуы керек деп ойлаймын. Кәсіби қызметтің барлық осы салалары халықаралық қатынастардың теориясы мен практикасы, халықаралық құқық саласындағы жалпы дайындықты ғана емес, сонымен қатар тиісті кәсіби тақырыптарды тереңдетіп оқуды талап етеді [5].

Сондықтан «дипломат» мамандығының не екенін, дипломаттың жеке басына қандай кәсіби талаптар қойылатынын, ол қандай жеке қасиеттерге ие болуы керек екенін теория және практика тұрғысынан түсінудің жаңа форматы қажет болуы керек. Ең алдымен, бұл кәсіп ұзақ тарихи кезеңдегі адам қызметінің тәжірибесін жинақтайды, сонымен қатар тарих, экономика, халықаралық қатынастар және құқық, әлеуметтану, экология, аймақтану және тіл білімі сияқты көптеген арнайы ғылымдардың квинтэссенциясы болып табылады. Дипломат мамандығының сипаттамалары алуан түрлі, сонымен қатар қазіргі жағдайда кейбір батыс және ресейлік дипломаттардың пікірінше,

белгілі бір лауазымдарға тағайындау кезінде болашақ дипломаттардың жеке қасиеттерін ескере отырып, үміткерлерге басымдық берілуі керек.

Болашақ дипломаттарды, халықаралық қатынастар саласындағы мамандарын оқу үдерісінде дайындаудың жекелеген бағыттарын толығырақ талдай отырып, халықаралық қатынастар саласындағы маманының жеке және іскерлік қасиеттеріне қойылатын дәстүрлі талаптарды ешкім де жоққа шығармайтынын ескеру қажет. Қазіргі заманғы халықаралық қатынастар саласындағы маманды дайындау көшбасшылық психологиясын, жанжалдарды басқару, кәсіби қарым-қатынас этикасын зерттеу сияқты бірқатар жаңа бағыттардысыз жүзеге асырылмайды. Университеттік білім берудің маңызды міндеті білім мен дағдыларды берумен қатар, оқу процесінде кәсіби маманның жеке тұлғасын қалыптастыру, оның тандаған мамандығымен өзін-өзі сәйкестендіруіне ықпал ету болып табылады.

Қорытынды

Болашақ дипломаттардың маңызды қасиеттеріне психология негіздерін зерделеуді көздейтін жақсы психологиялық дайындық, пайымдылық, зейінділік, күйзеліске төзімділік, әңгімелесушінің психологиялық портретін көрсете білу сияқты қасиеттерді дамыту жатады. Атап айтқанда, психологиялық дайындық, әңгімелесушіні тыңдау және жалпы жағдайды байқау, іскерлік қарым-қатынас әдістерін меңгеру және қабылдаушы елдің жергілікті іскерлік мәдениетінің ерекшеліктерін пайдалана білу қабілетін дамыту. келіссөздердің табысты және тиімді нәтижелеріне қол жеткізу. Дипломатиялық қызметкерлерді кәсіби даярлауда университет тұлғаларының халықаралық келіссөздерді, жұмыс кездесулерін ұйымдастыру, тиісті құжаттар жобаларын дайындау, қабылдаушыда ақпаратты жинау және талдау қабілеті сияқты кәсіби құзыреттіліктерді меңгеруіне ерекше көңіл бөлінеді. Болашақ дипломаттар мен халықаралық істер мамандарын шетелде жұмыс істеуге дайындағанда, қабылдаушы елдің саяси және экономикалық факторларын зерттеп қана қоймай, мәдениетаралық коммуникативті құзыреттілігін қалыптастыруға да назар аудару қажет. «Басқа мәдениет өкілдерінің көзқарастары мен пікірлерін түсіну, өз мінез-құлқын түзету, қарым-қатынас процесінде қақтығыстарды жеңу, әртүрлі құндылықтардың, мінез-құлық нормаларының өмір сүру құқығын мойындау» функционалдық дағдыларды дамыту ерекше маңызды. Болашақ дипломаттарға қойылатын заманауи талаптар мәдениетаралық қарым-қатынас құзыреттілігін ғана емес, дағдарыстық

жағдайларда күйзеліске қарсы тұруды, командада жұмыс істей білуді және жоғары төзімділіктің болуын қамтиды. Мәдениетаралық коммуникация әртүрлі мәдени және субмәдени топтардың өкілдері арасындағы өзара әрекеттесу ретінде түсіндіріледі, оның барысында коммуникативті серіктестердің бөтендігі көрінеді, коммуникативті өзара әрекеттесу нәтижесіне әсер етеді. Дипломат мамандығы әрқашан беделді және тартымды болып саналды: бұл жаңа адамдармен кездесу, шет елдерге бару, әлемді тану. Алайда, дипломатиялық қызметті немесе жалпы халықаралық қатынастар саласындағы жұмысты таңдаған жастар әрдайым мамандықтың қандай ерекшеліктерімен бетпе-бет келетіндігін түсінбейді. Халықаралық бейіндегі студенттердің кәсіби дайындығы мен кәсіби бірегейлігін қалыптастыруда серіктес жоғары оқу орындарындағы тағылымдамалар маңызды рөл атқарады, бұл шетелде оқудың ерекшелігін сезінуге, басқа мәдениет өкілдерімен қарым-қатынас тәжірибесін алуға, тілдік ортаға енуге мүмкіндік береді, сондықтан халықаралық қатынас саласына маман даярлап отырған ЖОО дағы тағылымдама мамандыққа қатысты болуы керек. Студенттердің таныстыру және диплом алдындағы практикасының рөлі бірдей маңызды, оның барысында олар кәсіби міндеттерді орындайды және олардың кәсіби таңдауы қаншалықты дұрыс болғанын кәсіби маңызды құзыреттер қаншалықты қалыптасқанын және нәтижесінде кәсіби сәйкестікті түсінеді. Диплом алдындағы практикадан сәтті өту түлектерді одан әрі жұмысқа орналастыруға ықпал етеді. Осылайша, халықаралық бейіндегі мамандардың кәсіптік білім беру мазмұнын іріктеу және оқу жұмыс жоспарлары мен бағдарламаларын жасау кезінде кәсіптің тиісті нормативтік-құқықтық құжаттармен регламенттелуін және ақпараттық-талдамалық және ұйымдастырушылық-коммуникациялық жұмыстармен, оның ішінде шет тілдерін қолданумен байланысты кәсіптік қызметтің ерекшеліктерін, сондай-ақ мәдениетаралық коммуникацияға дайындығын назарға алу қажет.

Соңғы жылдары шет мемлекеттер шетелдік студенттердің де, еңбек жолын бастаған жас дипломаттардың да экономикалық дайындығын арттыруға көп көңіл бөлді. Осы мақсатта жаһандық экономика және қаржы, менеджмент және маркетинг, ірі фирмалар мен компанияларда тағылымдамадан өту бойынша арнайы курстар ұсынылады. Дипломатиялық жұмыстың аналитикалық құрамдас бөлігіне назар аудара отырып, халықаралық студенттердің, болашақ дипломаттардың қалыптасуына, ақпараттың үлкен көлемін, соның

ішінде Интернетті алу жағдайында сапалы шарлау және шынайы ақпаратты жалған ақпараттан ажырата білуге назар аудару керек.

ӘДЕБИЕТ

[1] История МГИМО [Электронный ресурс] // МГИМО-Университет. - URL: https://mgimo.ru/about/history/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

[2] История кафедры международных отношений и мировой экономики // Казахский национальный университет им. Аль-Фараби. URL: <https://www.kaznu.kz/>

[3] Лазоркина О.И. Некоторые аспекты подготовки дипломатических кадров: история и современность // Труды факультета международных отношений: науч. сборник. - Вып. 5 - Минск, 2014. - 160 с.

[4] Дубинин Ю. В. Информационно-аналитическая функция дипломатических представительств за рубежом // Право и управление. XXI век. - 2011. - № 4 (21). - С. 107-119.

[5] Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация / Глава в книге: Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет / Под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014 Издательство: Сибирский федеральный университет (Красноярск). - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24548726_26120736.pdf

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Изтаева В.А.¹, Абжапарова Л.Ж.²

^{*1} Кандидат политических наук, доцент

Казахский университет международных отношений и мировых
языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

e-mail: iztaeva.venera@mail.ru

² доктор PhD, ассоциированный профессор

Казахский университет международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

e-mail: laura_zh83@mail.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в детальном раскрытии особенностей профессиональной подготовки специалистов в области международных отношений в контексте казахстанского университета,

который готовит будущих экспертов в данной сфере. В современных условиях, когда международные отношения становятся всё более сложными и многогранными, необходимо учитывать специфику дипломатической службы и требования, предъявляемые к специалистам в этой области.

Актуальные вопросы, поднимаемые в статье, охватывают различные аспекты подготовки будущих международных специалистов, включая анализ нормативно-правовых документов, которые регулируют деятельность дипломатов, а также исследование сложившейся практики в профессиональной среде. Важно отметить, что подготовка специалистов в области международных отношений требует не только теоретических знаний, но и практических навыков, которые помогут им успешно справляться с вызовами современности. В ходе обучения особое внимание уделяется формированию профессионально значимых компетенций. Это включает развитие критического мышления, навыков межкультурной коммуникации, стрессоустойчивости, а также способности к быстрому принятию решений в условиях неопределенности. Специалисты должны быть готовы к взаимодействию с представителями различных культур и национальностей, а также уметь адаптироваться к меняющимся условиям на международной арене.

Кроме того, статья анализирует роль учебных программ, практики и стажировок, которые помогают студентам получить практический опыт и подготовиться к реальным условиям работы в дипломатических учреждениях и международных организациях. Обсуждаются также новые тренды в образовании, такие как внедрение информационно-коммуникационных технологий и активных методов обучения, которые способствуют более глубокому усвоению материала и развитию необходимых навыков. Таким образом, цель статьи — не только проанализировать текущее состояние подготовки специалистов в области международных отношений в Казахстане, но и выработать рекомендации по улучшению учебного процесса, чтобы подготовить высококвалифицированные кадры, способные эффективно решать задачи, стоящие перед современной дипломатией и международной политикой.

Ключевые слова: дипломат, профессиональная деятельность, международные отношения, компетенции, межкультурная коммуникация, дипломатическая служба, образовательная система, Казахстан

THEORY AND PRACTICE OF PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

*Iztayeva V.A.¹, Abzhaparova L.Zh.²

*¹ Candidate of Political Sciences, associate professor, Kazakh Ablai khan
University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan

e-mail: iztaeva.venera@mail.ru

² PhD, associate professor Kazakh Ablai khan University of International
Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

e-mail: laura_zh83@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to reveal in detail the features of professional training of specialists in the field of international relations in the context of the Kazakh university, which trains future experts in this field. In modern conditions, when international relations are becoming more complex and multifaceted, it is necessary to take into account the specifics of the diplomatic service and the requirements for specialists in this field.

The topical issues raised in the article cover various aspects of the training of future international specialists, including the analysis of regulatory documents that regulate the activities of diplomats, as well as the study of established practice in the professional environment. It is important to note that the training of specialists in the field of international relations requires not only theoretical knowledge, but also practical skills that will help them successfully cope with the challenges of our time. During the training, special attention is paid to the formation of professionally significant competencies. This includes the development of critical thinking, intercultural communication skills, stress tolerance, as well as the ability to make quick decisions in conditions of uncertainty. Specialists should be ready to interact with representatives of different cultures and nationalities, as well as be able to adapt to changing conditions in the international arena.

In addition, the article analyzes the role of educational programs, internships and internships that help students gain practical experience and prepare for the real conditions of work in diplomatic institutions and international organizations. New trends in education are also discussed, such as the introduction of information and communication technologies and active learning methods that contribute to deeper learning of the material and the development of necessary skills. Thus, the purpose of the article is not only to analyze the current state of training specialists in the field of international relations in Kazakhstan, but also to develop recommendations

for improving the educational process in order to prepare highly qualified personnel capable of effectively solving the tasks facing modern diplomacy and international politics.

Keywords: diplomat, professional activity, International Relations, competencies, intercultural communication, diplomatic service, education system, Kazakhstan

Статья поступила 13.08.2024 г.

УДК 172.4

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.003>

МРНТИ 11.01.61

ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

*Сэбитқызы А.¹

*¹ доктор PhD, старший преподаватель, Казахский Национальный
Педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан
e-mail: assa.23@mail.ru

Аннотация. Принцип толерантности вкупе с идеей мирного сосуществования являются основополагающим элементом внешне-политической деятельности всех стран на мировой арене. Достижение высокой степени толерантных отношений в системе международных связей представляет собой довольно сложный процесс, так как каждый субъект международного сотрудничества представляет собой своеобразный элемент со своими специфическими формами внешнеполитической деятельности, социально-экономического развития, уникальностью национального менталитета и т.д. Толерантность на уровне международных отношений не сводится лишь к чувству терпимости по отношению к различным культурам и видам политической деятельности. Она также служит важным инструментом для достижения положительных результатов в глобальном взаимодействии. Этот принцип отрицает применение военной силы и подразумевает отсутствие кровопролитных конфликтов, что создает предпосылки для устойчивого мира и сотрудничества. В условиях глобализирующегося мира, где межгосударственные

отношения становятся все более многогранными и сложными, роль толерантности и мирного сосуществования приобретает особую значимость. Она способствует развитию диалога, взаимопонимания и уважения между различными народами и культурами, что, в свою очередь, укрепляет международную безопасность и способствует экономическому и социальному прогрессу на планете. Таким образом, интеграция принципа толерантности в международные отношения представляет собой не только этическую задачу, но и стратегическую необходимость для достижения глобального мира и стабильности. В статье рассматриваются ключевые идеи, актуальные для современной международной политики: принцип толерантности и идея мирного сосуществования; толерантность в международных связях как инструмент для достижения положительных результатов; достижение высокой степени толерантных отношений.

Ключевые слова: толерантность, международные отношения, терроризм, конфликты, политика, глобализация, плюрализм, дипломатия

*Статья подготовлена в рамках проекта «Жас галым» Комитета
науки Министерства науки и высшего образования
Республики Казахстан за 2022-2024 гг.*

*№ AP14972713 «Принцип толерантности в социальном развитии:
задачи и практика воплощения».*

Основные положения

Этика толерантности и культура сохранения мира представляют собой одну из значительных составляющих системы современной международной политики. Как показала мировая политическая и дипломатическая практика, данный принцип уже продемонстрировал всю силу своего позитивного содержания. Содержание системы внешнеполитического сотрудничества нашего государства, согласовывающаяся с принципом толерантности, состоит в следующем:

- во-первых, многовекторность в практике системы международных отношений отражает принцип плюрализма, что, в свою очередь, подразумевает рассмотрение особенностей культуры, политики, социального развития других стран как дипломатической ценности;

- во-вторых, многовекторность соотнобразуется с релятивизмом сознания, который способствует укреплению политических позиций за счет отказа от концентрации в процессе выбора внешних партнеров

только на одном из них, а также за счет того, что казахстанская внешняя политика ориентирована на принятие правил, диктуемых закономерностями мировой политики. Подобная установка сопряжена с выбором нескольких стратегических позиций, которые, в общем, располагают к тому, чтобы в нашей политике всегда сохранялась определенная вариабельность в отношении решения тех или иных проблем, касающихся благосостояния и политической стабильности Республики Казахстан;

- в-третьих, в дальнейшем предусматривается, чтобы многовекторность, как политическая ориентация, не была сменена односторонним подходом к международному сотрудничеству, поскольку толерантность в мировоззрении проецируется на внешнеполитическую позицию нашей страны. Это означает, что сущность толерантности, являющейся атрибутивным свойством казахстанского менталитета, сохраняется и по отношению к нашим международным партнерам, что выражается в уважении к чужим воззрениям на определенные вопросы, открытости и согласии действовать во имя построения позитивных и добрососедских отношений с другими государствами.

Вышеназванные пункты системы многовекторной политики Казахстана во многом соответствуют стратегии ООН в отношении конструирования взаимодействия между государствами и народами, которая пропагандирует принципы ненасилия и мира.

Введение

Этика толерантности и культура сохранения мира играют ключевую роль в современной международной политике, формируя основу для конструктивного взаимодействия между государствами. В последние десятилетия принцип толерантности проявил свою значимость как в теоретическом, так и в практическом контекстах, что свидетельствует о его эффективности в предотвращении конфликтов и содействии мирному сосуществованию.

Многовекторная внешняя политика Казахстана, ориентированная на плюрализм и уважение к различным культурам, представляет собой яркий пример применения этих принципов. Казахстан, как активный участник международной арены, демонстрирует свою приверженность к толерантности, что отражается в его политических, экономических и культурных инициативах. Это создает предпосылки для устойчивых отношений с другими странами и народами.

Исторически, толерантность имеет глубокие корни, восходящие к античным временам, когда различные этносы сосуществовали на одной территории. Современное понимание толерантности выходит за рамки простого сосуществования и включает в себя активное стремление к пониманию и уважению различий, что особенно актуально в условиях глобализации и растущей взаимозависимости.

В данной статье рассматривается, как принцип толерантности может служить эффективным инструментом для формирования положительных международных отношений и обеспечения мирного сосуществования, особенно в контексте многовекторной политики Казахстана, а также анализируются исторические корни толерантности и ее значение в современном мире, подчеркивая, что реализация этого принципа требует не только политической воли, но и культурного и этического осознания всех участников международной политики.

Описание материалов и методов

В рамках темы толерантности в международных отношениях требует комплексного подхода, учитывающего множество аспектов, что позволяет более глубоко понять как сам феномен, так и его влияние на различные социальные и международные процессы. Анализ и оценка толерантности в научной литературе позволяет учитывать, как изменялось понимание толерантности с течением времени, особенно в свете социальных и культурных изменений. Использование диалектического метода позволяет увидеть толерантность как динамическое явление, которое развивается и меняется в зависимости от различных социальных и культурных контекстов. Этот метод помогает выявить противоречия в понимании толерантности и показать, как они могут быть разрешены через диалог и компромисс. В современном мире, характеризующемся разнообразием культур и ценностей, толерантность становится все более актуальной. Она требует от каждого человека осознанной позиции и готовности к поиску компромиссов. Для успешного развития толерантности необходимо глубоко изучить ее этические основы и понять, какие ценности способствуют ее укреплению. Комплексный подход к исследованию толерантности позволит разработать эффективные стратегии ее популяризации в обществе.

Результаты

Существует множество аспектов толерантности как важного принципа как на уровне государства, так и на международной арене. Вот основные моменты, которые можно выделить:

- толерантность не является новым понятием, и ее корни уходят в античность, когда различные этносы сосуществовали в рамках одного государства.

- толерантность важна для экономического развития, так как она способствует взаимовыгодным отношениям между государствами.

- в процессе глобализации толерантность становится ключевым элементом для поддержания мира и стабильности.

- Казахстан, как многонациональное государство, может служить примером применения принципа толерантности, учитывая его стратегическое положение и необходимость сотрудничества с соседями.

Толерантность в международных отношениях может быть не только принципом, но и инструментом для достижения долгосрочных дипломатических решений и устойчивого мира.

Обсуждение

Касаясь истории толерантности как мировоззренческого принципа, необходимо подчеркнуть, что данный принцип не есть феномен, появившийся только к концу прошлого столетия. Существование толерантности можно проследить еще в эпоху античности, когда на территории одного государства, например, Македонской державы, проживало огромное количество этносов, имевших к тому же свою весьма специфическую культуру и формы вероисповеданий. Но в тот период под толерантностью понималась внутригосударственная система установления взаимоотношений между субъектами государства по принципу терпимости к чужому, более или менее мирному сосуществованию. В данном отношении В.В. Форсова следующим образом описывает сущность античного космополитизма: «Как мировоззренческая основа толерантности античный космополитизм был не столько антитезой национализма, сколько стремлением преодолеть человеческие страсти и обрести «небесное» гражданство» [1, с. 55].

Понятая таким образом структура социальной организации, выраженная в государственном правлении, в эпоху античности находит свою интерпретацию во многих учениях о государственном устройстве древнегреческих и древнеримских мыслителей. Проблема построения идеального государства в свое время вынашивал Платон, в воззрениях которого такое государство отражает гармонию и природы и человеческого существования. «Для государства, структура которого

воспроизводит в большом масштабе и более наглядно структуру человеческой души, существует одна-единственная совершенно справедливая форма правления, а именно та, где правление доверено самому мудрому» [2, с. 73].

В современную эпоху внешнеполитических взаимодействий принцип толерантности представляется возможностью положительного конструирования международных связей, отрицающей всякое насилие или негативное отношение к участнику выше названных связей. По мнению А.А. Гусейнова, толерантность «по существу является альтернативой насилия, а именно: замещает насилие в конфликтах, которые обусловлены противоположностью религиозно мировоззренческих позиций, представляет собой ненасильственный способ их разрешения» [3, с. 193]. Этим автор пытается показать то, что толерантность, в первую очередь, есть нравственность в чистом виде, реализация ее основополагающих постулатов, отвергающее какое бы то ни было отрицательное отношение к человеческому существованию.

Вне такого понимания толерантности было бы весьма сложным представлять взаимоотношения между участниками мирового политического процесса, как, например, между современным арабским миром (Лига Арабских государств) и странами, которые придерживаются проамериканской политики.

Осуществлению принципа толерантности даже на уровне международных отношений могут препятствовать субъективные предпочтения и настроения некоторых субъектов межчеловеческой деятельности, например, глав государств, которые не согласны по тем или иным вопросам в системе межгосударственных отношений. Так, К.О. Варшавская пишет: «Психологическая нетерпимость нередко является искусственным барьером в человеческих связях» [4, с. 83]. Таким образом, принцип толерантности должен быть выше всяческих индивидуальных намерений навязать свое мнение по поводу решения важных вопросов, особенно, если от их решения зависят судьбы десятков тысяч человек.

Еще одна специфическая черта действенности толерантности как цементирующего человеческое сообщество принципа заключается в том, что толерантность исключает причинение вреда одной стороне с целью достижения пользы для другой. Здесь можно упомянуть С. Мендуса, который интерпретировал толерантность, которая обнаруживает себя в том случае, когда она сопровождается

неодобрением или чувством отвращения к чужим интересам и взглядам [5, с. 98].

Итак, реализация принципа толерантности на уровне международной практики конструирования положительного взаимодействия между государствами нашей планеты, особенно если эти государства играют далеко не последнюю роль на мировой арене, представляет собой очень важным фактором в процессе поддержки дипломатических компромиссов. Этот момент является важным еще и в том смысле, что такой подход к толерантности формирует совсем новую культуру интернациональных отношений в новом тысячелетии.

Однако, несмотря на то, что толерантность в сфере планетарной дипломатии выражается только в положительном смысле, на сегодняшний день находятся такие рычаги, которые потворствуют этимологическому искажению значения толерантности в пользу ее смысловой дискредитации. Можно, например, указать на политику двойных стандартов, спекуляцию данным принципом в развитии явления глобального экстремизма и терроризма и др. Крайне необходимо понимать и помнить, что «толерантность не означает уступки или потворства всякой идеологической системе и политической позиции: и это отнюдь не безразличие, индифферентность к любым взглядам и действиям, как и не смирение перед общественным или бытовым злом» [6, с. 15].

В сфере интернациональных взаимоотношений толерантность подразумевает право человека совершать ошибки, что допускается всеобщей этикой человеческого существования.

Данная логика может быть подтверждена следующими доводами:

1. Толерантность направлена на объединение человеческого сообщества, что, в первую очередь, означает в идеале сохранение человеческого рода вообще. В связи с этим само явление межгосударственного антагонизма должен быть отторгнут как фактор недопущения интернационального диалога между участниками решения того или иного глобального или локального вопроса;

2. Толерантность выступает в качестве неотъемлемого компонента международной модели, по которой разрабатывается стратегия социально-экономического развития одного государства с наименьшими при этом затратами другого государства. Вместе с этим постепенно снимается проблема, при которой контраст между одним государством в плане экономического развития и роста и другим ощущается довольно остро.

3. Толерантность – это, прежде всего справедливость, а последняя связана с общечеловеческой моральной аксиомой «не вредить и не терпеть вреда». В связи с этим «в политическом, национальном и культурно-духовном развитии толерантность мыслится как нравственно оправданное, взаимодополняющее единство движений, народов, культур, конфессий» [7, с. 88].

Толерантность в контексте международной политики отличается не столько масштабностью своего применения, сколько затрагивает момент соперничества между странами и даже их конфедерациями. Это связано, в первую очередь, с глобализационными, интеграционными процессами в мировом сообществе. А глобализация – это, прежде всего, «этап движения человеческого сообщества к всеобщности и к адекватной ей целостной системе мироустройства в условиях очередного всплеска научно-технической революции» [8, с. 164].

Однако следует признать, что глобализация связана с устремлениями ее субъектов к достижению определенных благ, которые, в свою очередь, обеспечат их известным уровнем конкурентоспособности на арене глобальной политической игры. Поэтому глобализация в своей худшей интерпретации как раз предполагает момент устранения ненужных элементов международных связей, что само собой зиждется на явлении нетерпимости к более слабым субъектам.

В современную эпоху плюрализма, выбора собственного пути становления и дальнейшего развития одним из важных аспектов является конструирование собственной, во многом специфической модели существования определенного субъекта интернациональных взаимоотношений.

Одновременно необходимо осознавать, что модель многополярного мироустройства есть феномен политической действительности. Поддержка данного миропорядка означает приверженность к определенной геополитической организации. Это также означает, что, несмотря на проводимую внешнеполитическую линию многовекторности, Казахстан в современной политической карте мира должен стоять в стратегическом ряду с теми государствами, которые соответствуют ему согласно территориальным, культурно-историческим, политико-экономическим критериям. Поэтому самым оптимальным в этом отношении является сотрудничество нашего государства с соседними и в историческом плане близкими странами, такими как страны СНГ, Китай.

Одновременно с этим политика налаживания отношений нашего государства с перечисленными странами все же не гарантирует отсутствия определенного воздействия на Казахстан со стороны США и проамериканских сил, поскольку только найдя пути нейтрализации монополии силы можно говорить об истинной толерантности.

Таким образом, линия многовекторности, а с ней и толерантность, в какой-то мере являются своего рода защитным механизмом в случае, если сотрудничество с соседними регионально-политическими блоками начнет действовать не совсем эффективно.

К тому же либеральные концепции, односторонне анализирующие и интерпретирующие современную мировую геополитическую ситуацию, зачастую едины в выборе критерия мощности государства, согласно которому в основе этой мощи лежит бурный экономический рост. Как мы уже подчеркнули, этот критерий не представляется доминирующим и привилегированным в данной аналитической ситуации. Можно только в общем рассмотреть социальную, культурную, мировоззренческую специфику народов тех или иных стран, чтобы понять, как иногда ошибаются западные политические исследователи. Данные специфики свидетельствуют о феномене культуррелятивизма в области глобального, международного сотрудничества.

Возвращаясь к феномену культуррелятивизма, отметим, что он играет в некоторых случаях определяющую роль в процессе мировоззренческого обоснования проведения той или иной государственной политики, когда речь идет о решении исторически важной для государства задачи, от которого зависит дальнейшая судьба народа. Культуррелятивизм в этом отношении понимается как «принцип релятивистской методологии позволяющей подойти к изучению самобытных культур с позиций их уникальности, более внимательному и толерантному отношению ко всем незападным культурным образованиям» [9, с. 75].

Подобный подход к степени развитости того или иного субъекта международного сотрудничества дает возможность кардинально пересмотреть роль приоритетности экономически развитых государств, что предполагает значительное снижение уровня «неуверенности» у стран с менее развитой экономикой и государств, которые исторически являются молодыми образованиями.

Культуррелятивизм также предусматривает переоценку америкоцентристского стереотипа, который связывает всеобщий развитие мира с развитием только одной страны – Соединенных Штатов

Америки. Тем самым государства в контексте культуррелятивизма имеют возможность выступать как равноправные субъекты международного сотрудничества, располагая при этом своеобразной культурой внешнеполитического ведения дел. В этом смысле культуррелятивизм на международной арене отражает значение толерантного отношения практически к каждой стране, имеющей свои социально-культурные особенности.

Еще одним фактором, оказывающим негативное воздействие на этику толерантности в международной сфере, выступает терроризм, с совсем недавнего времени обретший все черты глобального явления. Это опасное явление непосредственно касается внешнеполитической практики Казахстана по поддержанию мира и порядка внутри страны в свете того, что южные границы нашего государства расположены в непосредственной близости с политически и религиозно нестабильными регионами, такими как Кыргызстан, Афганистан, Ближний Восток.

Этимологически латинское слово «terror» обозначает ужас, страх. Генеральный принцип, которого придерживаются террористы для достижения своих финансово-политических целей, является запугивание большого количества людей посредством периодических террористических актов.

Однако на фоне тотального осуждения феномена терроризма, его существование вызвано к жизни достаточно объективными и «закономерными» причинами. Основной из таких причин являются постоянные социально-экономические конфликты, дающие терроризму новые формы массового уничтожения людей, собственно человеческий материал, а также обоснование действий террористов за счет острой социальной несправедливости, поддерживаемой странами «золотого миллиарда». В последнее время ко всему этому прибавился еще и глобальный экономический кризис, вызванный, как полагают многие эксперты (и само собой сами террористы), политикой американского правительства.

Противоречия в борьбе с международным терроризмом во многом связаны с тем, что его существование и, более того, развитие поддерживают некоторые мировые державы и транснациональные корпорации с целью проведения определенной военно-экономической, политической линии.

Современный Казахстан, конечно, имеет все «шансы» стать целью мирового терроризма, поскольку в нашей стране наблюдается

рост экономической и политической стабильности. К тому же Казахстан богат природными недрами, что делает нашу страну выгодным партнером перед другими государствами.

Тем не менее, во внешней политике современного Казахстана не исключена возможность того, что придется непосредственно столкнуться с проблемами искоренения террористических организаций на нашей территории, в связи с чем проводится активная политика внедрения принципа толерантности в массовое сознание казахстанского народа, чтобы казахстанцы имели представление о том, к чему может привести слепое следование идеалам и канонам международного терроризма.

Некоторые исследователи в области глобального терроризма сходятся во мнении, что толерантность, как дипломатический и культурный принцип, не обладает той эффективностью, какая имеется в процессе применения силовой политики. Более того, по их мнению, «насилие способно разрешать конфликтные ситуации в современном мире, в том числе те из них, в которых расхождения сторон приобретают форму морального противостояния, поскольку линии, разделяющие добро и зло, прочерчены столь ясно, что не представляет большого труда привести вектор насилия в соответствие с вектором добра» [10, с. 274].

Но, стоит подчеркнуть, что такой подход к осмыслению сущности возрастающего международного терроризма подводит нас к ситуации косвенного одобрения потворства мирового насилия. Однако принцип толерантности вовсе не означает слабость политических позиций по отношению к возможным сепаратистским движениям в рамках отдельно взятого государства. Наоборот, одним из значений понятия толерантности является недопущение внутренних конфликтов в социальной структуре, устойчивость на уровне политики и, что более важно, коллективного сознания к явлениям подобного рода.

Разумеется, методы противостояния мировому злу на сегодняшний день требуют определенного пересмотра, поскольку сам международный терроризм уже успел адаптироваться в ситуации повсеместной борьбы с ним. Важно, чтобы мировое сообщество имело представление о том, что толерантность в своей основе является методом результативным, а непротивление злу на определенном этапе разрешения конфликта также представляется методом, качественно снимающим нарастающее напряжение между конфликтующими сторонами.

Чтобы понять эффективность, результативность действия принципа толерантности в области разрешения международных конфликтов, необходимо усвоить следующие смысловые и контекстуальные составляющие толерантности, прежде всего, как морального понятия. В качестве теоретического обоснования понятие имеет:

- во-первых, установку на то, что на практике сущность толерантности отражается в мировоззрении носителей и реализаторов данного принципа в процессе переживания тех или иных событий, связанных с непосредственным употреблением смысла толерантности;

- во-вторых, нацеленность на общественное мнение и оценку того, к чему может привести использование толерантности, как метода организации этико-морального пространства в обществе;

- в-третьих, как считает П.З. Тобуков, «толерантность должна стать нравственным императивом для личностей, формирование которого нуждается в развитии и функционировании, кроме демократических, цивилизованных условий жизни, других гуманистических традиций и обычаев» [11, с. 121];

- в-четвертых, существование в определенной социальной структуре некоторых элементов общества, к примеру, национальных меньшинств, не должно доводить взаимоотношения между людьми в социальной структуре до такой степени, что каждое национальное меньшинство будет стремиться к своей идентичности, что, в конечном счете, может привести к развалу социальной организации.

Таким образом, эффективность развития в массовом сознании толерантности в качестве морального феномена оказывает свое положительное воздействие на состояние осмысления толерантности в области межгосударственных отношений. От этого напрямую зависит результативность внедрения культуры ненасилия как метода дипломатической практики. По словам И. Канта: «Государства вступят на путь создания мирового союза, подобно тому, как в свое время люди вступили на путь создания государства» [12, с. 237].

Заключение

Завершая данную статью, следует упомянуть основные идеи, которые на сегодняшний день представляются необходимыми в сфере международной политики.

Во-первых, принцип толерантности вкупе с идеей мирного сосуществования являются базовыми составляющими внешне-

политической деятельности всех стран на мировой арене. Применимые в такой перспективе они составляют основы субъект-субъектной парадигмы межчеловеческих отношений.

Во-вторых, принцип толерантности на уровне международных связей – это не только следование чувству терпимости в отношении уникальности различных культур и типов политической деятельности. Толерантность в этом смысле должна быть орудием достижения положительных результатов, которое отрицает всякое применение военной силы и подразумевает отсутствие кровопролитных конфликтов.

В-третьих, само по себе достижение высокой степени толерантных отношений в системе международных связей есть процесс довольно сложный, так как каждый субъект международного сотрудничества представляет собой своеобразный элемент со своими специфическими формами внешнеполитической деятельности, социально-экономического развития, уникальностью национального менталитета и т.д. Поэтому представители многих государств придерживаются, к примеру, политики двойных стандартов, оправдывая ее применение необходимостью исторического развития и становления государства.

В-четвертых, Республика Казахстан является активным участником международной деятельности в ее различных областях. Более того, факт того, что наше государство представляется поборником внедрения принципа толерантности во внешнеполитической деятельности каждой страны, является весьма отрядным, в первую очередь, с точки зрения общечеловеческой морали.

В-пятых, толерантность является неотъемлемой характеристикой казахстанского менталитета в сфере этно-национальных, межконфессиональных, межкультурных отношений. Данный принцип заложен в мировоззрении каждого казахстанца, что дало возможность беспрепятственно создать такую внутривнутриполитическую организацию, как Ассамблея народов Казахстана, которая не имеет аналогов по всему СНГ.

Содействие внедрению принципа толерантности во внешней политике нашей республики – это во многом продолжение толерантных отношений между субъектами современного казахстанского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Форсова В.В. О религиозных корнях толерантности // СоцИС. – 2004. – № 1. – С. 54-61.
- [2] Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 54-64.
- [3] Гусейнов А.А. Философия. Мораль. Политика: сборник статей. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 304 с.
- [4] Варшавская К.О. Проблема толерантности в духовном опыте русской классики // Толерантность: материалы региональной научно-практической конференции «Толерантность как способ выживания народов в условиях Севера». – Якутск: Якутский науч. центр СО РАН, 1994 / редкол.: Е.М. Махаров и др. – С. 83-85.
- [5] Мендус С. Толерантность и границы либерализма // Человек: образ и сущность. Толерантность и архитектоника эмоций / редкол.: Скворцов Л.В. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 96-100.
- [6] Толерантность // Институт социальных исследований РАН; Исслед. центр «Религия в современном мире» / общ.ред. М.П. Мchedлова. – М.: Республика, 2004. – 416 с.
- [7] Михайлов В.Д. Толерантность как парадигма мышления // Толерантность: материалы региональной научно-практической конференции «Толерантность как способ выживания народов в условиях Севера». – Якутск: Якутский науч. центр СО РАН, 1994 / редкол.: Е.М. Махаров и др. – С. 87-88.
- [8] Галкин А.А. О глобализации без иллюзий // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? / отв. ред. Т.Т. Тимофеев. – М.: ИД Новый Век, 2002. – С. 164-172.
- [9] Мирзабекова А.Ш., Исмагамбетова З.Н. О формировании культурного релятивизма как принципа релятивистской методологии // Вестник КазНУ. – Сер. философия, культурология, политология. – 2002. – № 2(18). – С. 72-75.
- [10] Гусейнов А.А. Философия. Мораль. Политика: сборник статей. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 304 с.
- [11] Тобуков П.З. Толерантность как форма разрешения межэтнических противоречий // Толерантность: материалы региональной научно-практической конференции «Толерантность как способ выживания народов в условиях Севера». – Якутск: Якутский науч. центр СО РАН, 1994 / редкол.: Е.М. Махаров и др. – С. 121-122.
- [12] Гулыга А.В. Кант: серия ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 303 с.

REFERENCES

- [1] Forsova V.V. O religioznykh kornyakh tolerantnosti [On the religious roots of tolerance] // SotsIS. - 2004. - № 1. - S. 54-61.
- [2] Gzhegorchik A. Dukhovnoye obshcheniye v svete ideala nenasiliya [Spiritual communication in light of the ideal of non-violence] // Voprosy filosofii. - 1992. - № 3. - S. 54-64.
- [3] Guseynov A.A. Filosofiya. Moral'. Politika: sbornik statey [Philosophy. Morality. Politics: a collection of articles.]. - M.: ITTS «Akademkniga», 2002. - 304 s.
- [4] Varshavskaya K.O. Problema tolerantnosti v dukhovnom opyte russkoy klassiki [The Problem of Tolerance in the Spiritual Experience of Russian Classics] // Tolerantnost': Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tolerantnost' kak sposob vyzhivaniya narodov Severa». — Yakutsk: Yakutskiy nauchnyy tsentr SO RAN, 1994 / red. Ye.M. Makharov i dr. — S. 83-85.
- [5] Mendus S. Tolerantnost' i granitsy liberalizma [Tolerance and the Boundaries of Liberalism] // Chelovek: obraz i sushchnost'. Tolerantnost' i arkhitektonika emotsiy / red. L.V. Skvortsov. — M.: INION RAN, 1996. — S. 96-100.
- [6] Tolerantnost' [Tolerance] // Institut sotsial'nykh issledovaniy RAN; NITS «Religiya v sovremennom mire» / obshch. red. M.P. Mchedlova. - M.: Respublika, 2004. - 416 s.
- [7] Mikhaylov V.D. Tolerantnost' kak paradigma myshleniya [Tolerance as a paradigm of thinking] // Tolerantnost': materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tolerantnost' kak sposob vyzhivaniya narodov Severa». - Yakutsk: Yakutskiy nauchnyy tsentr SO RAN, 1994 / redkol.: E.M. Makharov i dr. - S. 87-88.
- [8] Galkin A.A. O globalizatsii bez illyuziy [On globalization without illusions] // Globalizatsiya. Konflikt ili dialog tsivilizatsiy? / red. T.T. Timofeyev. - M.: ID «Novyy vek», 2002. - S. 164-172.
- [9] Mirzabekova A.SH., Ismagambetova Z.N. O formirovanii kul'turnogo relyativizma kak printsipa relyativistskoy metodologii [On the formation of cultural relativism as a principle of relativistic methodology] // Vestnik KazNU. - Seriya. filosofiya, kul'turologiya, politologiya. - 2002. - № 2 (18). - S. 72-75.
- [10] Guseynov A.A. Filosofiya. Nравstvennost'. Politika: sbornik statey [Philosophy. Morality. Politics: a collection of articles]. - M.: ITTS «Akademkniga», 2002. - 304 s.
- [11] Tobukov P.Z. Tolerantnost' kak forma razresheniya mezhetnicheskikh protivorechiy [Tolerance as a form of resolving

interethnic contradictions] // Tolerantnost': materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tolerantnost' kak sposob vyzhivaniya narodov Severa». – Yakutsk: Yakutskiy nauchnyy tsentr SO RAN, 1994 / redkol.: Ye.M. Makharov i dr. – S. 121-122.

[12] Gulyga A.V. Kant: Seriya ZHZL [Kant: ZhZL series]. – M.: Molodaya gvardiya, 1977. – 303 s.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖҮЙЕСІНДЕГІ ТӨЗІМДІЛІК ПРИНЦИПІ

***Сәбитқызы Ә.¹**

***¹ PhD докторы, аға оқытушы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан,
e-mail: assa.23@mail.ru**

Андатпа. Толеранттылық принципі бейбіт қатар өмір сүру идеясымен бірге әлемдік аренадағы барлық елдердің сыртқы саяси қызметінің негізгі элементі болып табылады. Халықаралық қатынастар жүйесіндегі толерантты қатынастардың жоғары дәрежесіне қол жеткізу өте күрделі процесс болып табылады, өйткені халықаралық ынтымақтастықтың әрбір субъектісі сыртқы саяси қызметтің, әлеуметтік-экономикалық дамудың, ұлттық менталитеттің бірегейлігінің және т. б. өзіндік ерекше нысандары бар өзіндік элемент болыптабылады. Халықаралық қатынастар деңгейіндегі толеранттылық тек әртүрлі мәдениеттер мен саяси қызмет түрлеріне төзімділік сезімімен шектелмейді. Ол сондай-ақ жаһандық өзара әрекеттесуде оң нәтижелерге қол жеткізудің маңызды құралы ретінде қызмет етеді. Бұл қағида әскери күш қолдануды жоққа шығарады және тұрақты бейбітшілік пен ынтымақтастықтың алғышарттарын жасайтын қанды қақтығыстардың болмауын білдіреді. Мемлекетаралық қатынастар барған сайын жан-жақты және күрделі болып келе жатқан жаһандану жағдайында толеранттылық пен бейбіт қатар өмір сүрудің рөлі ерекше маңызға ие болады. Бұл әртүрлі халықтар мен мәдениеттер арасындағы диалогты, өзара түсіністік пен құрметті дамытуға ықпал етеді, бұл өз кезегінде халықаралық қауіпсіздікті нығайтады және планетадағы экономикалық және әлеуметтік прогреске ықпал етеді. Осылайша, толеранттылық принципін халықаралық қатынастарға біріктіру этикалық міндет қана емес, сонымен қатар жаһандық бейбітшілік пен тұрақтылыққа қол жеткізудің стратегиялық қажеттілігі болып табылады. Мақалада қазіргі халықаралық саясатқа қатысты негізгі

идеялар қарастырылады: толеранттылық принципі және бейбіт қатар өмір сүру идеясы; толеранттылық халықаралық байланыстардағы оң нәтижелерге қол жеткізу құралы ретінде; толерантты қатынастардың жоғары деңгейіне қол жеткізу.

Тірек сөздер: толеранттылық, халықаралық қатынастар, терроризм, қақтығыстар, саясат, жаһандану, плюрализм, дипломатия

PRINCIPLE OF TOLERANCE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

* Sabitkyzy A.¹

*¹ PhD, senior lecturer, Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan
e-mail: assa.23@mail.ru

Abstract. The principle of tolerance, together with the idea of peaceful coexistence, is a fundamental element of the foreign policy activities of all countries on the world stage. Achieving a high degree of tolerant relations within the system of international connections is a complex process, as each subject of international cooperation represents a unique entity with its specific forms of foreign policy activity, socio-economic development, and national mentality. Tolerance in international relations is not limited to a mere sense of tolerance towards various cultures and forms of political activity. It also serves as an important tool for achieving positive outcomes in global interaction. This principle rejects the use of military force and implies the absence of bloody conflicts, creating the prerequisites for sustainable peace and cooperation.

In a globalizing world, where interstate relations are becoming increasingly multifaceted and complex, the role of tolerance and peaceful coexistence gains particular significance. It fosters dialogue, mutual understanding, and respect among different peoples and cultures, which, in turn, strengthens international security and promotes economic and social progress on the planet. Thus, the integration of the principle of tolerance into international relations represents not only an ethical challenge but also a strategic necessity for achieving global peace and stability. The article examines key ideas relevant to contemporary international politics: the principle of tolerance and the idea of peaceful coexistence; tolerance in international relations as a tool for achieving positive outcomes; and the achievement of a high degree of tolerant relations.

Keywords: tolerance, international relations, terrorism, conflicts, politics, globalization, pluralism, diplomacy

Статья поступила 05.07.2024 г.

**II БӨЛІМ.
ДҮНИЕЖҮЗІЛІК САЯСАТ ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
РАЗДЕЛ II.
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
II PART.
WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS**

UDC 258.1

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.004>

IRSTI 81.91

**A THREAT ANALYSIS: CHALLENGES TO HUMAN
SECURITY FOR VENEZUELAN MIGRANTS POST-MIGRATION
TO TRINIDAD AND TOBAGO**

***Raghunath Mahabir ¹**

***¹ Doctor, Assistant Professor, National Security and Intelligence Studies
University of the Southern Caribbean, Trinidad and Tobago
e-mail: mahabir@usc.edu.tt**

Abstract. The country of Venezuela which is a close neighbor of Trinidad and Tobago continues to confront a major crisis that has unleashed multiple forms of sociopolitical violence against its citizens and has created a plethora of problems and threats including poverty, insecurity, and human rights violations. This ongoing socioeconomic crisis began around 2013 and has become progressively worse. Hyperinflation, escalating starvation, disease, crime and mortality rates are commonplace resulting in massive migration from the country. About seven million persons have left Venezuela over the last ten years seeking better lives and safety. About one hundred thousand of these migrants are in Trinidad and Tobago.

Outward migration caused by this situation has been linked to numerous new challenges to Venezuelan migrants in Trinidad and Tobago. This paper sought to understand the experiences of these migrants. A cross-sectional qualitative project was conducted to discuss the threat environment for these migrants analysing resettlement threat factors for health, security and general well being through semi-structured interviews(forty). The

analysis focused on understanding the experiences of Venezuelan migrants during the period 2014-2024 and was conducted during the period March 1-April 30 2024. The research revealed threats related to health, safety, education, employment and general well being of Venezuelan migrants that have informed migration policies, and human rights efforts for Trinidad and Tobago.

Keywords: migrants, physical threats, economic threats, risk factors, government policy, security, Venezuela, Trinidad and Tobago

Basic provisions

Challenges Faced by Venezuelan Migrants in Trinidad and Tobago: Venezuelan migrants are experiencing severe threats to their well-being, exacerbated by high living costs, COVID-19 fallout, and unemployment; many struggles to secure basic necessities like food and safe housing, often resorting to survival sex, begging, or accumulating debt; stigmatization persists, with men often viewed as criminals and women as prostitutes, further complicating their integration.

Access to Education: despite new regulations allowing Venezuelan children to enroll in schools starting September 2024, only a few have been admitted, highlighting significant barriers in accessing education; current legislation allows admission for children under 18 whose parents registered in 2019 and continue to do so annually.

Societal Impact and Crime: economic desperation has led some migrants to engage in criminal activities, affecting public perception and trust in the Venezuelan community.

Improving the situation for Venezuelan migrants in Trinidad and Tobago requires a multi-faceted approach focused on legal recognition, access to services, and community integration, while also addressing negative public perceptions.

Introduction

Trinidad and Tobago is an archipelagic republic in the southern Caribbean between the Caribbean Sea and the North Atlantic Ocean, northeast of Venezuela [1]. The closest point between Venezuela and Trinidad is a mere eight miles away. Due to a lack of proper border management in Trinidad and Tobago, Venezuelan migrants have been able to slip through and enter illegally into Trinidad through several beaches especially in the south-west areas like Icacos, Palo Seco, Los Iros and Morne Diablo. It is estimated that since 2014, over 100,000 Venezuelans have migrated to

Trinidad and Tobago [2].

These migrants have been fleeing a crisis which has unleashed multiple forms of sociopolitical violence against them and has created a context of unmet needs, general insecurity and human rights violations. The Venezuelan healthcare system is the most underprepared in the region to deal with mental health conditions and chronic and infectious diseases. Lack of spending on health care, shortages in medicines, supplies and treatments, the exodus of health workers, the COVID-19, rising violence and control by armed groups of vast territories have contributed to declines in health indicators of the general population outward migration, and increased perception of risk [3]. In this paper the threat environment of the migrants when they arrived and settled in Trinidad and Tobago will be highlighted. The results from the forty interviews will be disclosed and some recommendations would be provided to ease the plight of these migrants in Trinidad and Tobago.

Description of Materials and Methods

This study was implemented over a two-month period March and April 2024. Four post-graduate students and the author were involved in the field work which consisted of executing interviews open with ended questions. Each person conducted eight interviews each in the following areas in Trinidad –Port of Spain, Arima, San Fernando, Mayaro and Siparia. Religious leaders, teachers and two leaders of two NGOs in Port of Spain and San Fernando assisted in the project by identifying and encouraging the migrants to participate in the interview process. Each interview took about one hour and a half hours. The main instrument used was the interview with open ended questions

The semi-structured interview guide was built upon extensive formative research and validated with religious leaders, teachers and even immigration officers. It included an initial section on demographics and explored threats and experiences of violence during the crossing of the border and their post migration experience. All research activities were done in both Spanish and English by the author and his graduate students. The interviews were audio recorded and were then transcribed manually.

Participants: Due to the assistance we received from the religious leaders and teachers among others, a purposive sampling method was used. Inclusion criteria were (1) persons over eighteen years, (2) they were living in Venezuela for at least five years before they came to Trinidad and Tobago, (3) they were living in Trinidad and Tobago for at least five years and (4) they came illegally using sea transport.

Confidentiality

To ensure confidentiality of all data collected all interviews were audio recorded and transcribed verbatim by research assistants in the post graduate Spanish class at the University of the Southern Caribbean.

Transcripts were jointly coded by the author and his post –graduate students. Discrepancies were solved through group revision and consensus in three weekly meetings. Coherence and saturation of themes were assessed continuously. Interviews were analyzed in both Spanish and English by the author /principal investigator (PI), Dr. Raghunath Mahabir.

Ethics

Ethical approval was granted by the University of the Southern Caribbean, located in Maracas, Trinidad. The Institutional Review Board approved the use of oral consent for all the participants and the non – inclusion of their names to protect anonymity.

Oral consent was documented for all participants in audio before interviews and there were no written informed consent since participants' were skeptical about signing documents, disclosing personal information, and placing trust in institutions, including academia. It was also assessed to be safer by local partners and peer leaders due to migratory status. The IRB approved these conditions before the start of the research. Our ethical approach to the research is based on participatory care ethics which promotes socially responsible actions through the re-defining of subjects as active participants instead of vulnerable subjects and based on our University's motto, "Beyond Excellence."

Acknowledging that this research involved vulnerable adults we held several discussions and extensive consultations with the religious leaders, NGOs and teachers in selected study sites. This work was conducted to identify potential concerns and ethical protections prior to the initiation of our research and to support trust through collaboration with organizations and individuals based on an understanding of the research aims and mechanisms of accountability. Engaging emancipated adolescents was a critically important part of our research in order to ensure a truly inclusive perspective of Venezuelan migrants. All participants were informed of their right to leave or terminate the interview at any time.

To ensure protection of all our participants, research staff involved in data collection activities underwent a two-month training with the Instructional Review Board at the University that covered study aims and objectives, ethical procedures for research with adults, referral pathways for participants in need of assistance, use of audio-equipment, and qualitative

research methods. All participants provided informed assent or consent in Spanish. The author and his four-research staff (all four have post-graduate qualifications in the field of National Security and Counseling Psychology) monitored participants for signs of anxiety, distress or disquiet during interviews and reminded participants that they could refuse to participate at any time. Research staff were under close supervision by the author who consulted with researchers after each interview, either face to face or through What's App video. Participants were prompted to prioritize personal safety and safety of others when doing interviews or discussing the study. Data was stored on a secure server at the author's home.

Results

Purposive sampling was used in this project and forty (40) adult migrants were interviewed. Their ages ranged from 24 to 65. Of these migrants 24 were female and 16 were male. Many of them had children living with them in Trinidad as well as some of them still in Venezuela. Thirty –five of these migrants acknowledged that where they live presently in Trinidad was not the first place they stayed when the first came and that they all would have moved from one location to another in Trinidad to live at least four times.

Of the 40 persons interviewed, 2 came in 2014, 3 came in 2015, 5 of them came to Trinidad in 2016, 8 came in 2017, 7 came in 2018 and 15 of them came in 2019. Several reasons were given for leaving Venezuela including unemployment, poor health facilities, high cost of living and general insecurity and violence in their areas including gang violence. The main areas from where they came from Venezuela were Tucupita, Maturin, Curiapo, and Carupano. Several reasons were also given for coming to Trinidad and Tobago as opposed to going to the other neighboring countries like Brazil, Colombia and Guyana. These included the fact that some of them already had family in Trinidad; it was easier to travel to Trinidad since many boats were involved in this lucrative boat transport business and was reasonably cheap; they believed it was easier to get jobs in Trinidad and there were better health facilities in Trinidad. Two of the women even stated that they came to Trinidad since it was rumored that Trini men had a strong liking for Spanish speaking women, especially those from Venezuela and Colombia.

In discussing the first set of problems they experienced when they arrived in Trinidad, 25 of the migrants indicated that when they landed especially in Icacos and Los Iros they had to hide in the bushes for periods

ranging from three days to two weeks for fear of them being detained by immigration officials (1). While they were fed by persons who were responsible for transporting them to Trinidad, most of them claimed the food was not enough and that several days they would go hungry. Hiding in the bushes also meant they were victims to mosquitoes, especially in the night, the nights were cold for those without blankets or other coverings and the hygiene facilities were non-existent with no running or fresh water and having to excrete in the bushes.

Five major themes emerged from the qualitative data regarding the threat environment faced by the Venezuelan migrants in Trinidad. These were: stigmatization of Venezuelan men as bandits/gang members and criminals; stigmatization of Venezuelan women as prostitutes/husband snatchers; lack of protection and help from wage boards re how much wages they were to be paid; inability to secure health benefits as quick as possible; and lack of educational opportunities for both children and adults.

Diccusion

1. Stigmatization of Venezuelan men as bandits/gang members and criminals

Based on the interviews conducted 10 of the 16 men stated that they felt intimidated by prospective employers who questioned if they were gang members or if they had any kind of criminal records. While three of them confessed to having been arrested in Venezuela on minor charges, all ten of them indicated that they came looking for a better life since they wanted to see their family lives improved and so they were doing everything possible to live crime free lives. The six other male migrants were all working but stated that they were never questioned as to their backgrounds or if they had criminal records. When asked by the interviewer if any of them had indeed committed crimes in Venezuela, all six of them claimed to have clean records. However, they indicated that though they felt as if they were being monitored by their employers, they did not feel intimidated since their “bosses” were kind to them, treated them well and ensured they worked everyday. One of the respondents noted that it was true that many Venezuelans men who came to Trinidad were already involved in crimes in Venezuela and they came to Trinidad looking for avenues to practice what they know. Another migrant indicated that he came to Trinidad in 2015 and has recognized that the crime in Trinidad has gotten to a point that people are afraid to leave their houses. He also agreed that gang violence in Trinidad has gotten unbearable and the drug and human trafficking have only

increased since the illegal migration of criminal elements from Venezuela. He stated that “crime is on the increase in Trinidad and the criminals from Venezuela have found their way into it.”

Reality. Venezuelan criminal gangs are participating in serious crime in Trinidad and Tobago, both in competition and collaboration with local gangs, said a UN report publicized on September 2, 2024 titled *Caribbean Gangs: Drugs, Firearms and Gangs (sic) Networks in Jamaica, St Lucia, Guyana and TT*. The report listed the types of crimes engaged in by Venezuelan criminals as extortion, human trafficking and the smuggling of illegal drugs and guns. It said TT had a “thriving” drug trade, serving as “a major transit point for cocaine and cannabis. “This country (Trinidad) was well-regarded by organised crime networks owing to its location just 11 kilometres from Venezuela and its position outside the hurricane belt, which allows for year-around trafficking, the report said.”What is more, strong cultural ties in southern Trinidad with Venezuela have ensured that the coastal region, including Icacos, Cedros, and Moruga, are sites of extensive trafficking of drugs, guns and migrants [4].

Threat Impact. As a result of this stigmatization many Venezuelan male migrants in Trinidad have found it difficult to obtain high paying jobs and as such have had to work in agricultural fields, poultry farms and on construction sites where they are paid minimum wages. Of the 16 men interviewed two were qualified teachers in Venezuela while another one had a degree in Pharmacology but the only employment they were able to secure in Trinidad was farm and construction work. This of course also resulted in frustration of these holders of degrees since they were finding it difficult to get work permits to work in Trinidad.

2. Stigmatization of Venezuelan women as prostitutes/ husband snatchers

Of the 24 women interviewed, twelve of them claimed to have been sexually harassed within the first three months after arriving in Trinidad. They did not make any reports to the police because they were illegal in the country and were afraid they might be sent back to Venezuela. Of these twelve, four of them were allegedly harassed by their employers (bar owners) to perform sexual acts for money. Another two of them claimed that when they initially came to Trinidad they worked as maids/house servants but were later fired from their jobs after being accused of being too friendly with the men of the house.

Reality. Spanish women from neighboring islands have been cited as particularly vulnerable to illegal trafficking and exploitation in a report on prostitution in the islands. “In Trinidad and Tobago, women and girls from the Dominican Republic, Guyana, Venezuela, and Colombia are subjected to sex trafficking in brothels and clubs, often lured by offers of legitimate employment, with young women from Venezuela especially vulnerable” [5].

For Venezuelan women arriving presently, in a different context of forced migration, they may confront a sexualized stereotype to varying degrees.

Venezuelan women for example are offered work to take care of children but may be taken to a prostitution house and even trafficked if they cannot escape. Many Venezuelan women are also victims of other sexual crimes but the majority of these incidents go unreported since they also believe that the criminal justice system in Trinidad and Tobago is very weak and their chances for justice are very slim.

Historically, women unable to gain legal status or employment are more vulnerable to exploitation which is an important aspect of the lived experience for displaced people, specifically women. The risk of women and girls being trafficked and exploited are higher in conditions where safe and legal pathways of entry are not maintained in the host country, where legal rights are not granted so reporting to authorities is diminished, and places where the right to work is not granted [6]. Presently, in Trinidad and Tobago the Counter-Trafficking Unit, the Living Waters community and the government aim to protect and support Venezuelan women to mitigate such exploitation.

Furthermore, while these stereotypes and stigma exist, and disturbing cases are reported, not every migrant experience discrimination or exploitation to the same extent (2).

Threat Impact. Many Venezuelan women have been sexually molested in Trinidad and Tobago in one way or the other. From the interviews conducted at least seven women acknowledged that they felt they had no choice but to work as sex workers since they had families to feed, they had to send back money to Venezuela and had to take care of themselves. Many of them also faced the risk of arrest and detention by the police as well as abuse and violence by their employers.

On another note there has been the establishment of the group ‘Venezuelan Female Entrepreneurs’ (pseudonym) in 2020 as a method used by Venezuelan women to counter the ‘triple jeopardy’ of (nationality,

gender, and condition as survival migrants) that they faced. Aspiring to one day provide business and language classes to other Venezuelan women, this network currently serves to gather similar experiences of government abuse whilst challenging xenophobia. The group's founder, a balloon decorator, says, "I want them [Trinidadians] to know what Venezuelan women are really like [...] Not as prostitutes or here to do harm," slating media depictions of Venezuelan women as the source of male infidelity and family disintegration [7].

Meanwhile, members express an immense obligation to other Venezuelan women, attempting to rebrand their overall image by highlighting their talented and hardworking ethics. As one interviewee says, "We are not here to do evil; we come to do good. We want to be an example for the whole of Latin America." Remaining in contact via What's App and Facebook and meeting once a week in a member's house, participation provides an opportunity to gain mutual support and advice from one another. Despite operating in the same highly competitive industries, the most experienced entrepreneurs share business hacks, such as how to set up online payment systems and manage social media platforms, whilst other members watch tutorials together and share contacts of potential clients.

In the face of shared hardship, these women have merged to counter-dominant systems of representation, offering a bottom-up counter-narrative to homogenous depictions of Venezuelans whilst overcoming cultural fixities that deem entrepreneurship as masculine. In turn, by endeavoring to appear as mothers, wives, sisters and friends, they actively challenge boundaries of belonging and perceptions of Venezuelans as 'eternal new comers'. And despite its relatively recent formation, they are frequently featured in Trinidadian newspapers.

With entrepreneurship able to generate income and knowledge transfer for immigrants whilst potentially providing host country economic growth, these findings stress the need to overcome a general propensity towards underscoring the victimhood of Venezuelan women at the expense of their heterogeneity. Instead, support for Venezuelan migrant entrepreneurs in Trinidad and Tobago should be ensured to ease socioeconomic adaptation and progress. The need for recipient states such as Trinidad & Tobago to guarantee the rights of Venezuelan arrivals and provide vital residence and work permits remains [8].

3. Lack of protection and help from wage boards re how much wages they were to be paid

Of the forty interviews conducted, it was learnt that 22 of these migrants were working for no more than two hundred Trinidad and Tobago Dollars ie TT200.00 per day. The minimum wage in Trinidad and Tobago is TT20.50 per hour and while it seemed they were getting a little bit more than the minimum wage, the reality is that they sometimes worked more than eight hours ,sometimes up to ten to twelve hours depending on where they worked. Two of the women who worked in bars for example worked from 10am to 10 pm (12 hours) but were still paid TT 200.00 per day. When asked by the interviewer if they ever requested an increase in wages, they responded by saying that they were afraid to do so in case they lost their jobs.

Another eight of them, six women and two men were fortunate to be working for between TT300.00 and TT400 a day. They indicated they knew they were overworked but were glad that they could have earned sufficient money to help their families both in Trinidad and in Venezuela. All six of these women were working in restaurants in San Fernando and Chaguanas while the two men worked in a furniture factory in Chaguanas and the other in a supermarket in Arima.

The remaining ten interviewees chose not to say how much they worked for but two of them acknowledged that they have been doing work in a particular church in Port of Spain and that they have been receiving assistance from several parishioners.

Reality. Venezuelan migrants in Trinidad and Tobago often face challenging working conditions and lower wages compared to local workers. Many Venezuelans work in low-skilled, labor-intensive jobs that are typically less desirable to locals [9]. The main areas of employment for migrants in Trinidad and Tobago, identified by stakeholders, include the following: a. Warehousing; b. Construction – inclusive of welding, masonry, and plumbing; c. Domestic cleaning; d. Retail; e. Tourism; f. Hospitality; g. Agriculture and agro-processing; h. Food and beverage; i. Textiles; j. Manufacturing; k. Security service; l. Supermarkets; m. Automotive repairs; and n. Music industry. It must also be noted that migrants are generally absorbed in ‘manual labour’ and ‘less attractive’ jobs because of the reduced costs for engagement and the reluctance amongst local workers to perform these jobs.

The wages for Venezuelan workers can vary significantly. Some reports indicate that Venezuelan nationals are often paid less than the local minimum wage, with some earning less than \$100 TTD per day [10]. In contrast, local laborers might earn around \$300 TTD per

day. There have been efforts to improve labor conditions and reduce instances of underpayment among Venezuelan migrants, but challenges remain [11].

There are legal protections for migrant workers in Trinidad and Tobago, although enforcement can sometimes be inconsistent. These include:

1. Equal Treatment: Migrant workers are entitled to the same labor rights as local workers under the Industrial Relations Act. This includes fair wages, safe working conditions, and the right to join trade unions.

2. Minimum Wage: The national minimum wage applies to all workers, including migrants. However, as mentioned earlier, enforcement can be a challenge, and some employers may not comply.

3. Work Permits: Migrants need valid work permits to be employed legally. The Ministry of National Security oversees the issuance of these permits.

4. Anti-Discrimination: The Equal Opportunity Act prohibits discrimination based on nationality, ensuring that migrant workers should not be treated unfairly compared to local workers.

5. Legal Aid: There are organizations and legal aid services available to assist migrant workers with labor disputes and other legal issues [12].

Migrant workers in Trinidad and Tobago have several avenues to report labor violations:

Ministry of Labour: Workers can file complaints directly with the Ministry of Labour and Small Enterprise Development. They can visit the ministry's offices or use their online services.

Trade Unions: Migrant workers can join trade unions, which can provide support and advocacy in cases of labor violations.

Legal Aid and Advisory Authority: This organization offers legal assistance to those who cannot afford it, including migrant workers facing labor disputes.

Non-Governmental Organizations (NGOs): Several NGOs, such as the Living Water Community and the International Organization for Migration (IOM), provide support and can help migrant workers navigate the process of reporting violations.

Equal Opportunity Commission: For cases involving discrimination, workers can file complaints with the Equal Opportunity Commission.

Hotlines and Helplines: Some organizations and government

bodies provide hotlines for reporting labor violations and seeking advice.

It's important for workers to document any violations they experience, such as keeping records of hours worked and wages received, to support their claims. When asked if any of them knew about these avenues for assistance and redress, it was discovered that only three migrants knew about these options.

Threat Impact. Despite these protections, many migrant workers, including Venezuelans, still face exploitation and underpayment. Efforts are ongoing to improve the situation and ensure better enforcement of existing laws. Due to poor implementation of several laws and regulations relating to migrants and their working conditions and wages, many Venezuelan migrants have no other option or opportunity and thus they have to work for what wages they get. Upward mobility then is extremely difficult for them.

4. Inability to secure health benefits as quick as possible

In the interviews with the forty migrants twenty eight of them indicated that they have sought medical care in the health institutions in Trinidad including the General Hospitals and the local Health Centers. At least 50% of the experiences were satisfactory while the other 50% identified extremely long waiting periods, inability to get beds if they had to stay over and even lack of medication. Three of them also indicated that they have been to the General Hospitals (in Port of Spain and San Fernando) on multiple occasions and have benefitted from getting assistance for their ailments.

Reality. Venezuelan migrants in Trinidad and Tobago face several significant health challenges:

1. Limited Access to Healthcare: Many migrants struggle to access comprehensive healthcare services, particularly secondary and tertiary care, due to legal and financial barriers.

2. Language Barriers: Communication issues can hinder effective medical treatment and understanding of health information.

3. Mental Health Issues: The stress of migration, uncertainty about their status, and separation from family can lead to anxiety, depression, and other mental health problems.

4. Chronic Diseases: Migrants often have limited access to regular medical check-ups and medications, exacerbating chronic conditions like diabetes and hypertension.

5. Infectious Diseases: Overcrowded living conditions and

limited access to sanitation can increase the risk of infectious diseases.

6. **Maternal and Child Health:** Pregnant women and children are particularly vulnerable, facing challenges in accessing prenatal and pediatric care.

Efforts by local and international organizations aim to address these issues, but significant gaps remain.

Notwithstanding, these gaps however, Venezuelan migrants in Trinidad and Tobago have access to some health benefits. These include:

Emergency and Primary Care: Registered Venezuelan migrants can access publicly available emergency medical and primary care services.

Limited Access to Advanced Care: Access to secondary and tertiary healthcare services remains limited for many migrants [13].

Humanitarian Aid: Organizations like the EU have provided significant aid, including emergency healthcare, to support vulnerable Venezuelan migrants.

Medical Missions: Initiatives like the USNS Comfort mission have provided medical care to thousands of Venezuelan migrants in Trinidad, offering surgeries and other treatments [14].

Threat Impact. Despite these efforts, many migrants still face barriers to optimal healthcare due to public health policies and the strain on the local healthcare system.

5. Lack of educational opportunities for both children and adults

Of the 40 persons interviewed twelve of them had children (18 children in all) between 5-17 but they were not attending any educational institutes or schools. Of these 18 children, ten were engaged in helping their parents in their work while the other eight stayed at home. Seven of the parents indicated that they wanted their children to get an education but could not afford to pay any fees. The other five parents indicated that though their children were not at school, they taught them at night and were especially interested in having their children learn English. All in all, these eighteen children were not receiving a formal education.

Among the 40 interviewees, five persons indicated that they intended to pursue tertiary education within the next year or two since it was not affordable for them right now in Trinidad. Moreover, the language barrier was posing a major problem to them since in all the colleges and universities in Trinidad and Tobago, the major language used is English

Reality. Since 2015, Trinidad and Tobago experienced an influx of

over 40,000 migrants from Venezuela. Having signed the Convention on the Rights of the Child and the Convention Relating to the Status of Refugees, young migrant children are entitled to education in Trinidad and Tobago.

Of the 16,523 registered Venezuelans, at least 4,400 are children who are supposed to be in school. The students instead are in a parallel education system awaiting approval from the National Security Ministry to allow them access to public schools. In the interim, 1,400 migrant students have enrolled in Equal Place, a parallel education system developed in 2019.

Equal Place uses online platforms NotesMaster and Daware to teach the children, preparing them to enter the school system. It is promoted through the Education Working Group (EWG), inclusive of UNICEF, UNHCR, Living Water Community (LWC), TTV Solidarity Network, Catholic Education Board of Management (CEBM), Archdiocesan Ministry for Migrants and Refugees (Office of the Archbishop), Pan-American Development Foundation (PADF) and the Ministry of Education.

For the past two years none of the migrant children have been able to access formal education in both private and public schools. Chairman of the Association of Denominational Boards of Education Sharon Mangroo said in 2019, the government approached the organisation to help prepare migrant students to enter the school system.

“About two years, almost three years ago, the Prime Minister asked the Archbishop to take responsibility for educating migrant children. The Archbishop met with the then minister of education, and then minister of national security and they worked out a procedure for doing that. The bottom line is that the Ministry of National Security must give approval.” When contacted for an update, National Security Minister Fitzgerald Hinds said: “This matter is not in front of me as Minister of National Security in any official way.”

Mangroo said the Catholic School Board has prepared at least 100 Venezuelan children for entry into primary school and are awaiting approval. “The provision is that no local child must be negatively affected. No local child must be denied a place from the school. So, what we do is that we identified primary schools, because we’re not touching secondary school, that’s too controversial, in which there are school spaces.

“So, we identified those and then we did the rest of the things that are necessary. We made sure that they were children whose parents held registration cards and they had sufficient English so that

they would not disrupt the school”. She added that teachers were also trained to teach English as a second language so that both students and teachers will be prepared.

Mangroo said it was even more difficult to have migrants enter secondary schools because of the demand among local children for places. She emphasised that none of the migrants are “in school” as that is illegal but are accessing some form of formal schooling.

“Every local child would like to gain entry into one of the secondary schools. So no, we didn’t consider having the children there at all, not in the day school. We have made the premises available for after-school activities for those children.”

She said prior to the closure of schools, there were at least three schools that were made available to assist migrant children with after-school, secondary schooling. UNHCR, in a statement to Sunday Newsday, reiterated that education is a fundamental human right, “regardless of who someone is or where they come from.”

“Being able to go to school gives children a chance to do more than just learn numeracy and literacy skills, but also key social and life skills. In addition to efforts supported by UNHCR, many organisations and entities have tried to provide means of informal educational engagement to children. However, these temporary interventions cannot replace being able to formally attend a school and engage in the holistic learning that the school environment allows.”

In January, UNICEF Child Friendly Space coordinator Matthew Batson said the primary school-aged migrant children followed the same subjects as those enrolled in accordance with the Ministry of Education guidelines, which include, mathematics, English, language arts, science, social studies and physical education [15].

Threat Impact. The lack of access to education for Venezuelan migrant children has significant and far-reaching impacts:

1. This can lead to long-term emotional and psychological issues.

Increased Risk of Exploitation: Children who are not in school are more vulnerable to child labor and sexual exploitation [16]. For instance, in Colombia, many Venezuelan children have been found working instead of attending school [16].

Future Economic Challenges: Without education, these children face reduced opportunities in the workforce as adults [17]. This perpetuates the cycle of poverty and limits their abilities.

4. **Emotional and Psychological Effects:** Being excluded from the educational system can damage children’s self-esteem and create feelings of insecurity

5. **Social Integration Issues:** Not attending school can hinder the social

integration of migrant children, making it harder for them to adapt to their new environments and build a sense of community [18].

Conclusion

In Trinidad and Tobago many Venezuelan migrants face numerous threats to their lives and well being. The spiraling cost of living, fallout from the COVID-19 pandemic, and high unemployment rates, have made it difficult for many Venezuelan migrants to rebuild their lives and integrate into society. Despite progress achieved through various regularization and documentation initiatives increased humanitarian needs underline the urgent need for enhanced protection, access to services, and job opportunities. The stigmatization of men as criminals and the women as prostitutes continues unabated.

Many migrants cannot afford three meals a day and lack access to safe and dignified housing. Many are resorting to “survival sex”, begging or indebtedness, just to be able to eat or to avoid living on the streets. Extremely low salaries also make it difficult to support themselves and their families. Even though schools are now back in session, many Venezuelan migrant and refugee children face multiple barriers to accessing education, mainly due to the lack of enrollment slots or space. Based on a press Release from the Ministry of Education “Migrant children of the Bolivarian Republic of Venezuela will be admitted into schools in Trinidad and Tobago effective September 2024. This is in compliance with the Immigration (Amendment) (No.2) Regulations 2024 and applies to Venezuelan nationals under the age of eighteen (18), whose parents registered with the Ministry of National Security (MNS) in 2019 and continue to register annually under the Migrant Registration Framework (MRF).” Even so, only 23 children have so far been admitted to primary school this semester with no children accepted in the secondary schools or universities in Trinidad. Many migrants have also resorted to crime such as robbery and kidnappings and extortion which make it even more difficult for the Trinidad population to trust Venezuelan migrants [19].

Recommendations

There are several ways that Trinidad and Tobago can improve its response to the influx of Venezuelans fleeing their country and the dire circumstances they would confront upon their return. One would be to institute a special regularization process, which would allow the undocumented migrants currently in the country to apply for residency

and work permits. The government should pass legislation on refugees and asylum that reflects its international obligations under the Geneva Convention on the Status of Refugees and the UN Convention on the Rights of the Child. These include commitments to provide access to public education to all children, regardless of their legal status, and access to legal work by refugees. Trinidad and Tobago should also reduce its use of immigration detention and use alternatives to detention [6].

According to Refugees International, supporting Venezuelan migrants in Trinidad and Tobago involves several key recommendations:

Regularization and Legal Status: Implement temporary special regularization measures to allow undocumented Venezuelans to apply for short-term residence and work permits. This would help them integrate into society and reduce the risk of exploitation.

Legislation and Policy: Introduce or amend legislation to provide better protection for refugees and asylum seekers. This includes implementing the National Policy to Address Refugee and Asylum Matters more effectively.

Humanitarian Aid: Continue and expand humanitarian aid programs, such as those funded by the EU and managed by UNHCR, which provide cash assistance, food, and healthcare to vulnerable Venezuelans.

Access to Services: Ensure that Venezuelan migrants have access to essential services like healthcare, education, and legal assistance [20]. This can be facilitated through partnerships with international organizations and local NGOs.

Community Integration: Promote social cohesion and reduce xenophobia by fostering community integration programs and awareness campaigns [6].

The mindset of citizens of Trinidad and Tobago has to change in relation to the stigmatization of Venezuelan. Several studies have shown that while some men are members of criminal gangs, the majority of them are relatively honest men seeking betterment for themselves and families and they work hard to accomplish this. Likewise, while some Venezuelan female emigrants have been engaged in prostitution, either by force or willingly, the majority of them came to Trinidad looking for work and have been busy working in supermarkets, stores, agricultural fields and many other places with a view towards improving the lives of themselves and their families.

REFERENCES

- [1] Trinidad and Tobago. People, Culture, Language, Map, Population. <https://www.britannica.com/place/Trinidad-and-Tobago>
- [2] Interview with Senior Immigration Officer Gewan Harrico. September 1, 2024. Port of Spain, Trinidad and Tobago.
- [3] Correa-Salazar C., Martínez-Donate A., Page K. The Migration Risk Environment: Challenges to Human Security for Venezuelan Migrant and Refugee Women and Girls Pre- and Post-Migration to Colombia // Journal on Migration and Human Security. – 2023. Volume 11, Issue 2. <https://doi.org/10.1177/23315024231162356>
- [4] V'zuela Gangs muscle in on TT Crime // Trinidad Newsday. – 2024. - September 4. <https://newsday.mediafiles.fi/>
- [5] 2019 Country Reports on Human Rights Practices. Bureau of democracy, human rights, and labor. - U.S. Department of State, 2019. <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/>
- [6] Teff M. Forced into illegality: Venezuelan refugees and migrants in Trinidad and Tobago - Field Report. Field Report. 2019. January 27. - Washington DC, 2019. <https://www.refugeesinternational.org>
- [7] Chinyere Herbert. More Venezuelans in Trinidad in the 21st century. A brief account and analysis of the first large-scale irregular migration of Venezuelans to Trinidad and Tobago in recent years // International Journal of Anthropology and Ethnology. – 2022. – Vol. 5.
- [8] Alsina S. How Venezuelan women in Trinidad and Tobago are using entrepreneurship to resist / LSE. Latin America and Caribbean. – 2022. - December 15th. <https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2022/12/15/venezuelan-women-trinidad-tobago-entrepreneurship-resist/>
- [9] Understanding the relationship between wages and immigrant workers in Trinidad and Tobago. 2024. - June. <https://energynow.tt/>
- [10] Santoo Sandhya. Why are Trininis treating Venezuelans like this? – 2023. – January. trinidadexpress.com-
- [11] IOM Study finds Improved Labour Trends And Decreased Informal Work and Underpayment Cases Among Venezuelan Migrants in Trinidad and Tobago. 04 April 2023, <https://clck.ru/3DFG4E>
- [12] Thousands of Venezuelan Refugees Are Being Saved By A Quirk in Minimum Wage Law. May 10, 2019. <https://fee.org/articles/thousands-of-venezuelan-refugees-are-being-saved-by-a-quirk-in-minimum-wage-law/>
- [13] Lyons Nyla, Bhagwandeem Brendon. Examining healthcare needs and decisions to seek health services among Venezuelan migrants living in

Trinidad and Tobago using Andersen's Behavioral Model // Front. Public Health. – 2023. – Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1212825>

[14] McCloud S. Venezuelan Immigrants Receive Medical Care In Trinidad During Comfort Visit. September 24, 2019. <https://dialogo-americas.com>

[15] La Vende, Jensen. An Equal Place to learn: 4,400 migrant children want to go to school // Trinidad Newsday. – 2021. - October 2. <https://newsday.co.tt/2021/10/02/an-equal-place-to-learn-4400-migrant-children-want-to-go-to-school/>

[16] Sanchez E., Rodriguez L. Ways the Venezuela Crisis Is Affecting Children's Education. Parents can't afford school supplies or food, and children are forced to work. June 14, 2019. <https://www.globalcitizen.org/en/content/venezuela-crisis-childrens-education>

[17] One in four Venezuelan migrant children in Peru not in school – study. April 11, 2022. <https://lac.savethechildren.net/news/one-four-venezuelan-migrant-children-peru-not-school-study>

[18] Alcoba N. Venezuelan migrant children struggle to access education. July 4. 2022. <https://www.aljazeera.com/>

[19] Trinidad Express Newspapers. <https://trinidadexpress.com/news/local/migrant>

[20] Press release: R4V Platform partners launch 2022 humanitarian response plan for refugees and migrants in Trinidad and Tobago. Port of Spain, March 4, 2022. <https://www.aljazeera.com/news/2022/7/4/venezuelan-migrant-children-struggle-to-access-education>

ENDNOTES

(1) Los Iros and Icacos beaches are in the southwestern part of Trinidad where many Venezuelan migrants enter the country illegally. Moruga is more on the south east part of the island. These three areas are considered rural areas and are well known for other forms of illegality including drug and arms trafficking.

(2) The Counter Trafficking Unit has so far gotten one person in 2024 charged with human trafficking and successfully prosecuted.

ҚАУІПТЕРДІ ТАЛДАУ: ВЕНЕСУЭЛАЛЫҚ МИГРАНТТАРДЫҢ ТРИНИДАД ПЕН ТОБАГОҒА ҚОНЫС АУДАРҒАННАН КЕЙІНГІ АДАМ ҚАУІПСІЗДІГІНЕ ҚАТЫСТЫ МӘСЕЛЕЛЕРІ

*** Рагунат Махабир¹**

***¹ PhD докторы, Ұлттық қауіпсіздік және барлау кафедрасының
доценті, Оңтүстік Кариб теңізі университеті, Тринидад және Тобаго
e-mail: mahabir@usc.edu.tt**

Аңдатпа. Тринидад пен Тобагоның жақын көршісі Болып табылатын Венесуэла елі өз азаматтарына қатысты әлеуметтік-саяси зорлық-зомбылықтың көптеген түрлерін тудырған және кедейлік, қауіпсіздіктің болмауы және адам құқықтарының бұзылуын қоса алғанда, көптеген мәселелер мен қауіптерді тудырған ауыр дағдарысқа тап болуды жалғастыруда. Бұл жалғасып жатқан әлеуметтік-экономикалық дағдарыс шамамен 2013 жылы басталып, біртіндеп күшейе түсті. Гиперинфляция, аштықтың күшеюі, ауру, қылмыс және өлім-жітім деңгейі жиі кездеседі, бұл елден жаппай көші-қонға әкеледі. Соңғы он жылда венесуэладан жеті миллионға жуық адам жақсы өмір мен қауіпсіздікті іздеп кетті. Бұл мигранттардың жүз мыңға жуығы Тринидад пен Тобагоға.

Осы жағдайдан туындаған сыртқы көші-қон Тринидад пен Тобагоғағы Венесуэлалық мигранттар үшін көптеген жаңа мәселелермен байланысты болды. Бұл құжат осы мигранттардың тәжірибесін түсінуге бағытталған. Жартылай құрылымдық сұхбаттар (қырық) арқылы қоныс аударудың денсаулыққа, қауіпсіздікке және жалпы әл-ауқатқа қауіп төндіретін факторларын талдай отырып, осы мигранттар үшін қауіп-қатер ортасын талқылауға арналған көлденең қиманың сапалы жобасы жүргізілді. Талдау Венесуэлалық мигранттардың 2014-2024 жылдардағы тәжірибесін түсінуге бағытталған және 2024 жылдың 1 наурызы мен 30 сәуірі аралығында жүргізілген. Зерттеу барысында венесуэлалық мигранттардың денсаулығына, қауіпсіздігіне, біліміне, жұмыспен қамтылуына және жалпы әл-ауқатына байланысты қауіптер Анықталды, олар көші-қон саясатына, Сондай-ақ Тринидад пен Тобагоғағы адам құқықтары жөніндегі күш-жігерге негізделген.

Тірек сөздер: мигранттар, физикалық қауіптер, экономикалық қауіптер, қауіп факторлары, мемлекеттік саясат, қауіпсіздік, Венесуэла, Тринидад пен Тобаго

АНАЛИЗ УГРОЗ: ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ВЕНЕСУЭЛЬСКИХ МИГРАНТОВ ПОСЛЕ МИГРАЦИИ В ТРИНИДАД И ТОБАГО

***Рагунат Махабир ¹**

***¹ доктор PhD, доцент кафедры национальной безопасности и
разведки, Южно-Карибский университет, Тринидад и Тобаго
e-mail: mahabir@usc.edu.tt**

Аннотация. Страна Венесуэла, которая является близким соседом Тринидада и Тобаго, продолжает сталкиваться с серьезным кризисом, который вызвал многочисленные формы социально-политического насилия против ее граждан и породил множество проблем и угроз, включая бедность, отсутствие безопасности и нарушения прав человека. Этот продолжающийся социально-экономический кризис начался примерно в 2013 году и постепенно усугублялся. Гиперинфляция, рост масштабов голода, болезней, преступности и смертности являются обычным явлением, что приводит к массовой миграции из страны. Около семи миллионов человек покинули Венесуэлу за последние десять лет в поисках лучшей жизни и безопасности. Около ста тысяч из этих мигрантов находятся в Тринидаде и Тобаго.

Внешняя миграция, вызванная этой ситуацией, связана с многочисленными новыми проблемами, с которыми сталкиваются венесуэльские мигранты в Тринидаде и Тобаго. В данной статье мы попытались разобраться в опыте этих мигрантов. Был проведен комплексный качественный проект для обсуждения угрожающей среды для этих мигрантов с анализом факторов, угрожающих здоровью, безопасности и общему благополучию при переселении, с помощью полуструктурированных интервью (сорок). Анализ был направлен на изучение опыта венесуэльских мигрантов в период 2014-2024 годов и проводился в период с 1 марта по 30 апреля 2024 года. Исследование выявило угрозы, связанные со здоровьем, безопасностью, образованием, занятостью и общим благополучием венесуэльских мигрантов, которые повлияли на миграционную политику и усилия по защите прав человека в Тринидаде и Тобаго.

Ключевые слова: мигранты, физические угрозы, экономические угрозы, факторы риска, государственная политика, безопасность, Венесуэла, Тринидад и Тобаго

Статья поступила 11.08.2024 г.

УДК 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.005>

МРНТИ 11.25.40

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА К ПРИГРАНИЧНОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ КАЗАХСТАНА СО СТРАНАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

*** Голунов С.В.¹**

***¹ Доктор политических наук, профессор, Университет СДУ**

Алматы, Казахстан

e-mail: sergei.golunov@gmail.com

Аннотация. Приграничное сотрудничество может сыграть значительную роль в контексте центральноазиатской интеграции. При анализе международного опыта приграничного сотрудничества пристального внимания заслуживает не только передовой, но довольно специфический опыт ЕС, но также опыт других регионов, более близких по своим характеристикам к центральноазиатским условиям. В этой связи значительную теоретическую и практическую ценность представляет собой опыт приграничного сотрудничества восемнадцати континентальных стран Центральной и Южной Америки, анализ которого в сопоставлении с казахстанским сотрудничеством со странами Центральной Азии является целью настоящего исследования. В рамках настоящей работы рассматриваются такие аспекты латиноамериканского опыта, как усилия по развитию приграничного сотрудничества в формате региональных интеграционных объединений, двусторонних и многосторонних межгосударственных инициатив; вопросы финансирования; роль региональных властей и неправительственных организаций; общая характеристика достижений и неудач латиноамериканского приграничного сотрудничества. В заключительных разделах производится сравнение условий для такого сотрудничества в Латинской Америке и в зоне южных границ Казахстана, а также формулируются уроки латиноамериканского опыта для приграничного сотрудничества Казахстана с учетом как достижений, так и неудач данного опыта. В методологическом плане исследование опирается на сравнительный и системный анализ: сравнение производится на внутрирегиональном (Латинская Америка) и межрегиональном (Латинская Америка и южные границы Казахстана), при этом латиноамериканское пограничье представляется

в виде системы с такими ключевыми составляющими, как среда, акторы, проекты сотрудничества и финансирование. По итогам работы делается вывод о том, что анализ как достижений, так и неудач стран Латинской Америки может оказаться важным для оптимизации казахстанского приграничного сотрудничества. Автор полагает, что Казахстану следует, в первую очередь, внимательно изучить опыт мобилизации финансирования для трансграничных проектов развития инфраструктуры и приграничных регионов, организации трансграничных природоохранных проектов с привлечением средств зарубежных доноров и создания двусторонних центров пограничного обслуживания для совместной работы над устранением барьеров для трансграничного сообщения. Вместе с тем, Казахстану и сопредельным странам региона целесообразно задуматься над тем, как сделать приграничное сотрудничество более устойчивым, чем в Латинской Америке, к возможным неблагоприятным изменениям политической конъюнктуры в двусторонних отношениях на правительственном уровне.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, Латинская Америка, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, международный опыт, сравнительный анализ

*Данное исследование финансируется Комитетом по науке
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
(грант № AP23489647 «Приграничное сотрудничество Казахстана с
сопредельными странами Центральной Азии»).*

Основные положения

1. В контексте латиноамериканского опыта приграничного сотрудничества ключевыми достижениями являются встраивание данного сотрудничества в интеграционную повестку, привлечение существенного финансирования для осуществления трансграничных инфраструктурных проектов и проектов совместного развития приграничных регионов, а также реализация проектов трансграничных биорегионов с привлечением зарубежного финансирования.

2. Типичными слабостями латиноамериканского опыта являются нестабильность инициатив (в первую очередь, из-за политических разногласий), а также слабость полномочий местных властей для реализации проектов сотрудничества.

3. Условия для казахстанского приграничного сотрудничества с сопредельными странами Центральной Азии частично совпадают с латиноамериканскими в планах отсутствия серьезных языковых и культурных барьеров, централизованности политических систем и относительной слабости полномочий региональных властей. Вместе с тем, имеются и существенные различия: центральноазиатские политические режимы более авторитарны; политический климат для приграничного сотрудничества в Центральной Азии более стабилен, чем в Латинской Америке; последняя продвинулась на пути к интеграции несколько дальше, чем Центральная Азия.

4. Казахстану можно рекомендовать обратить внимание на такие аспекты латиноамериканского опыта, как привлечение финансирования для проектов приграничного сотрудничества, создание совместных центров для работы над устранением барьеров для трансграничного сообщения и создание трансграничных биорегионов с привлечением зарубежного финансирования. Учитывая неудачи латиноамериканского приграничного сотрудничества, следует задуматься над тем, как сделать такое сотрудничество более стабильным и менее уязвимым для ухудшения конъюнктуры двусторонних политических отношений.

Введение

На протяжении постсоветского периода активно обсуждаются пути и перспективы интеграции между странами центральноазиатского региона. Как показывает европейский опыт интеграции, одной из важных составляющих успеха является приграничное сотрудничество, которое «сшивает» разделенные границей сопредельные территории и способствует сближению между соседними странами. Даже если вынести цель интеграции за скобки, приграничное сотрудничество способствует преодолению маргинального положения многих приграничных территорий (которые зачастую обделены в плане транспортной доступности и густоте коммуникаций с сопредельными регионами), оптимизации планирования трансграничной инфраструктуры (развитию коммуникаций, устранению дублирующих друг друга инфраструктурных объектов), стимулированию торговли, оптимизации местных рынков труда, поддержанию межэтнического мира, развитию туризма и т.д.

При анализе международного опыта приграничного сотрудничества основное внимание уделяется опыту ЕС, который достаточно специфичен, опираясь на огромное финансирование,

встроенность в идеологию европейской интеграции и широкие полномочия местных властей. В остальных регионах мира можно воспроизвести отдельные элементы этого опыта, но не упомянутое сочетание всех условий. С учетом этих соображений, пристального изучения заслуживает опыт других регионов.

В этой связи значительную ценность представляет собой латиноамериканский опыт, прежде всего опыт восемнадцати континентальных стран Центральной и Южной Америки. Данный опыт, на первый взгляд, развивается в благоприятных условиях. Подавляющее большинство стран региона является испаноязычным, между ними существует культурная общность и отсутствует языковой барьер. В регионе действуют такие интеграционные организации, как Общий рынок Южной Америки (МЕРКОСУР), Андское сообщество (CAN), Союз южноамериканских наций (UNASUR) и Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) и Центральноамериканская интеграционная система (SICA) и другие, уделяющие в своей повестке приграничному сотрудничеству и трансграничным проектам инфраструктурного и регионального развития серьезное внимание и активно стремящиеся перенимать европейский опыт интеграции. В ряде случаев катализатором сотрудничества становятся примыкающие друг к другу по разные стороны границы так называемые города-близнецы (такие как уругвайский Ривера и бразильский Сантана-ду-Ливраменту, бразильский Фос-ду-Игуасу и парагвайский Сьюдад-дель-Эсте, – венесуэльский Тачира и колумбийский Кукута и другие) и города, расположенные на некотором отдалении друг от друга, но соединенные мощными транспортными коммуникациями (трансграничный комплекс из перуанского города Такна и чилийского города Арика). На границе между Бразилией и Парагваем расположена вторая в мире по мощности гидроэлектростанция Итайпу, управляемая совместной компанией Itaipu Binacional, дающая работу десяткам тысяч человек и обеспечивающая более 70% электричества Парагвая и более 15% электричества Бразилии.

Как будет показано далее, приграничное сотрудничество в Латинской Америке сталкивается, однако, с рядом серьезных проблем, что в значительной мере снижает его эффективность. Вместе с тем, следует учитывать, что не только достижения, но и неудачи латиноамериканского опыта могут оказаться важными для оптимизации казахстанского приграничного сотрудничества.

Структура дальнейшей части работы определяется анализом следующих проблем. Прежде всего, будут рассмотрены те усилия по развитию приграничного сотрудничества, которые предпринимаются в формате латиноамериканских интеграционных объединений. Далее, речь пойдет о тех проектах, которые реализуются в двух- или многостороннем формате вне упомянутых организаций. Поскольку ключевым условием для успешного приграничного сотрудничества в большинстве случаев является адекватное и устойчивое финансирование, следующий раздел будет посвящен анализу его источников, организации, размеров и других параметров. После этого отдельно будет рассмотрен вопрос о роли региональных властей и неправительственных организаций, которые, зачастую, занимают в трансграничных проектах подчиненное положение по сравнению с центральными властями, хотя успех инициатив сотрудничества зачастую зависит в первую очередь от их активности. В последующих разделах суммируются достижения и неудачи латиноамериканского приграничного сотрудничества и производится сравнение условий для такого сотрудничества в Латинской Америке и в зоне южных границ Казахстана. В заключении формулируются уроки латиноамериканского опыта для приграничного сотрудничества Казахстана с учетом как достижений, так и неудач данного опыта.

Описание материалов и методов

Ключевыми методами исследования являются сравнительный и системный анализ. Сравнение производится на двух уровнях: внутрирегиональный (Латинская Америка) и межрегиональный (условия для приграничного сотрудничества в Латинской Америке и в зонах границ Казахстана со странами Центральной Азии). При этом латиноамериканское приграничное сотрудничество представляется в виде системы с такими ключевыми составляющими, как среда для сотрудничества (географические, экономические, политические, социальные и культурные условия), акторы различных уровней (государства и их учреждения, приграничные регионы, неправительственные организации и т.п.), проекты сотрудничества и источники финансирования. Также работа опирается на отраженные в трудах цитируемых авторов теоретические подходы по изучению приграничного сотрудничества, в которых особое внимание уделяется его идеологии, политической конъюнктуре, наличию устойчивых трансграничных сетей, а также той роли, которую играют в принятии

и реализации решений местные акторы (приграничные регионы и неправительственные организации).

В качестве материалов настоящая работа использует официальные документы региональных интеграционных организаций, справочную информацию (СМИ и источников энциклопедического характера), а также аналитические выводы исследований по приграничному сотрудничеству в Латинской Америке.

Обсуждение

Приграничное сотрудничество в деятельности интеграционных объединений. Проблематике приграничного сотрудничества в своей деятельности уделяют довольно большое внимание упомянутые выше региональные интеграционные организации. Они исходят из того, что приграничное сотрудничество в немалой степени способствует интеграции, размывая жесткие границы между соседними странами и внося свой вклад в смягчение межгосударственных противоречий. Инициативы этих объединений не всегда отличаются стабильностью и подкрепляются достаточным финансированием, некоторые из них отчасти дублируют друг друга (также, как и сами латиноамериканские интеграционные организации). Тем не менее, по некоторым направлениям поддержка интеграционных объединений существенно усиливает приграничное сотрудничество и делает его более эффективным.

В рамках МЕРКОСУР различные аспекты приграничного сотрудничества находятся в сфере компетенции разных органов, рабочих групп и прочих учреждений. В числе этих органов особую роль играют Совет общего рынка (который курирует разработку и осуществление стратегии интеграции) и Торговая комиссия.

Именно Совету общего рынка подчинялась Временная группа по пограничной интеграции, созданная по предложению Бразилии в 2002 г. Целью группы была выработка соответствующей политики по приграничным районам и повышение эффективности приграничного сотрудничества. Группе удалось добиться некоторых успехов в создании правил оказания медицинской помощи жителям приграничных районов вне зависимости от гражданства. В целом, деятельность группы не оказалась, однако, успешной, поскольку ей не удалось эффективно примирить национальные стратегии регионального развития и социальной политики. В конечном счете, эти и другие проблемы привели к роспуску группы [1].

В 2008 г. была создана Рабочая группа по пограничной интеграции, которая в гораздо большей степени нежели предшественница пыталась учесть перспективу местных властей приграничных территорий, а также тесно взаимодействовала с Фондом структурной конвергенции МЕРКОСУР (ФОСЕМ). Помимо прочего, данная группа приступила к созданию базы данных о пограничных регионах, тем самым выполняя задачу, которой не могли успешно заниматься местные власти. Со временем деятельность группы в основном свелась, однако, к организации дискуссионных форумов для местных властей приграничных регионов. В 2010 деятельность группы была приостановлена на пять лет, возобновившись в 2015 г. по просьбам местных властей для обсуждения не принесшей в итоге большого успеха идеи создания «меркорегiónов» (т.е. регионов МЕРКОСУР) [1]. Хотя группа в настоящее время продолжает работу, ее присутствие в информационном пространстве в настоящее время является довольно скромным.

В качестве консультативных органов в приграничном сотрудничестве Меркосур принимают участие Форум консультативных муниципалитетов, федеративных штатов, провинций и департаментов МЕРКОСУР, а также организация городов Меркосьюдадес. Вместе с тем, эти организации не обладают серьезными исполнительными полномочиями [2]. Определенный вклад в развитие приграничного сотрудничества в МЕРКОСУР также вносит инициатива INNOVACT, направленная на поощрение инноваций на уровне местных правительств и сотрудничества между ними. В числе прочего, INNOVACT активно сотрудничает с ЕС в сфере передачи европейского опыта приграничного сотрудничества и его применения в латиноамериканских условиях [3]. Следует, однако, учитывать, что INNOVACT не имеет четкого институционального статуса в рамках МЕРКОСУР, а также стабильного финансирования.

Деятельность Андского сообщества по поддержке приграничного сотрудничества не столь масштабна, однако этой организации удалось добиться осязаемых успехов в плане правовой и организационной поддержки двустороннего приграничного сотрудничества между ее членами. Важной инициативой, направленной на облегчение легального приграничного сообщения, сокращения времени ожидания и смягчения негативных эффектов бюрократических процедур пограничного и таможенного контроля стал запуск рядом член CAN (в частности, Боливией, Перу и Эквадором) Двусторонних центров

пограничного обслуживания (СЕВАН), которые совместно управляются сопредельными странами и оказывают пересекающим границу людям интегрированные услуги. Данная инициатива была санкционирована принятым в 2001 г. Решением № 502 Андского сообщества, направленным на стимулирование легальных потоков людей и товаров, устранения барьеров для таких потоков и дублирующих функций контролирующих ведомств, а также поощрения обмена информацией и опытом между участниками [4].

Отличительной чертой политики UNASUR по поддержке приграничного сотрудничества является мощное финансирование инфраструктурных проектов в рамках Инициативы по интеграции региональной инфраструктуры Южной Америки (IIRSA). Об этой инициативе более подробно речь пойдет ниже.

В Центральной Америке важную роль играет действующий в рамках SICA и созданный в 1987 г. Координационный центр по предотвращению стихийных бедствий в Центральной Америке (CEPRENAC), координирующий обмен информацией и оказание помощи как на национальном, так и на региональном уровнях, а также Региональный комитет по водным ресурсам (CRRH).

Межгосударственные инициативы вне рамок интеграционных объединений. Хотя инициативы интеграционных объединений вносят значительный вклад в развитие приграничного сотрудничества в регионе, наиболее типичным форматом остаются различного рода двусторонние (несколько реже – многосторонние) инициативы, управляемые такими органами, как совместные комиссии, рабочие группы, пограничные комитеты, ассоциации регионов и т.п.

Еще в 1986 г. правительствами Гватемалы, Гондураса и Сальвадора была запущена Инициатива Эль-Трифиньо, предназначенная для управления территорией площадью 7,5 тыс. км² на стыке границы между этими странами, включая биосферные резерваты и защищенные природные территории. Целями инициативы стали совместное управление природными ресурсами и улучшение условий жизни населения. Главную роль играла Трехсторонняя комиссия во главе с высокопоставленными представителями центральной власти трех стран, в то время как местные органы власти играли в комиссии второстепенную роль. Данная комиссия имела секретариат и комитеты. В то время как проекту удалось добиться успехов в плане устойчивого управления водными ресурсами и охране биоразнообразия, усилия по борьбе с бедностью и другими социально-экономическими проблемами

имели гораздо более скромные результаты. Кроме того, деятельность по реализации плана сводилась, в основном, к мероприятиям на своих сторонах границы, в то время как трансграничная активность была выражена слабо.

В 1990-х гг. в зонах ряда границ (в частности, некоторых границ Аргентины, Боливии, Бразилии, Перу, Чили и Эквадора) начали формироваться совместные комитеты по интеграции и развитию границ (CIDF). Эти комитеты выполняют функции координации трансграничных контактов между правительственными и неправительственными структурами, разрешения проблем трансграничного сообщения, а также стимулирования развития приграничных территорий и выработки соответствующих законопроектов. Для решения этих вопросов комитеты могут привлекать средства фондов развития, располагающих суммами в несколько миллионов долларов. Эффективность деятельности фондов развития ограничена из-за бюрократических проблем и скромных бюджетов [5].

В 1996 г. силовые структуры Аргентины, Бразилии и Парагвая создали Совместное командование безопасности. В зону его ответственности вошел район стыка границ между тремя государствами, криминогенная ситуация в котором отличалась повышенной сложности. Стороны договорились наладить обмен информацией, проводить совместные операции и принимать меры по защите туризма. Данная форма сотрудничества продолжает относительно эффективно функционировать вплоть до настоящего времени [2].

В 1998 г., в рамках подписанного после военного столкновения 1995 г. мирного соглашения, Эквадор и Перу создали Двусторонний фонд мира и развития (FBPD) с целью укрепления мира и содействие развитию в регионах, прилегающих к границе между двумя странами. Деятельность этого фонда будет более подробно рассмотрена ниже.

В 2001 г. Боливия, Чили и Перу инициировали проект «Стратегический альянс «Аймара без границ»», направленный на улучшение условий жизни трансграничного народа аймара. Данный проект имел ограниченный успех, способствовав укреплению культурной идентичности народа аймара и продвижению приграничного сотрудничества. Однако в 2015 г. проект фактически утратил трансграничный статус из-за разногласий между странами-участниками [5].

В 2002 г. были приняты сразу две важные инициативы, предназначенные для развития приграничного сотрудничества между членами МЕРКОСУР Бразилией и Уругваем, а также между участниками Андского сообщества Перу и Колумбией.

В рамках бразильско-уругвайской «Новой повестки дня по сотрудничеству и развитию границ» предусматривается развитие зон приграничной торговли, развития трансграничной инфраструктуры, существенное облегчение условий пересечения границы для жителей ряда приграничных территорий, повышение мобильности участников сотрудничества в сферах образования и культуры, реализация программы общего доступа к медицинским услугам и совместных социальных программ, совместная борьба с трансграничной преступностью, развитие трансграничного туризма, сотрудничество в сферах экологии и управление чрезвычайными ситуациями. Для решения этих проблем создавались рабочие группы с участием представителей центральных и местных властей. В ходе реализации «Новой повестки» также была создана зона интеграции между приграничными городами Ривера (Уругвай) и Сантана-ду-Ливраменту (Бразилия), жителям которых была предоставлена возможность пересекать границу без прохождения таможенных процедур. Для другой пары городов-близнецов с одноименным названием Асегуа была создана общая система водоснабжения и канализации. Также был построен либо модернизирован ряд мостов через трансграничные реки [2]. В целом, программу можно считать относительно успешной, хотя на ее реализацию оказывают негативное влияние такие факторы, как недостаточное финансирование, доминирование центральных властей в управлении проектом и относительно слабое активное участие местных сообществ, административные барьеры и политические разногласия между сторонами [6].

Начиная с того же 2002 г., в прилегающих к перуанско-колумбийской границе территориях начала действовать Зона пограничной интеграции, предназначенная для стимулирования трансграничного развития сопредельных территорий. Данная зона управлялась Двусторонней комиссией под руководством министров иностранных дел и с участием представителей центральных, региональных и местных властей. Текущей деятельностью комиссии управлял Исполнительный секретариат. В 2013 г. был принят План развития Зоны пограничной интеграции, а в 2015 г. был создан Двусторонний фонд. Однако, несмотря на некоторые достижения по

развитию инфраструктуры и на относительно успешную реализации проектов в сферах поддержки сельского хозяйства, здравоохранения и образования, сотрудничество в рамках зоны не отличалось стабильностью и устойчивостью [7].

Финансирование трансграничных проектов. Одним из ключевых условий успешности приграничного сотрудничества является наличие достаточного и стабильного финансирования. Латиноамериканское приграничное сотрудничество не может по этому показателю сравниться с многомиллиардным финансированием европейского приграничного сотрудничества или с приграничным сотрудничеством Китая. Вместе с тем, в отличие от многих других регионов, Латинская Америка все же располагает финансированием для поддержки трансграничных программ социального развития и особенно инфраструктуры.

Крупнейшим источником финансирования инфраструктурных проектов в Южной Америке является учрежденная в 2000 г. при поддержке всех стран региона Инициатива по интеграции региональной инфраструктуры Южной Америки (IIRSA), действующая под эгидой Совета по инфраструктуре и планированию (COSIPLAN) UNASUR и имеющая постоянный секретариат. IIRSA призвана способствовать развитию взаимосвязанной транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры в регионе. Эта инициатива позволило южноамериканским странам хотя бы отчасти синхронизировать планирование развития трансграничной инфраструктуры и скоординировать совместную поддержку для таких проектов. Общий объем предоставленного в рамках IIRSA финансирования измеряется впечатляющими сотнями миллиардов долларов. При всех ощутимых результатах своей реализации инициатива периодически сталкивается с межгосударственными противоречиями, а также временами осуществляется без должного учета природоохранных мер и усугубляет неравенство в развитии территорий [8].

Наиболее заметным инструментом финансирования приграничного сотрудничества и других направлений регионального развития в рамках МЕРКОСУР является созданный в 2005 г. Фонд структурной конвергенции МЕРКОСУР (FOCEM). Бюджет фонда данного фонда гораздо скромнее, чем у IIRSA, составляя в первом десятилетии 2000-х гг. 100 млн. долларов США в год и достигнув 300 млн. долларов в год к 2022 г. [9]).

Еще более скромной по объемам выделяемой финансовой поддержки выглядит инициатива Банка развития Латинской Америки, в 2007-2008 годах создавшего сначала Программу развития интеграции и пограничного сотрудничества (PADIF), а затем финансирующий ее проекты Фонд трансграничного сотрудничества и интеграции (COPIF) с бюджетом всего в несколько миллионов долларов. В отличие от вышеупомянутых программ, усилия PADIF и COPIF более адресно были сосредоточены на поддержке локальных проектов развития инфраструктуры, предоставления социальных услуг и обеспечение экологической устойчивости именно в приграничных районах [10].

Большими средствами располагают некоторые из тех проектов, которые специализируются на конкретных приграничных районах или на специфических проблемах.

Как уже отмечалось выше, в целях мирного урегулирования и содействия развитию в прилегающих к границе регионах в 1998 г. Эквадор и Перу создали Двусторонний фонд мира и развития (FBPD) с начальным капиталом 300 млн. долларов. Деятельность FBPD поддерживается правительствами двух стран, а также таких международных финансовых институтов, как Всемирный банк и Межамериканский банк развития. Фондом финансируются проекты в областях инфраструктуры (строительство дорог и мостов, улучшение водоснабжения и канализации и т.п.), здравоохранения, образования, сельского хозяйства, охраны окружающей среды и интеграции между приграничными районами двух стран [11].

При типичной для таких случаев слабости поддержки со стороны правительств участвующих стран привлечение финансирования от зарубежных и международных доноров является важнейшей составляющей успеха реализации экологических проектов по созданию трансграничных охраняемых территорий, суть которых заключается в совместной деятельности по сохранению биоразнообразия в пересекающих границу районах. В самом деле, инициаторы подобных проектов при условии их убедительного обоснования имеют довольно широкие возможности для получения поддержки от таких организаций, как Conservation International, World Bank, WWF, USAID и других. Одной из наиболее широкомасштабных инициатив такого рода является учрежденный в конце 1990-х гг. Мезоамериканский биологический коридор, включающий территории Белиза, Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики, Никарагуа, Панамы, Сальвадора, а также части южных штатов Мексики. Еще более широкий географический и

проблемный (устойчивое развитие и природоохранная деятельность) охват имеет созданная в 1978 г. и учредившая постоянный секретариат в 2002 г. Организация Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (АСТО), в которой участвуют семь стран региона. Ввиду недостатка собственных средств, данная организация также активно ищет поддержку зарубежных доноров.

Роль приграничных регионов, городов и неправительственных организаций. Полномочия регионов и городов в латиноамериканском приграничном сотрудничестве, как правило, относительно слабы, и центральные власти чаще всего доминируют в определении формата приграничного сотрудничества. Вместе с тем, региональные власти активно участвуют в планировании и реализации программ регионального развития, в деятельности двусторонних комитетов по проблемам границ и в проектах сотрудничества с сопредельной стороной.

В рамках приграничного сотрудничества стран-участниц МЕРКОСУР и в ряде других случаев имеется тенденция к предоставлению центральными властями своим приграничным регионам и городам несколько более обширных полномочий в формировании повестки взаимодействия с зарубежными партнерами.

Примером относительно систематического сотрудничества между приграничными городами является городской комплекс Такна-Арика, в рамках которого осуществляются совместные проекты в области развития инфраструктуры и транспорта, стимулирование торговли и (еще с 1950-х гг.) регулирование миграции между расположенными друг от друга на расстоянии 56 километров перуанским городом Такна и чилийским городом Арика с совокупным населением более 500 тыс. чел. и несколькими миллионами ежегодных пересечений границы на участке между ними. Взаимодействие между этими городами является разноплановым: жители Такны находят работу в более богатой Арике, а предприниматели используют порт Арики для доступа к морю, в то время как жители Арики часто посещают Такну для отдыха и шоппинга [13]. Для развития сотрудничества в этих сферах, а также туризма, предоставления доступа к трансграничным услугам здравоохранения и образования, борьбы с контрабандой и другими видами трансграничной преступности, стороны опираются на существующие межправительственные соглашения, а также стремятся совместно решать текущие вопросы в формате двусторонних интеграционных комитетов. Особую роль играют курирующий

экономические и социальные вопросы Комитет по региональному развитию Арика-Такна и Двусторонняя комиссия по пограничным вопросам, занимающаяся проблемами регулирования трансграничного сообщения и борьбы с преступностью. Целенаправленные совместные усилия привели к определенным успехам в развитии инфраструктуры и решении ряда социальных проблем. И все же динамичное развитие комплекса, по-видимому, связано более со стихийными тенденциями роста торговли и трудовой миграции, чем с результатами деятельности сторон.

В 2005 г. две крупнейшие страны региона - Аргентина и Бразилия - подписали ратифицированное лишь в 2016 г. Соглашение о связанных приграничных муниципалитетах, направленное на укрепление разноплановых связей между девятью приграничными городами двух стран в сферах экономического развития, регулирования трансграничного сообщения, режима трудоустройства и доступа к услугам здравоохранения и образования. Данное соглашение имело некоторый успех, развить который, как и во многих других случаях, мешают сохраняющиеся бюрократические барьеры и политические противоречия между странами.

Еще меньше возможностей влиять на процесс принятия ключевых решений чем приграничные регионы и города имеют неправительственные организации. И все же они играют важную, в ряде случаев ключевую роль в латиноамериканском приграничном сотрудничестве, иницируя многие проекты, представляя интересы населения приграничных районов (в том числе, аборигенного населения), а также в привлечении финансирования от зарубежных грантодателей.

Активность неправительственных организаций особенно заметна в сфере защиты окружающей среды. Так, в 1999 г. государственные учреждения, неправительственные организации, ученые, представители аборигенного населения и другие граждане Боливии, Бразилии и Перу выдвинули разработанную исследователями Инициативу МАР (Мадре-де-Дьос-Акра-Пандо), направленную на трансграничную охрану окружающей среды и смягчение последствий обезлесения, развития транспортных коридоров, эксплуатации водных ресурсов и развития городов в зоне стыка границ трех государств [14]. В Центральной Америке неправительственные организации сыграли самую активную роль в проектах создания трансграничных охраняемых территорий (биорегионов), реализованных при участии правительств и международных организаций [15].

Достижения и неудачи латиноамериканского приграничного сотрудничества. В ряде сфер приграничное сотрудничество в Латинской Америке принесло определенные успехи. Его участникам удалось, например, относительно эффективно реализовать ряд инфраструктурных и экологических проектов, смягчить ряд социальных проблем развития приграничных территорий, частично устранить барьеры для трансграничного сообщения, активизировать взаимодействие между властями приграничных регионов и негосударственными акторами, добиться некоторого повышения их роли в решении проблем развития приграничных территорий [5].

Вместе с тем, приграничное сотрудничество в регионе сталкивается с рядом серьезных вызовов. Типичными проблемами, в частности, являются (см., например: [2; 3; 6]):

- слабый уровень социально-экономического развития многих приграничных территорий и сложная криминогенная обстановка в них;
- доминирование в сотрудничестве центральных властей, которое во многих случаях сковывает инициативу местных властей (заставляя согласовывать инициативы и действия по развитию сотрудничества) и ограничивает полномочия последних;
- многочисленные политические и организационные противоречия между властями различных уровней как по одну, так и по разные стороны границы, серьезные проблемы с координацией кросс-границной деятельности участников сотрудничества;
- территориальные споры между рядом сопредельных государств региона, которые серьезно ухудшают политический климат для сотрудничества;
- хроническая слабость институтов местной власти в ряде стран (например, в Венесуэле);
- ограниченность и нестабильность результатов деятельности интеграционных объединений в регионе;
- недостаток финансирования трансграничных проектов;
- отсутствие серьезных правовых обязательств сторон в большинстве форматов сотрудничества;
- неустойчивость деятельности учрежденных для трансграничного сотрудничества совместных институтов: многие из них или становятся неактивными спустя несколько лет после начала деятельности;
- недостаточная вовлеченность в проекты местных сообществ приграничных территорий;

- относительно низкая трансграничная активность участников проектов (которые, зачастую, предпочитают параллельную деятельность на своих сторонах границы).

Условия для приграничного сотрудничества в Латинской Америке и в южном пограничье Казахстана в сравнительной перспективе. Как и в случае с Латинской Америкой, приграничное сотрудничество Казахстана с сопредельными странами Центральной Азии (а именно с Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном) может сыграть серьезную роль в развитии региональной интеграции. Трансграничные региональные партнерства способны стать своеобразными швами, стягивающими разрывы межгосударственных границ.

По сравнению с Латинской Америкой, условия для приграничного сотрудничества Казахстана имеют существенную специфику, в то же время обнаруживая и частичное сходство:

- Как большинство стран Латинской Америки, так и Казахстан с сопредельными государствами Центральной Азии имеют централизованные политические системы, в которых регионы имеют относительно слабые полномочия для самостоятельной реализации проектов приграничного сотрудничества. В то время как политические режимы стран Центральной Азии в целом более авторитарны, чем большинство латиноамериканских режимов, межгосударственные отношения в центральноазиатском регионе более стабильны и менее зависимы от резкого изменения политической конъюнктуры (которое в Латинской Америке нередко происходит из-за перехода власти от левых сил к правым и наоборот);

- В обоих случаях приграничное сотрудничество облегчается отсутствием серьезных языковых барьеров. В большинстве стран Латинской Америки государственным языком является испанский, который лингвистически близок к другим наиболее часто используемым в регионе языкам – португальскому и французскому. В рамках приграничного сотрудничества между Казахстаном и соседними центральноазиатскими странами может использоваться русский язык, а государственные языки данных стран относятся к одной языковой группе;

- В Латинской Америке приграничное сотрудничество частично поддерживается (в том числе и финансово) в рамках существующих интеграционных инициатив, в то время как в Центральной Азии интеграция находится в зачаточном состоянии и потому не оказывает

на такое сотрудничество серьезное влияние. На двустороннем уровне в Латинской Америке существуют несколько пар государств (например, Бразилия-Аргентина, Бразилия-Уругвай, Перу-Колумбия, Перу-Эквадор и Перу-Чили), готовые вкладывать значительные средства в проекты приграничного сотрудничества. В случае с южными казахстанскими границами, предпосылки для систематического и предусматривающего взаимные существенные финансовые вложения приграничного сотрудничества намечаются лишь в зоне казахско-узбекской границы, где строятся такие объекты, как Международный центр промышленной торговли, скоростная дорога Туркестан-Шымкент-Ташкент, транспортный коридор Учкудук-Кзылорда, а также заключаются многомиллиардные контракты в рамках проводимых с 2018 г. форумов межрегионального сотрудничества

- Казахстан не имеет выхода к морю, в то время как 16 из 18 континентальных стран Латинской Америки за исключением Боливии и Парагвая такой выход имеют. Неудивительно, что развитие транспортных коридоров является, пожалуй, самым приоритетным направлением приграничного сотрудничества Казахстана с центральноазиатскими соседями (включая даже проводящий изоляционистскую политику Туркменистан), в то время как для Латинской Америки международные транспортные коридоры имеют несколько менее приоритетное значение;

- Темпы прироста населения Латинской Америки (в среднем – 0,8%, максимальный показатель – 1,5%) ниже темпов прироста населения южных приграничных регионов Казахстана (более 1,5%, минимум – 1,2%, максимум – 2,5%). Это создает проблему занятости населения приграничных территорий, которая гораздо менее остра, например, для приграничных районов Европейского Союза (население которых сокращается). Наиболее реалистичным способом смягчение проблемы занятости для стран Центральной Азии является развитие и регулирование приграничных рынков, в то время как для приграничного сотрудничества Латинской Америки эта задача не является столь важной;

- Проблема преступности гораздо более остро стоит в приграничных регионах Латинской Америки, хотя проблемы наркотрафика и приобретающих межэтническую окраску локальных конфликтов в ряде южных приграничных районов Казахстана также довольно серьезны.

- В то время как в Латинской Америке имеется несколько пар городов-близнецов, на южных границах Казахстана такие пары

отсутствуют. Вместе с тем, довольно интенсивно трансграничное взаимодействие между такими относительно близко расположенными по отношению друг к другу крупными приграничными городами, как Шымкент и Ташкент, а также Алматы и Бишкек, дальнейшее развитие транспортных связей между которыми могло бы оказаться рентабельным. Именно между этими парами городов проходящие через границы Казахстана со странами Центральной Азии потоки наиболее интенсивны.

Заключение

Уроки латиноамериканского опыта для Казахстана

Латиноамериканский опыт приграничного сотрудничества не столь успешен, как европейский, однако достаточно богат и разнообразен. Следует учитывать, что этот опыт накапливался в условиях, которые по ряду параметров были более приближенными к центральноазиатским реалиям, нежели более успешный европейский опыт.

Во многом позитивным можно считать латиноамериканский опыт по мобилизации финансирования для приграничного сотрудничества. В большинстве других регионов мира (включая Центральную Азию) такое финансирование довольно скудно, что делает приграничное сотрудничество вялотекущим и во многом сводимым к протокольным мероприятиям; тогда как ряду латиноамериканских стран удалось организовать программы развития трансграничной инфраструктуры и приграничных территорий, а также привлечь долгосрочное зарубежное финансирование в проекты природоохранных территорий. Следует, вместе с тем, отметить, что проекты упомянутого формата несут в себе немалые коррупционные риски, которые следует учитывать при их реализации.

Для развития казахстанского приграничного сотрудничества на двустороннем уровне представляется полезным учет опыта работы латиноамериканских центров пограничного обслуживания, позволяющих совместно и систематически работать над устранением барьеров для трансграничного сообщения.

Не только достижения, но и неудачи латиноамериканских стран могут учитываться в процессе формирования и совершенствования соответствующей казахстанской политики. Важным уроком латиноамериканского приграничного сотрудничества является отсутствие стабильных результатов, несмотря на общий язык, развитие

интеграционных процессов и выделение значительных средств на осуществление ряда программ. В случае принятия политического решения об интенсификации приграничного сотрудничества Казахстану и сопредельным странам следует подумать над тем, как избежать латиноамериканских ошибок, сделав приграничное сотрудничество более устойчивым к возможным неблагоприятным изменениям политической конъюнктуры в двусторонних отношениях на правительственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Matiuzzi de Souza G. The institutionalization process of border integration in Mercosur (2003-2015): regional uncoordinated attempts toward social development // *Fédéralisme Régionalisme*. - 2016. - Vol. 16.

[2] Dupeyron B. Regional integration and border interactions in the Cuenca Del Plata: legacies, achievements and challenges for the Mercosur // *Journal of Borderlands Studies*. - 2009. - Vol. 24. - No. 3. - P. 131-151.

[3] Haarich S. Smart specialisation in peripheral and border regions in Latin America – challenges and lessons. 2018 SMARTER Conference on Smart Specialisation and Territorial Development Seville, Spain, 26-28th September 2018. http://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/09/Haarich-INNOVACT_Seville-s3_26sep18.pdf

[4] Decision 502 Binational Border Service Centers (BBSC) in the Andean Community // Foreign Trade Information System. <http://www.sice.oas.org/trade/junac/decisiones/dec502e.asp>

[5] Dilla Alfonso H., Contreras Vera C. Borders and Latin American cross-border agreements // *Estudios Fronterizos*. - 2021. - Vol. 22. - P. 69.

[6] Santander S., Sobottka E., Machado R., Mallmann M., Arnaldo A., and Almeida Resende E. Border development in the Brazilian-Uruguayan Cross. – Porto Alegre: PUCRS, - 2018. https://repositorio.pucrs.br/dspace/bitstream/10923/13609/4/TES_GUSTAVO_MATIUZZI_SOUZA_COMPLETO.pdf

[7] Hurtado A. M., Aponte J. Towards a cross-border government? Exploring institutionality for Colombo-Peruvian ‘integration’ // *Estudios Fronterizos*. - 2017. - Vol. 18. - No. 35. - P. 70-89.

[8] Kanai J. The pervasiveness of neoliberal territorial design: Cross-border infrastructure planning in South America since the introduction of IIRSA // *Geoforum*. - 2016. - Vol. 69. - P. 160-170.

[9] Mercosur/CMC/Dec. N° 20/21: Presupuesto del Fondo para la Convergencia Estructural del Mercosur (FOCEM) para el ejercicio 2022

// Mercosur. https://focem.mercosur.int/uploads/normativa/DEC_0202021_ES_Presupuesto%20FOCEM%202022-7.pdf

[10] Oddone N., Rodríguez Vázquez H. Cross-border paradiplomacy in Latin America // *Latin American Policy*. 2015. - Vol. 6. - No. 1. - P. 110-123.

[11] Rhi-Sausi J., Oddone N. Andean Hub. Cross-Border Cooperation and Regional Integration: Opportunities to Peru // *The Perspective of the World Review*. - 2012. - Vol. 4. - No. 1. - P. 147-171.

[12] Manero E. Strategic representations, territory and border areas: Latin America and global disorder // *Geopolitics*. - 2006. - Vol. 12. - No. 1. - P. 1-62.

[13] Dilla H., Cabezas M.F., and Figueroa M. T. Notes for a discussion on Latin American cross-border regions // *Journal of Borderlands Studies*. - 2020. - Vol. 37. - No 3. - P. 435-451.

[14] Perrier Bruslé L. The Border as a marker of territoriality: multi-scalar perspectives and multi-agent processes in a South American borderland region // *Geopolitics*. - 2013. - Vol. 18. - No. 3. - P. 584-611.

[15] Barquet, K. Building a Bioregion through Transboundary Conservation in Central America // *Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography*. - 2015. - Vol. 69. - No 5. - P. 265-276.

REFERENCES

[1] Matiuzzi de Souza G. The institutionalization process of border integration in Mercosur (2003-2015): regional uncoordinated attempts toward social development // *Fédéralisme Régionalisme*. 2016, Vol. 16.

[2] Dupeyron B. Regional integration and border interactions in the Cuenca Del Plata: legacies, achievements and challenges for the Mercosur // *Journal of Borderlands Studies*. 2009, Vol. 24, No. 3, P. 131-151.

[3] Haarich S. Smart specialisation in peripheral and border regions in Latin America – challenges and lessons. 2018 SMARTER Conference on Smart Specialisation and Territorial Development Seville, Spain, 26-28th September 2018. http://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/09/Haarich-INNOVACT_Seville-s3_26sep18.pdf

[4] Decision 502 Binational Border Service Centers (BBSC) in the Andean Community // Foreign Trade Information System. <http://www.sice.oas.org/trade/junac/decisiones/dec502e.asp>

[5] Dilla Alfonso H., Contreras Vera C. Borders and Latin American cross-border agreements // *Estudios Fronterizos*. 2021, Vol. 22, P. 69.

[6] Santander S., Sobottka E., Machado R., Mallmann M., Arnaldo A., and Almeida Resende E. Border development in the Brazilian-Uruguayan Cross. – Porto Alegre: PUCRS, - 2018. https://repositorio.pucrs.br/dspace/bitstream/10923/13609/4/TES_GUSTAVO_MATIUZZI_SOUZA_COMPLETO.pdf

[7] Hurtado A. M., Aponte J. Towards a cross-border government? Exploring institutionality for Colombo-Peruvian ‘integration’ // Estudios Fronterizos. - 2017. - Vol. 18. - No. 35. - P. 70-89.

[8] Kanai J. The pervasiveness of neoliberal territorial design: Cross-border infrastructure planning in South America since the introduction of IIRSA // Geoforum. 2016. Vol. 69. P. 160-170.

[9] Mercosur/CMC/Dec. N° 20/21: Presupuesto del Fondo para la Convergencia Estructural del Mercosur (FOCEM) para el ejercicio 2022 // Mercosur. https://focem.mercosur.int/uploads/normativa/DEC_0202021_ES_Presupuesto%20FOCEM%202022-7.pdf

[10] Oddone N., Rodríguez Vázquez H. Cross-border paradiplomacy in Latin America // Latin American Policy. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 110-123.

[11] Rhi-Sausi J., Oddone N. Andean Hub. Cross-Border Cooperation and Regional Integration: Opportunities to Peru // The Perspective of the World Review. 2012, Vol. 4, No. 1, P. 147-171.

[12] Manero E. Strategic representations, territory and border areas: Latin America and global disorder // Geopolitics. 2006, Vol. 12, No. 1, P. 1-62.

[13] Dilla H., Cabezas M.F., and Figueroa M. T. Notes for a discussion on Latin American cross-border regions // Journal of Borderlands Studies. 2020, Vol. 37, No 3, P. 435-451.

[14] Perrier Bruslé L. The Border as a marker of territoriality: multi-scalar perspectives and multi-agent processes in a South American borderland region // Geopolitics. 2013, Vol. 18, No. 3, P. 584-611.

[15] Barquet, K. Building a Bioregion through Transboundary Conservation in Central America // Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography. 2015, Vol. 69, No 5, P. 265-276.

**ЛАТЫН АМЕРИКА ТӘЖІРИБЕСІНІҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ
ЕЛДЕРІМЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЕКАРА МАҢЫНДАҒЫ
ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫНА ҚОЛДАНЫЛУЫ
МӘСЕЛЕСІНЕ ҚАТЫСТЫ**

***Голунов С.В.¹**

***¹ Саяси ғылымдарының докторы, профессор, СДУ университеті
Алматы, Қазақстан
e-mail: sergei.golunov@gmail.com**

Андатпа. Шекара маңындағы ынтымақтастық Орталық Азия елдерінің интеграциясы тұрғысында маңызды рөл атқара алады. Халықаралық тәжірибені талдау барысында тек Еуропалық Одақтың озық тәжірибесі ғана емес, сонымен қатар Орталық Азияның жағдайына жақын аймақтардың тәжірибесіне назар аудару қажет. Осыған байланысты Орталық және Оңтүстік Американың 18 континенталды елінің шекара маңындағы ынтымақтастық тәжірибесі теориялық және практикалық тұрғыдан құнды. Бұл зерттеудің мақсаты – латиноамерикалық тәжірибені Қазақстанның Орталық Азия елдерімен ынтымақтастығымен салыстыру. Бұл жұмыста латиноамерикалық тәжірибенің бірнеше аспектілері қарастырылады: аймақтық интеграциялық бірлестіктер, екіжақты және көпжақты мемлекетаралық бастамалар аясында шекара маңындағы ынтымақтастықты дамытудағы күш-жігер; қаржыландыру мәселелері; өңірлік билік пен үкіметтік емес ұйымдардың рөлі; шекара маңындағы ынтымақтастықтың жетістіктері мен сәтсіздіктерінің жалпы сипаттамасы. Қорытынды бөлімдерде Латын Америкасы мен Қазақстанның оңтүстік шекараларындағы ынтымақтастық шарттарын салыстыру жасалып, бұл тәжірибенің жетістіктері мен сәтсіздіктерін ескере отырып, Қазақстанға арналған ұсыныстар беріледі. Зерттеу әдістемесі салыстырмалы және жүйелік талдауға негізделген: ішкі аймақтық (Латын Америкасы) және аймақаралық (Латын Америкасы мен Қазақстанның оңтүстік шекаралары) деңгейлерде салыстыру жүргізіледі, латиноамерикалық шекара аймағы жүйе ретінде қарастырылады. Зерттеу нәтижелері Латын Америкасы елдерінің жетістіктері мен сәтсіздіктерін талдау Қазақстанның шекара маңындағы ынтымақтастығын оңтайландыруға маңызды үлес қосуы мүмкін екенін көрсетеді. Автордың пікірінше, Қазақстан ең алдымен инфрақұрылымды дамытуға, шекара аймақтарын трансшекаралық жобаларға қаржы тартуға, шетелдік донорлардың қаражатын пайдалану арқылы табиғатты қорғау жобаларын ұйымдастыруға,

сондай-ақ шекаралық қызмет көрсету орталықтарын құру тәжірибесін зерттеуі керек. Сонымен қатар, Қазақстан мен көршілес елдерге шекара маңындағы ынтымақтастықты екіжақты үкіметаралық қатынастардағы саяси жағдайдың қолайсыз өзгерістеріне тұрақты етіп жасау туралы ойлану қажет.

Тірек сөздер: трансшекаралық ынтымақтастық, Латын Америкасы, Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Түрікменстан, халықаралық тәжірибе, салыстырмалы талдау

THE APPLICABILITY OF LATIN AMERICAN EXPERIENCE TO KAZAKHSTAN'S CROSS-BORDER COOPERATION WITH CENTRAL ASIAN COUNTRIES

**Golunov S.V.¹*

**¹ Doctor of Political Sciences, Professor, SDU University*

Almaty, Kazakhstan

e-mail: sergei.golunov@gmail.com

Abstract. Cross-border cooperation can play a significant role in the context of Central Asian integration. When analyzing international experience in cross-border cooperation, close attention should be paid not only to the advanced but quite specific experience of the EU, but also to the experience of other regions that are closer in their characteristics to Central Asian conditions. In this regard, the experience of cross-border cooperation among the 18 continental countries of Central and South America holds considerable theoretical and practical value. The goal of this study is to analyze this experience in comparison with Kazakhstan's cooperation with Central Asian countries. This paper examines aspects of Latin American experience such as efforts to develop cross-border cooperation within regional integration frameworks, bilateral and multilateral intergovernmental initiatives, issues of financing, the role of regional authorities and non-governmental organizations, and a general overview of the successes and failures of Latin American cross-border cooperation. The concluding sections compare the conditions for such cooperation in Latin America and along Kazakhstan's southern borders, and outline lessons from Latin American experience for Kazakhstan's cross-border cooperation, taking into account both the achievements and the failures. Methodologically, the research relies on comparative and systems analysis: comparisons are made at both the intra-regional (Latin America) and inter-regional (Latin America and southern Kazakhstan) levels, viewing the Latin American border regions as a system with key components such as environment, actors, cooperation

projects, and financing. The study concludes that an analysis of both the achievements and the failures of Latin American countries can be important for optimizing Kazakhstan's cross-border cooperation. The author suggests that Kazakhstan should first and foremost carefully study the experience of mobilizing financing for cross-border infrastructure development projects and border regions, organizing cross-border environmental projects with the involvement of foreign donors, and establishing bilateral border service centers for joint efforts to eliminate barriers to cross-border communication. At the same time, Kazakhstan and its neighboring countries should consider how to make cross-border cooperation more resilient than in Latin America to potential unfavorable changes in the political climate at the governmental level in bilateral relations.

Keywords: cross-border cooperation, Latin America, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan, international experience, comparative analysis

Статья поступила 15.09.2024 г.

УДК 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.006>

МРНТИ 11.25.40

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОРТА ЧАБАХАР

***Оракбаева У.М.¹, Акказенов А. М.², Абилдаев А.С.³**

***¹ Доктор PhD, Посольство Индии в Казахстане, Астана, Казахстан
e-mail: ulbolsyn.orakbayeva@mail.ru**

**² PhD докторант, Евразийский национальный университет имени
Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: alisherakkazenov@mail.ru**

**³Представитель Уполномоченного по правам человека
в Атырауской области, Атырау, Казахстан
e-mail: a.almaz1976@gmail.com**

Аннотация. В статье освещается стратегическое развитие транспортной инфраструктуры стран Центральной Азии с основным фокусом на расширение портовой и железнодорожной сети при

привлечении иностранных инвестиций. Основные порты, такие как Бендер-Аббас и Чабахар, рассматриваются как ключевые узлы, влияющие на международные торговые партнерства. Чабахар, с международными вложениями, становится стратегическим морским хабом, обеспечивающим не только экспорт и импорт Ирана, но и открывающим новые транзитные маршруты в Центральную Азию и Европу.

В работе анализируется влияние проектов на геополитическую ситуацию региона, учитывая интересы различных стран и их стремление укрепить свои экономические и торговые связи, подчеркивается важность инфраструктурных инициатив в рамках масштабных транспортных коридоров, таких как Международный транспортный коридор Север-Юг, и их влияние на глобальный транзитно-транспортный потенциал.

Исследование также рассматривает множество подписанных соглашений и инвестиций, выявляя их роль в формировании новых транспортных коридоров, в расширении экономических аспектов и усилении геоэкономического влияния Ирана в регионе и за его пределами. Главной целью данной работы – определение стратегических, экономических и дипломатических инициатив данного маршрута, а также оценка его воздействия на геополитическую ситуацию в регионе. Предмет исследования включает воздействие данных инициатив на геополитическую обстановку и транзитные маршруты.

Геополитическое воздействие и готовность Казахстана участвовать в глобальном транзите делают это исследование актуальным для развития современной транспортной динамики. Важность разработки интегрированных транзитных маршрутов подчеркивает стратегическое влияние данных инфраструктурных инициатив на формирование новых экономических связей и транзитных путей в регионе и в мировой экономике.

Ключевые слова: транспортный коридор, порт Чабахар, модернизация, логистика, экономические взаимоотношения, дипломатия, международные договоры, экономика

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования молодых ученых по проекту «Жас галым» на 2022-2024 годы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP14973037 «Сотрудничество Казахстана и Индии: отношение к Афганистану через призму стратегий двух государств».

Основные положения

В своих выступлениях и програмных документах, Глава государства Касым-Жомарт Токаев не раз раз отмечал особую роль транспортно-логистической отрасли в экономике страны. «... Казахстан никогда не был морской страной и поэтому не задействовал в полном объеме возможности морских перевозок. Сегодня перед правительством поставлена стратегическая задача – трансформировать порты, превратив их в один из ведущих хабов», – подчеркнул глава государства [1].

В настоящее время, географическое расположение Казахстана выступает в качестве одного из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие страны в сферах экономики и политики. Благоприятное расположение границ Казахстана становится существенным элементом в экономических взаимоотношениях с другими государствами.

Введение

На данный момент Центрально-азиатский регион не имеет прямого доступа к международным морским торговым маршрутам, однако геополитически он играет роль моста между Западом и Востоком. Ограничение прямого доступа к морю является ключевым фактором, замедляющим политическое и экономическое развитие региона. Стоимость доставки товаров, ввозимых из этих развивающихся стран, вдвое превышает стоимость доставки к их прибрежным соседям. Высокие тарифы, наличие пограничных контрольных пунктов и недостаточно развитая инфраструктура приводят к задержкам в движении транспортных средств и дополнительному увеличению затрат на торговлю.

Описание материалов и методов

В качестве методологии исследования используется метод анализа данных (secondary data analysis), в том числе, метод исследования договоров и деклараций, других официальных документов и данных (documentary method analysis). Кроме того, в соответствии с актуальностью темы, в ходе анализа интервью представителей власти и ранжирования данных новостного сайта был использован метод контент-анализа. Источниковая база исследовательской работы базируется на исследованиях, проведенных в ближнем и дальнем зарубежье, в том числе академических сообществах в области международных отношений.

Литературный обзор. Исследования о стратегических преимуществах порта Чабахар, непосредственно выступающих в качестве объекта исследования, была предоставлена компанией ‘ A Study of Strategic Capabilities of the Free Zone of Chabahar Along with Geopo-litical Weight and National Power of Iran (Ahmadi E., & Ahmadi A., 2017), Analysis of Opportunities and Challenges for the Development of Free Zones in Iran Case Study: Chabahar Free Zone, Annals of Global History (Abdolreza Alishahi, Esmaeil Dashtban, 2020) [2].

Согласно исследованиям зарубежных экспертов, в области международных отношений транспортная дипломатия играет важную роль в современном мире. Эксперты подчеркивают значение транспорта не только с экономической, но и с геополитической точки зрения. П. Абелсон [3], изучавший транспортную инфраструктуру как инструмент социальных и политических трансформаций, предложил новое понимание того, как транспорт может стимулировать изменения в обществе. В работах Э. и А. Ахмади [2] и С. Гупта [4], Х. Мохаммади [5] также отмечается важность логистики для развития международных отношений.

Для более полного изучения влияния транспортной инфраструктуры на социальные и политические процессы, важно провести анализ и определить механизмы и степень этого влияния на динамику общественных изменений. Кроме того, необходимо изучить логистическую дипломатию в региональных контекстах и выявить конкретные логистические факторы, которые оказывают значительное воздействие на развитие региональных отношений.

Обсуждение

Сегодня, используя различные возможности привлечения иностранных инвестиций, Исламская Республика Иран (ИРИ) развивает собственную инфраструктуру, в первую очередь портовую и железнодорожную. Тегеран уделяет значительное внимание портам, и, по опубликованным сообщениям СМИ, на эти цели было направлено 5 млрд долл. [6]. Согласно иранским проектам, практически все крупные порты планируется соединить с иранской сетью железных дорог, что позволит значительно увеличить транзитный потенциал государства [7].

Порт Бендер-Аббас – главный морской хаб страны, через который осуществляется экспорт/импорт практически всех основных товарных групп свободной торговли. Используя порт Шахид Раджаи (терминал

Бендер-Аббаса), ИРИ сотрудничает более чем с 80 мировыми портами посредством 35 ведущих контейнерных линий [8].

Сейчас развитие порта Чабахар в Иране привлекает большое внимание. Этот порт является одним из основных инфраструктурных проектов в Иране, а основным инвестором в него выступает Индия. Индийская сторона предполагает, что через порт Чабахар пройдет маршрут международного транспортного коридора «Север – Юг», который предоставит доступ к рынкам Центральной Азии. Кроме того, порт Чабахар является ключевой точкой в индийской экономической инициативе, нацеленной на установление связей между Индией, Афганистаном (как только внутренняя политическая обстановка стабилизируется) и Центральной Азией.

В настоящее время многие страны заинтересованы в развитии транспортной логистики через выгодный морской порт Чабахар, расположенном на юго-востоке Ирана, на берегу Оманского залива, в 768 морских милях (1420 км) от индийского порта Мумбаи. Железная дорога Чабахар-Захедан-Сарахс является частью совместного проекта Чабахар, целью которого является в будущем соединить Чабахар железнодорожным и автомобильным транспортом с Афганистаном [6].

Исключительная ценность и преобразующий потенциал данного торгового коридора были признаны многими и были официально оформлены в рамках крупных мультимодальных транспортных проектов – Международного транспортного коридора Север-Юг (INSTC), призванных стимулировать торговлю между югом и севером [9].

Строительство транспортного коридора, соединяющего Индию и Афганистан через территорию Ирана, уже почти пять лет является важным вопросом трехстороннего межгосударственного сотрудничества.

В 2015 г. между Ираном и Индией было подписано соглашение о совместном развитии порта Чабахар. Планировалось, что этот порт станет главным портом Ирана Бандер-Аббас для перевалки сырой нефти и карбамида. Позже стороны подписали еще несколько соглашений по этому вопросу.

В 2016 года Иран, Индия и Афганистан подписали в Тегеране трехстороннее транзитное соглашение, открывающее новые маршруты для взаимного сообщения трех стран, позволяющее порту Чабахар стать транзитным узлом в обход Пакистана.

В 2017 года было подписано соглашение между Портовой и морской организацией Ирана и индийской компанией Ports Global Limited (IPGL) на первый этап аренды. Так, в Иране произошло очень важное событие, изменившее транспортную конфигурацию Евразийского континента и оказавшее существенное влияние на транзитно-транспортный потенциал Каспийского региона [10].

В настоящее время Мумбаи, Санкт-Петербург и Москва являются конечными точками Межгосударственного транспортного коридора Северо-Южной Азии (INSTC). Этот коридор включает в себя крупные порты и города Ирана, такие как Чабахар, и охватывает Азербайджан, Армению, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Турцию, Украину, Беларусь, Оман, Сирию и Болгарию. После завершения строительства Межгосударственного транспортного коридора ожидается, что его протяженность данного маршрута составит 7200 км. Это позволит существенно снизить транспортные расходы на перевозку грузов на 167 долларов США за тонну и сократить время доставки на 40% по сравнению с традиционным маршрутом через Суэцкий канал [11].

Ашхабадское соглашение о мультимодальных перевозках, инициированное в 2011 году Узбекистаном, Туркменистаном, Ираном, Оманом и Катаром, имеет целью расширение сотрудничества и связей в Центральной Азии. Позже Катар и Оман вышли из соглашения. Казахстан и Пакистан присоединились к нему в 2016 году, а Индия – в 2018 году. Данное соглашение направлено на синхронизацию различных торговых и транспортных коридоров, проходящих через Центральную Азию.

Профессор государственного экономического университета Армении С. Хачикян в своем докладе об отношениях Индии и Ирана в контексте INSTC, провел подробный анализ проекта межнационального транспортного коридора Север-Юг. Он отметил, что Индия является одной из ведущих стран-разработчиков в мире, обладающей значительными достижениями в сфере технологий и имеющей все большую роль в Тихоокеанском регионе. Иран, в свою очередь, проявил способность к технологическому развитию в условиях санкций и играет важную роль в обеспечении региональной стабильности. Индия и Иран считаются странами Азии, которые не имеют прямой связи друг с другом в евразийских коридорах, однако совместное участие в проектах, таких как INSTC, позволяет им расширить торговые связи и развить сильные взаимоотношения в области торговли [12].

В 2023 г. в Мумбаи правительство Индии провело первое заседание Совместной рабочей группы диалога «Центральная Азия и Индия». В мероприятии приняли участие Индия, Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также Афганистан, Иран и Всемирная продовольственная служба ООН. В ходе заседания рабочей группы участники обсудили вопросы перспективы использования порта Чабахар стран Центральной Азии. Так, Казахский ученый Ш. Аманов в докладе «Евразийские амбиции Индии и международный транспортный коридор Север-Юг» поделился простым выводом о том, что евразийские амбиции основаны на политике объединения Центральной Азии [13].

В своем выступлении при данной встрече Б. Атамкулов затронул вопросы экономического, культурно-гуманитарного сотрудничества, а также стабилизации и содействия экономическому развитию Афганистана, расширения прямых связей деловых ассоциаций, развития транзитного и транспортно-коммуникационного потенциала стран Центральной Азии, продвижения совместных инициатив по созданию международных и региональных транспортных коридоров, индийских инвестиций, инноваций и привлечения технологий в страны Центральной Азии, в том числе промышленности, сотрудничество по энергетике, информационным технологиям, фармацевтике, сельскому хозяйству и др.

В настоящее время торговые пути в рамках международного транспортного коридора Север-Юг (INSTC) являются одним из масштабных проектов 2000 года. Международный транспортный коридор Север-Юг – это мультимодальная транспортная сеть протяженностью 7200 км, включающая морскую, автомобильную и железнодорожную линии [14]. Его маршруты соединяют Индийский океан через Персидский залив с Каспийским морем, Россией с Северной Европой. Данный Международный транспортный коридор, в условиях обострения международной политической ситуации российско-украинской войны, важность и стратегическая роль этого проекта очевидна.

Инфраструктура, объединенная общим международным транспортным коридором Север-Юг, простирается через несколько географических коридоров. Начиная с порта Джавахарлал на западе Индии, в регионе Индийского океана, она соединяется с портом Бандар-Аббас в Ормузском проливе. Далее маршрут проходит через Новшахр, Амирабад и Бандар-э-Анзали на иранской

территории, а также через Каспийское море, достигая порта в России. Восточный коридор связывает Россию с Индией через Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, тогда как Западный коридор соединяет железнодорожную линию Азербайджана через Азербайджан и Иран.

Страны, участвующие в Чабахарском соглашении, планируют использовать порт Чабахар для осуществления грузоперевозок по международному транспортному коридору Север-Юг. В соответствии с этим маршрутом, часть грузов, предназначенных для доставки в страны Европейского союза, должна быть доставлена из Индии в порт Чабахар, а затем перевезена автотранспортом к морским портам Ирана на Каспии или железнодорожным станциям на границе с Ираном и Азербайджаном, а также с Ираном и Туркменистаном. По предварительным расчетам, индийские товары планируют доставлять в Европу через Каспийское море и транспортные маршруты Российской Федерации.

Особый интерес представляет проект, связанный с подключением государств Центральной Азии к Каспийской транспортной системе. Это достигается через Восточную железнодорожную ветку коридора «Казахстан – Туркменистан – Иран», которая включает в себя железную дорогу Чабахар –Захедан, где расположен порт Чабахар и функционирующий коридор «Север-Юг».

Транспортно-логистический маршрут Чабахар является неотъемлемой частью мировой торговой и транспортной системы, став центром транзитных грузовых потоков, открывающим новые возможности для торговли и сотрудничества в регионе Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке.

Результаты

Развитие порта Чабахар в Иране на берегу Индийского океана представляет собой множество перспектив, которые могут оказать значительное влияние на экономическое и политическое развитие Центральной Азии. Основываясь на различных аспектах, таких как торговля, транспортные маршруты, экономическое развитие, доступность товаров и услуг, транспортные издержки, транзитный потенциал, сотрудничество с другими странами, логистическая инфраструктура, стабильность региона и энергетическая безопасность, можно проанализировать важность и выгоды для Центральной Азии.

Первая перспектива связана с развитием торговли. Порт Чабахар может стать ключевым торговым хабом для стран Центральной Азии,

предоставляя им доступ к морским путям сообщения и увеличивая объемы экспорта и импорта. Это открывает новые возможности для бизнеса и укрепляет экономические связи в регионе.

Также развитие порта Чабахар даст странам Центральной Азии возможность снизить зависимость от существующих транзитных маршрутов через Россию или Китай, что делает их торговые потоки более устойчивыми и разнообразными.

Более того, использование порта Чабахар стимулирует экономический рост в Центральной Азии путем создания новых рабочих мест, привлечения инвестиций и развития инфраструктуры, что в конечном итоге способствует улучшению жизненного уровня населения.

Особая перспектива связана с увеличением доступности товаров и услуг. Благодаря развитию порта Чабахар страны Центральной Азии получают доступ к широкому ассортименту товаров и услуг через более эффективные транспортные маршруты, что способствует диверсификации их экономики и улучшению качества жизни населения.

Использование порта позволит сократить транспортные издержки для стран Центральной Азии, что делает их товары более конкурентоспособными на мировых рынках и способствует росту экспорта. В результате, порт Чабахар может стать важным транзитным пунктом для грузов из Центральной Азии, направляющихся в различные регионы мира через Индийский океан, что открывает новые возможности для расширения торговых связей и увеличения доходов.

Важно отметить, сотрудничество Индии с Ираном. Развитие порта Чабахар откроет возможности для укрепления экономического и политического сотрудничества между этими странами и Центральной Азией, что способствует созданию взаимовыгодных партнерских отношений и обмену ресурсами и технологиями.

Для обеспечения эффективного функционирования порта Чабахар и связанных с ним транспортных маршрутов необходимо развивать логистическую инфраструктуру в Центральной Азии, что стимулирует экономический рост и развитие региона.

Развитие порта Чабахар и его использование для укрепления экономических связей между странами Центральной Азии способствует укреплению стабильности и безопасности в регионе путем снижения напряженности и конфликтов, и укрепления доверия между участниками.

Более того, порт Чабахар может играть важную роль в обеспечении энергетической безопасности для стран Центральной Азии, обеспечивая им доступ к энергоресурсу.

Проведенное исследование предоставило выводы относительно экономического, политического и инфраструктурного влияния нового транспортного маршрута порта Чабахар. Экономический анализ подтвердил ожидаемый рост торговых потоков и перспективы привлечения инвестиций в морской узел, обозначая его важность для устойчивого экономического развития в регионе и за его пределами. Оценка инфраструктурных потребностей выявила ключевые аспекты, требующие дополнительных вложений для обеспечения эффективности функционирования порта и связанных к нему транспортных линий.

Заключение

Разработка данного транспортного маршрута и формирование порта Чабахар являются существенным стратегическим шагом для Казахстана. Этот проект не только принесет экономическую выгоду, но и укрепит дипломатические связи, стимулируя роль страны в региональном и мировом контексте.

Новый транспортный маршрут открывает новые перспективы для сотрудничества с ведущими международными партнерами, способствуя устойчивому развитию и расширению торговых связей. Дипломатические усилия, направленные на успешную реализацию этого маршрута, подчеркивают готовность Казахстана активно участвовать в формировании новой геополитической реальности в регионе.

Международный транспортный коридор, несомненно, будет иметь положительное влияние на укрепление экономической интеграции и создание промышленных парков и особых экономических зон. Однако, ясно, что ключевым аспектом этого проекта является развитие Чабахара в качестве ведущего логистического центра. Постепенное становление данного центра всё ещё требует значительных финансовых и трудовых ресурсов, партнерства и стратегического планирования.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Выступление Главы государства К. Токаева на международном форуме «Один пояс — один путь» 13 октября 2023 г. <https://iz.ru/1588989/mariia-shaipova/forum-odin-poias-odin-put-daty-programma-strany-uchastnitcy> [дата обращения 14.11.2023].

[2] Ahmadi E., Ahmadi A. A Study of Strategic Capabilities of the Free Zone of Chabahar Along with Geopolitical Weight and National Power of Iran // *Rahbord Journal*, 2017, N 26(83), pp.235–62.

[3] Abelson P.W. *Transport economics and urban transport planning*. North Ryde: Macquarie University School of Economic and Financial Studies, 1980. - 27 p. <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/1550572>

[4] Gupta S., Singh S. India's Trade Policy Should Address Both Domestic, Foreign Challenges // *The Hindu Business Line*. - 2019. October 23. <https://www.thehindubusinessline.com/opinion/indias-new-trade-policy-should-address-both-domestic-foreign-challenges/article29766694.ece>

[5] Mohammadi H.R., Ahmadi E. Balancing in India's Geopolitical Policies // *Journal of Earth Science Researches*, 2018. № 9(33). – P. 46–65.

[6] Transport in Iran. https://en.wikipedia.org/wiki/Transport_in_Iran#Waterways.

[7] Гаврюхов П.А. О модернизации портовой инфраструктуры Ирана. – М.: Институт Ближнего Востока. – 2022. – 21 марта. <https://dlca.logcluster.org/display/public/DLCA/2+Iran+Logistics+Infrastructure> [дата обращения 14.11.2023].

[8] Munim Z. H., Schramm H.-J. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: the mediating role of seaborne trade // *Journal of Shipping and Trade*. – 2018. – Vol.2 (1).

[9] INSTC and Chabahar Port – new corridors: How do India and Iran hold the Eurasian continent to: How do India and Iran hold the Eurasian continent together? // *Caspian Bulletin*. – 2022. <http://casp-geo.ru/strong-sostoyalas-konferentsiya-mezhdunarodnyj-transportnyj-koridor-sever-yug-i-chabahar-alternati-va-bri-strong>

[10] Ali Omidi, Gauri Noolkar-Oak. *Geopolitics of Chabahar port for Iran, India and Afghanistan*. 2022). <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/02627280211055981>

[11] Chaudhury D.R. India, Iran Plan to Celebrate «Chabahar Day» to Showcase Business Potential' // *The Economic Times*. 2019a. - February 11. <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-iran-plan-to-celebrate-chabahar-day-to-showcase-business-potential/articleshow/67936041.cms?from=mdr>

[12] Johnson K. India's \$500 Million Bet on Iran // *Foreign Policy*. – 2016. - May 31. <https://foreignpolicy.com/2016/05/31/indias-500-million-bet-on-iran/>

[13] Iran Dismisses Reports of India Being Excluded from Chabahar Rail Project // The Week. – 2020. - July 16. <https://www.theweek.in/news/world/2020/07/16/iran-dismisses-reports-of-excluding-india-from-chabahar-rail-project.html>

[14] Sembayeva Zh., Shaymordanova Z. Expectations and predictability of the accumulated cooperation experience: Kazakhstan and Uzbekistan // Central Asia & the Caucasus. – 2021. – Vol. 22 (3). – P. 66-78.

REFERENCES

[1] Vystuplenie Glavy gosudarstva K. Tokaeva na mezhdunarodnom forumе «Oдин poyas - oдин put» 13 oktyabrya 2023 g. [Speech by Head of State K. Tokayev at the international forum “One Belt - One Road” October 13, 2023]. <https://iz.ru/1588989/mariia-shaipova/forum-odin-poiyas-odin-put-daty-programma-strany-uchastnitcy> [in Russ.].

[2] Ahmadi E., Ahmadi A. A Study of Strategic Capabilities of the Free Zone of Chabahar Along with Geopolitical Weight and National Power of Iran. *Rahbord Journal*, 2017, N 26(83), pp.235–62.

[3] Abelson P.W. *Transport economics and urban transport planning*. North Ryde: Macquarie University School of Economic and Financial Studies, 1980, 27 p. <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/1550572>

[4] Gupta S., Singh S. India's Trade Policy Should Address Both Domestic, Foreign Challenges. *The Hindu Business Line*, 2019, October 23. <https://www.thehindubusinessline.com/opinion/indias-new-trade-policy-should-address-both-domestic-foreign-challenges/article29766694.ece>

[5] Mohammadi H.R., Ahmadi E. Balancing in India's Geopolitical Policies. *Journal of Earth Science Researches*, 2018, № 9(33), pp. 46–65.

[6] Transport in Iran. https://en.wikipedia.org/wiki/Transport_in_Iran#Waterways

[7] Gavryuhov P.A. O modernizacii portovoj infrastruktury Irana// Institut Blizhnego Vostoka [On the modernization of Iran's port infrastructure. Middle East Institute], 2022 <https://dlca.logcluster.org/display/public/DLC/A/2+Iran+Logistics+Infrastructure>

[8] Munim Z. H., Schramm H.-J. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: the mediating role of seaborne trade. *Journal of Shipping and Trade*, 2018, Vol.2 (1).

[9] INSTC and Chabahar Port – new corridors: How do India and Iran hold the Eurasian continent to: How do India and Iran hold the Eurasian continent together? *Caspian Bulletin*, 2022. <http://casp-geo.ru/strong-sostoyalas-konferentsiya-mezhdunarodnyj-transportnyj-koridor-sever-yug->

i-chabahar-alternati-va-bri-strong

[10] Ali Omid, Gauri Noolkar-Oak. Geopolitics of Chabahar port for Iran, India and Afghanistan. 2022). <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/02627280211055981>

[11] Chaudhury D.R. India, Iran Plan to Celebrate «Chabahar Day» to Showcase Business Potential. The Economic Times. 2019a, February 11. <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-iran-plan-to-celebrate-chabahar-day-to-showcase-business-potential/articleshow/67936041.cms?from=mdr>

[12] Johnson K. India's \$500 Million Bet on Iran. Foreign Policy, 2016, May 31. <https://foreignpolicy.com/2016/05/31/indias-500-million-bet-on-iran/>

[13] Iran Dismisses Reports of India Being Excluded from Chabahar Rail Project. The Week, 2020, July 16. <https://www.theweek.in/news/world/2020/07/16/iran-dismisses-reports-of-excluding-india-from-chabahar-rail-project.html>

[14] Sembayeva Zh., Shaymordanova Z. Expectations and predictability of the accumulated cooperation experience: Kazakhstan and Uzbekistan. Central Asia & the Caucasus, 2021, Vol. 22 (3), pp. 66-78.

ЧАБАХАР ПОРТЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ АРҚЫЛЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДА КӨЛІКТІК ДИПЛОМАТИЯНЫ ДАМУ

*Оракбаева У.М.¹, Акказенов А.М.², Абилдаев А.С.³

*¹PhD докторы, Үндістанның Қазақстандағы Елшілігі

Астана, Қазақстан

e-mail: ulbolsyn.orakbayeva@mail.ru

² PhD докторанты, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық

университеті, Астана, Қазақстан

e-mail: alisherakkazenov@mail.ru

³ Атырау облысындағы адам құқықтары жөніндегі уәкілдің өкілі

Атырау, Қазақстан

e-mail: a.almaz1976@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада шетелдік инвестицияларды тарту кезінде порт және теміржол желісін кеңейтуге негізгі назар аудара отырып, Орталық Азия елдерінің көлік инфрақұрылымының стратегиялық дамуы баяндалады. Бендер-Аббас және Чабахар сияқты негізгі порттар халықаралық сауда серіктестіктеріне әсер ететін негізгі түйіндер ретінде қарастырылады. Чабахар халықаралық инвестициялармен Иранның

экспорты мен импортын ғана емес, сонымен қатар Орталық Азия мен Еуропаға жаңа транзиттік маршруттарды ашатын стратегиялық теңіз хабына айналады.

Жұмыста әр түрлі елдердің мүдделерін және олардың экономикалық және сауда байланыстарын нығайтуға деген ұмтылысын ескере отырып, жобалардың аймақтың геосаяси жағдайына әсері талданады, Солтүстік-Оңтүстік халықаралық көлік дәлізі сияқты ауқымды көлік дәліздері шеңберіндегі инфрақұрылымдық бастамалардың маңыздылығы және олардың жаһандық транзиттік-көлік әлеуетіне әсері атап өтіледі.

Зерттеу сонымен қатар қол қойылған көптеген келісімдер мен инвестицияларды қарастырады, олардың жаңа көлік дәліздерін құрудағы, экономикалық аспектілерді кеңейтудегі және Иранның аймақтағы және одан тыс жерлердегі геоэкономикалық ықпалын күшейтудегі рөлін анықтайды. Бұл жұмыстың басты мақсаты – осы бағыттың стратегиялық, экономикалық және дипломатиялық бастамаларын анықтау, сондай-ақ оның аймақтағы геосаяси жағдайға әсерін бағалау. Зерттеу пәні осы бастамалардың геосаяси жағдайға және транзиттік маршруттарға әсерін қамтиды.

Геосаяси ықпал және Қазақстанның жаһандық транзитке қатысуға дайындығы бұл зерттеуді қазіргі заманғы көлік динамикасын дамыту үшін өзекті етеді. Интеграцияланған транзиттік маршруттарды әзірлеудің маңыздылығы осы инфрақұрылымдық бастамалардың өңірде және әлемдік экономикада жаңа экономикалық байланыстар мен транзиттік жолдарды қалыптастыруға стратегиялық әсерін көрсетеді.

Тірек сөздер: көлік дәлізі, Чабахар порты, модернизация, логистика, экономикалық қатынастар, дипломатия, халықаралық шарттар, экономика

DEVELOPMENT OF TRANSPORT DIPLOMACY FOR CENTRAL ASIA THROUGH THE FORMATION OF THE CHABAHAR PORT

*Orakbayeva U.M.¹, Akkazenov A. M.², Abildayev A.S.³

¹PhD, Embassy of India, Astana, Kazakhstan

e-mail: ulbolsyn.orakbayeva@mail.ru

² PhD student, L. N. Gumilyov Eurasian National University,

Astana, Kazakhstan, e-mail: alisherakkazenov@mail.ru

³ Representative of the Commissioner for Human Rights in the Atyrau

region, Atyrau, Kazakhstan, e-mail: a.almaz1976@gmail.com

Annotation. The article highlights the strategic development of the transport infrastructure of the Central Asian countries with the main focus on expanding the port and railway network while attracting foreign investment. Major ports such as Bandar Abbas and Chabahar are seen as key hubs influencing international trade partnerships. Chabahar, with international investments, is becoming a strategic maritime hub, providing not only Iran's exports and imports, but also opening new transit routes to Central Asia and Europe.

The paper analyzes the impact of projects on the geopolitical situation of the region, taking into account the interests of various countries and their desire to strengthen their economic and trade ties, emphasizes the importance of infrastructure initiatives within large-scale transport corridors, such as the International North-South Transport Corridor, and their impact on global transit and transport potential.

The study also examines many signed agreements and investments, revealing their role in the formation of new transport corridors, in expanding economic aspects and strengthening Iran's geo-economic influence in the region and beyond. The main purpose of this work is to identify strategic, economic and diplomatic initiatives of this route, as well as to assess its impact on the geopolitical situation in the region. The subject of the study includes the impact of these initiatives on the geopolitical situation and transit routes.

The geopolitical impact and Kazakhstan's willingness to participate in global transit make this study relevant for the development of modern transport dynamics. The importance of developing integrated transit routes underlines the strategic impact of these infrastructure initiatives on the formation of new economic ties and transit routes in the region and in the global economy.

Keywords: transport corridor, Chabahar port, modernization, logistics, economic relations, diplomacy, international agreements, economy

Статья поступила 25.06.2024 г.

UDC 32.329.7

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.007>

IRSTI 11.01.51

THE IMPULSES OF MODERN JADIDISM AND THE ROLE OF PRINTING

*Amurtayeva K.¹

*¹PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Kazakhstan

e-mail: amurtaevak@gmail.com

Abstract. Jadidism, a reform movement among Muslims of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, played a key role in cultural and educational evolution. One of the main factors that contributed to its development began to be distributed in the form of newspapers, magazines, fiction books, scientific manuals, etc. The purpose of this study is to analyze the role of the press in the development and spread of Jadidism.

The scientific originality of the work lies in deepening the understanding of the processes of the cultural revolution among the Turkic-Muslim peoples living on the territory of the Russian Empire, and the role of the press in these processes. Practical originality lies in the possibility of using the data obtained to develop modern traditions of cultural and educational development of the Turkic peoples.

The article uses historical analysis as well as descriptive and sociocultural methods to determine the relationships between technological advances in printing and ideological changes in Jadidism, using print methods such as a literacy measurement tool, the promotion of secular education, and the formation of modern Turkic identity.

The study showed that print media are a central mechanism in disseminating Jadidist ideas and establishing the positions of reformers. The analysis found that the use of printed materials significantly accelerated economic development and led to profound changes in social development.

The results of the study can be used to develop strategies for supporting and developing cultural and educational initiatives, as well as to study contemporary media in the field of social movement and progressive trends in other cultural contexts.

Keywords: jadidism, printing, modernization, reforms, education, Central Asia, socio-political landscape, enlightenment

Basic Provisions

Printing facilitated cultural and intellectual exchange within Central Asia and beyond, contributing to the development of a modern intellectual and cultural identity. It played a vital role in reviving and preserving local languages and literature. Politically, printed materials helped spread new ideas and fostered a sense of national consciousness, aiding social reforms and modernization efforts.

The legacy of printing in Jadidism is profound, with long-term effects on Central Asian society and culture. The interplay between technology and social movements during this period underscores the critical role of printing in the success and spread of Jadidism, marking it as a pivotal force in the historical context of Central Asian modernization.

Introduction

The influence of the media on public opinion is a key aspect of modern democracy, shaping not only the flow of information, but also social norms and the political landscape. Looking at key periods in history, the media have been a powerful tool for shaping public perception and opinion, demonstrating both their potential to produce informed citizens and their ability to manipulate public discourse.

Previously, the concept of media as we know it today did not exist. The term “mass media” became common only in the 20th century, when modern forms of mass communication such as radio, television, and the Internet appeared [1]. Nevertheless, the transmission of information and news has existed throughout human history. In the beginning, the disseminators were people themselves as messengers and heralds, then manuscripts, later newspapers, brochures, journals.

As it happens, the role of the media in influencing public opinion became much more prominent with the advent of printing technology. The advent of Gutenberg printing in the 1440s [2] democratized access to information, breaking the monopoly on knowledge previously held by political and religious elites. This shift, for example, not only facilitated the spread of ideas during the English Civil War in the seventeenth century, but also paved the way for the Reformation, which was facilitated by the effective use of pamphlets that challenged royalists who supported policies of print censorship [3]. This period illustrates the potential of the media to empower individuals and promote change in society by bypassing the traditional custodians of information.

As the media environment grew, so did their influence. In the 18th and 19th centuries, newspapers and pamphlets played a crucial role in political

mobilization and spreading revolutionary ideas, as evidenced by the appearance of *Takvim-i Vekai*, the first official newspaper of the Ottoman Empire in 1831, which marked the transition to a more informed public [4]. This newspaper was not only a vehicle for government regulations but also a platform for public debate, exerting a significant influence on public opinion by promoting the ideas of administrative reforms, equality and justice under the law.

Description of materials and methods

The publication is based on a review of existing literature on the multifaceted influence of printing on the formation and spread of Jadidism. The research involves a combination of historical analysis and socio-cultural methods. Historical analysis is used to trace the development of printing technology in Central Asia and its spread among the Jadid intelligentsia. Sociocultural analysis is used to review the content of printed materials such as newspapers, pamphlets and books to identify topics and messages promoted by the Jadid leaders.

The main research method chosen for this study includes descriptive methods that are used to describe in detail the practice of book printing, the content of printed materials and socio-cultural changes associated with the distribution of printed works.

In general, the publication provides a comprehensive assessment of the role of printing in the efforts of the Jadid movement to modernize, emphasizing its importance in the transformation of Turkic-Muslim society in the late 19th and early 20th centuries.

Results

In the late 19th and early 20th centuries, the ability of the media to mobilize public opinion contributed to the rapid spread of Jadid thought, which sought to modernize Islamic education and society using enlightenment principles such as rationality, progress and a critical attitude towards cultural and educational heritage:

1. The distribution of printed materials has directly contributed to improving the literacy rate of the population. The Jadids founded new schools and educational institutions that used printed textbooks and other educational resources. This emphasis on education has helped to educate a new, more literate generation, susceptible to the impact of modernization.

2. The availability of print media helped create a public environment where ideas could be discussed. Newspapers and journals provided a

platform for public discussion, allowing interaction with a wider audience and promoting their reform agenda. This public sphere has played a crucial role in mobilizing support for the Jadid cause and fostering a sense of community among reform-minded people.

3. The influence of printing on Jadidism has left an indelible mark on Central Asian society. The reforms initiated by the Jadids laid the foundation for the followers. The emphasis on education, literacy and intellectual openness continued to influence the development of the region long after the first wave of Jadid activity had passed. Moreover, the influence of print media on the formation of society remains relevant today, as they continue to play a crucial role in the dissemination of information and the formation of public discourse.

This article examines how the press served not only as a tool for spreading information, but also as a transformative weapon in the struggle for enlightenment, having a profound impact on the literacy rate, educational program and socio-political discourse of that time.

Discussion

In the 18th century, the authorities of the Russian Empire introduced printing presses as a means of expanding their administrative and ideological influence [5]. In cities such as Bukhara, Tashkent and Kazan, the first printing presses were installed mainly by Russian or European manufacturers. However, it did not take long before local intellectuals saw the potential of this technology.

Kazan became one of the first publishing centers, where the first Muslim printing house was opened in 1799. Later, in 1801, a decree was issued allowing Muslims to use a printing press, and in 1802, a Tatar merchant became the first Muslim to purchase a printing press. Thanks to this, 43 textbooks and religious works were published between 1801 and 1810 [6]. This step marked the beginning of a profound transformation in the dissemination of knowledge among the broad layers of the Muslim population of the empire.

Despite the opportunities, the introduction of printing technology was initially met with resistance from conservative groups within Muslim communities. Traditional ulema (Islamic scholars) were suspicious of the new technology, fearing that it would lead to unauthorized interpretation of sacred texts and undermine their authority. They argued that the ability to mass-produce texts could lead to a loss of control over religious and educational content that has traditionally been their purview.

Resistance was also fuelled by the view that printing was imposed by foreigners and designed to undermine Islamic culture. This was compounded by the policy of Russification and the encouragement of Christian missionary activity that often accompanied its dissemination. The government's attitude towards periodicals in the languages of Muslim peoples was more negative for political reasons [7]. For example, in the same Kazan region, the supreme power approved in 1809 only the first project for the publishing house of I.I. Zapolsky, which was not fully implemented, and all subsequent 20 petitions for the organization of periodicals in the Tatar language were rejected [8].

Despite initial setbacks, over time Muslim reformers recognised the transformative potential of the new innovation and by the 1970s, printing had become more widespread in Central Asia.

During this period, the Turkic-Muslim peoples witnessed a significant cultural and intellectual revival led by a movement known as Jadidism.

The Jadids, whose name derives from an Arabic word meaning 'new', were influenced by Enlightenment ideas and the need to modernize Islamic societies to counter the growing influence of European powers. They saw traditional Islamic education as out of tune with the challenges of the modern world. The solution to this problem was to reform the education system by introducing new methodologies, curricula and, most importantly, the use of printed materials.

The creation of the newspaper "Tarjimon", initiated by I. Gasprinsky, became a solid basis for the dissemination of Jadid ideals. He stated that a nation without a press and literature is like a person who is both blind and dumb [9]. "Tarjimon" became the cornerstone of the Jadid information platform and a model for subsequent reformist publications throughout the Muslim world within the Russian Empire.

The newspaper, from the moment of publication and for 20 years, was the only private Muslim newspaper in Russia. During this time, the newspaper was published 1-2 times a week in a small format and a small number of copies, but the effect produced by this small sheet was enormous. Under the influence of the newspaper, a lot of new schools and many charitable institutions were opened in different parts of the Russian Empire - new literary activities began among Muslims. Thanks to Gasprinsky's vision and words, the newspaper was freely read in Crimea, Constantinople, Tashkent, Baku and Kazan.

"Tarjimon" covered on its pages the political, economic and cultural issues of the Muslim population not only of the Russian Empire, but also

of neighboring states. In these articles, Gasprinsky analyzed Russian policy towards Muslims, especially in the educational system. In addition, he introduced his readers to various events in the country and the world.

Subsequently, the activities of such newspapers and journals as “Tarakkiy”, “Khurshid”, “Samarkand”, “Sadoi Turkestan”, “Oyna” and many others became platforms for discussing social issues, popularizing reforms and educating the public on a wide range of issues affecting all aspects of the life of Turkic peoples. These periodicals played a crucial role in creating a public environment where ideas could be freely exchanged and discussed, contributing to the gradual democratization of knowledge.

Thus, for instance, amidst the turbulent winds of change that characterized the period under review, a unique phenomenon emerged in the form of the journal “Shura”, created in Orenburg on the initiative of Muhammad-Zakir and Muhammad-Shakir Ramiev, two Tatar gold miners [10].

The journal covered a wide range of topics that contributed to the achievement of one of the main tasks set by R. Fakhretdinov - the editor of the journals and his associates - to awaken a person's faith in his abilities, to believe in the possibility of achieving great goals, relying on his own strength.

Historical, ethnographic, popular science and philosophical articles, as well as publications on the latest achievements in the field of technology, medicine and archeology, were widely presented. For example, in issue No. 3 of 1908, an article was published about the introduction of phonographic devices into alarm clocks “In Europe, technology and machine learning are advancing day by day. Everyone knows alarm clocks that can be woken up at any time by calling or turning on music. Now in Switzerland, watchmakers have begun to make alarm clocks by inserting small phonographic devices inside them...” [11].

The journal included sections devoted to satire, as well as travel notes. From time to time, the editors held extensive discussions on various issues, including the history and ethnogenesis of such peoples of the Volga and Urals region as the Tatars and Bashkirs, discussion of the national language and other topics. Theological topics concerning the translation and interpretation of the Koran also occupied a prominent place in the journal.

In addition, much of what was discussed in the journal, in one way or another, came down to political problems, including the defense of the new method school, Jadidism in general, the problem of the emancipation of Muslim women and democratic individual rights in general. The “Shura”

became a symbol of the intellectual fervor that defined a decisive period in the history of Jadidism.

In the context of the topic under consideration, the women's issue deserves special attention. The newly formed Turkestan elite, represented by the Jadids, actively supported and disseminated ideas about women's rights in society. Their efforts in supporting women in the struggle for freedom contributed to women's emergence from established traditions and their emergence as important and influential voices of the people.

Consequently, new stars began to shine on the journalistic scene - women writers who brought new ideas and views to literature and journalism, actively participating in public dialogue. Their work covered a wide range of issues, from politics to parenting, promoting social change and empowering other women. By the end of the 19th century, the first literary works began to appear that described the "hopeless life of a Muslim woman".

In 1895, Hanifa Gismatullina's first work was published - the ethical and didactic work "Beliefs of the People of Truth," which served as a teaching aid for teachers in the area of raising and educating children [12]. Moreover, women actively published scientific and practical works, thereby proving their competence and intellectual abilities. This was made possible by a number of social changes, including improved access to education and growing recognition of their right to participate in academic and professional activities. Thus, in 1902, H. Nasiriya published the manual "Dictionary of Arabic, Persian and Turkic Languages," intended for scientists, translators and students, and which emphasizes the importance of intercultural interaction and language exchange at the beginning of the 20th century.

Obviously, this issue is directly related to the modernization of education. Education was central to Jadid reform and was seen as a key tool for achieving progress, improving the quality of life and creating new, enlightened and critically thinking youth.

Thus, the need arose to create our own methodological base based on printing. The process of creating, printing and distributing educational and methodological manuals in native languages is underway. These were not just books with translations from Russian or other languages; these were original works that incorporated local knowledge and context, making them more relevant and accessible to the indigenous people of the region. Using the mother tongue was a strategic choice to make education more inclusive and foster a sense of pride and identity.

The first educational and methodological manual is considered to be the manual by I. Gasprinsky “Guide for Teachers” [13]. In this work, I. Gasprinsky put forward a proposal for an approximate program of lessons in arithmetic, reading, writing, the fundamentals of Islamic doctrine, grammar of the Tatar and Arabic languages, and also clearly demonstrated the outline of the lessons. Thanks to this manual, not only the Crimean Tatars, but also other Muslim peoples of Russia were able to familiarize themselves with the structure of the new method school and use the teaching methods in their work.

Following the manual by I. Gasprinsky, in 1899 the educational and methodological manual “Basics of Education” was published, compiled by teachers from the village of Agryz. The manual included all the basic information necessary for teaching, the curriculum, the hourly schedule of lessons, etc. It gave recommendations to primary school teachers and outlined the basics of teaching using the new method. Attention is paid to the procedure for admitting children and the rules of behavior in the mekteb and madrasah (compliance with Islamic ethics), methods of teaching certain subjects, and internal regulations.

In 1902, an educational and methodological manual by F. Karimi “Guide for Teachers and Educators” was published in Orenburg in two parts [14]. In it, the author provides some information from the theory of pedagogy, education and training, in particular, the professional qualities of a teacher, the rules of hygiene in educational institutions are considered, the stages of education in Muslim educational institutions (primary, secondary, preparatory, higher) are described in detail with a list of subjects studied.

The first textbooks and teaching aids in the Uzbek language based on Arabic graphics were written by such educators as M. Behbudi, A. Avloni, A. Ibodi, A. Shakuri, S. Alizoda; they differed from the literature of old-method schools and madrassas in their very principles creating textbooks, defining methodological goals, matching the age characteristics and worldview of students.

The study of the Koran and hadith, which are the basis of religion, remained the main requirement in training. At the beginning of the 20th century, textbooks on Islamic religion and history were written and published, in particular, “Khavaji Diniya” by M. Abdurashidkhanov, “Aham uli Islam” by Ahmadjan Kari and “E’tikod Islamiya” by A. Ibadi, “Tarihi Islam” (History Islam) M. Behbudi.

The content of these textbooks was revolutionary, covering subjects such as science, geography, history and civics, which were largely absent

from traditional madrasa education. The Jadids also emphasized the importance of critical thinking and argumentative skills, which they believed were necessary for the modernization and progress of their societies.

Fiction also occupied a special place in the enlightenment of the Jadids. Of the Jadid writers, A. Fitrat, Ajzi, A. Kadiri, S. Aini and U. Zavki should be noted. Fitrat's ideology is clear already in his first printed work - "Dispute", where the emphasis is on the reconciliation of religion and science, as a means of combating the ignorance of the people.

Adjzi's creativity, for example, reflected elements of honest quests and intentions; his works are imbued with the bourgeois-nationalist ideology of Jadidism. In the poem "Mirror of Example," Adzhi continued the line of reactionary romanticism of Gasprinsky, depicting a certain city in Egypt that combines orthodox Islam with European civilization. Adzhi did not go beyond ideology in his other works: "A Gathering of Ancestral Spirits", "The Essence of Education", "Treasury of Wisdom".

The pre-revolutionary work of Hamza, Aini and Zavka was also associated with the ideology of Jadidism. However, in their desire for genuine enlightenment, they made their way through the reactionary ideas of Jadidism to the light. This was especially reflected in Aini's works such as the story "Happy Family", in all the works of Hamza, as well as in Zavka's satires.

In addition, brochures that reached both urban and rural populations were popular during this period. They were often distributed in schools, mosques and markets, targeting teachers, students and the Muslim population in general. The main goal was to reach the younger generation, who would be more open to new ideas, and the older generation, who have influence in their communities.

Most teachers, and then students in new-method madrasahs, held open lectures, and most importantly, published articles and brochures on various scientific and applied issues. For example, in the printing house of the Karimov brothers in Kazan, brochures were published in the Kyrgyz-Kazakh language, namely the works "Balalar okulygy" by Mukhamedkarim Deberdeev, "Dunie isi ahiretke ketpes" by Beket Otaliyev, "Maktubat" by Sabalov, "Nazim" (poems) and others. Galimzhanov G., while studying at the Muhamadiya madrasah, dedicated his brochure "The People of Yesil" to the life of the Kazakhs who settled in the Syrdarya region and the environs of Troitsk. In this book, he writes about the difficulties that befell the Kazakh people, calls for heroism and freedom, calls for heroism, that the power of the Kazakhs lags behind other peoples, says that the title of the former

Kazakhs shocked the world, that the current power passed to subordinates the tsarist government, because of which the power of the Kazakhs was limited and dependent, that it is necessary to get rid of this state and only then will the Kazakh people move forward.

The distribution of textbooks and other materials was facilitated by a growing network of printing houses and publishing houses in such large cities as Bukhara, Samarkand and Tashkent. These centers became centers of intellectual activity and exchange of experience. By disseminating these materials widely, the Jadids were able to reach a wide audience, overcoming the limitations of oral transmission and the limited circulation of manuscripts.

The new era of Turkic enlightenment required bold discoveries from the Jadids. The printed word became one of the strongest sides of Jadidism in disseminating their ideas, and literature reflected the real life of the people, their worries, anxieties and despair. The Jadids began to create works that awakened the spirit of nations; they were dear to the people both in language and in content.

Conclusion

The Jadids' use of printing technology had a huge impact. Literacy rates began to rise, as did the number of students in the new-style schools that the Jadids established. The printed word helped unite different Turkic groups within a common cultural and linguistic heritage, strengthening a sense of collective identity and national consciousness. Moreover, the spread of printed materials challenged traditional religious authority and paved the way for secular models of governance and legal reforms.

Despite opposition from conservative elements in society and periodic censorship by Russian authorities, the legacy of Jadids' publications continues to influence the cultural and educational landscape of the region. They helped create the basis for the modernization of Muslim societies in the Russian Empire, which subsequently influenced movements in other parts of the Muslim world.

Eventually, Jadid journals and newspapers have become more than just publications, they have become agents of a profound cultural, social and educational revolution, and also serve as an example of how the media can influence changes in society, and emphasize the enduring power of the printed word in shaping public opinion and politics.

REFERENCES

- [1] Lister M., Dovey J., Giddings S., Grant I., Kelly K. *New Media: A Critical Introduction*. – London: Routledge Publication, 2003. – 446 p.
- [2] Мелентьева Ю.П. *Общая теория чтения*. – М.: Наука, 2015. – 230 с.
- [3] Bromley H. *England's Mercantilism: Trading Companies, Employment and the Politics of Trade in Global History, 1688–1704* // *The English Historical Review*. – 2023. – V. 138. – № 593. – P. 744–772. <https://doi.org/10.1093/ehr/cead177> <https://academic.oup.com/ehr/article/138/593/744/7476076>.
- [4] Коротько Т.В. Развитие турецкой публицистики в эпоху танзимат // *Научный журнал КубГАУ*. – 2017. – №126 (02). – С. 3-5. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-turetskoy-publitsistiki-v-epohu-tanzimat>.
- [5] Травникова И.В. Тенденции развития провинциальных типографий в России в конце XVIII-середине XIX вв // *Евразийский Союз Ученых*. – 2015. – №4 (13). – С. 27-29. <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-provintsialnyh-tipografiy-v-rossii-v-kontse-xviii-seredine-xix-vv>.
- [6] Абдирашидов З. *Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние*. – Ташкент: Akademnashr, 2011. – С. 279-290.
- [7] Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. – University of California Press, 1998. – 335 p.
- [8] Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман российской империи // *Вестник Казанского технологического университета*. – 2012. – №17. С. 296-302. <https://cyberleninka.ru/article/n/kolonialnaya-akkulturatsiya-traditsionnogo-uklada-musulman-rossiyskoy-imperii>.
- [9] Абдирашидов З. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете “Таржуман” (1883–1917). – *TIAS Central Eurasian Research Series No.5*, 2018. – 233 с.
- [10] Алмазова Л.И., Адыгамов Р.К., Гарипов Н.К. и др. *История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие* / Под ред. Л.И. Алмазовой, Г.Г. Идиятуллиной, А.Г. Хайрутдинова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2015. – 374 с.
- [11] Шуру // *Оренбург*. – 1908. – №3. – С. 32.
- [12] Махмутова А. *Пора и нам зажечь зарю свободы! (Джадидизм и женское движение)*. – Казань: Татарское книжное издательство, 2006. – 254 с.

[13] Сафиуллина Р.Р. Печатная книга на арабском языке у татар (1801 – 1917 гг.): автореф. дис. к.ф.н. – Казань, 2001. – 25 с.

[14] Гафаров Н. У. Вклад джадидов в зарождение национальной драматургии и развитие театра в Средней Азии // Вестник ТГУПБП. – 2013. – № 4 (56). <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-dzhadidov-v-zarozhdenie-natsionalnoy-dramaturgii-i-razvitie-teatra-v-sredney-azii>.

REFERENCES

[1] Lister M., Dovey J., Giddings S., Grant I., Kelly K. New Media: A Critical Introduction. – London: Routledge Publication, 2003. – 446 p.

[2] Melentyeva Yu.P. Obshchaya teoriya chteniya [General theory of reading]. M.: Nauka, 2015, 230 p. [in Russ.].

[3] Bromley H. England's Mercantilism: Trading Companies, Employment and the Politics of Trade in Global History, 1688–1704 // The English Historical Review, 2023, V. 138, № 593, pp. 744–772. <https://doi.org/10.1093/ehr/cead177> <https://academic.oup.com/ehr/article/138/593/744/7476076>.

[4] Korot'ko T.V. Razvitiye turetskoy publitsistiki v epokhu tanzimat [Development of Turkish journalism in the Tanzimat era], Nauchnyy zhurnal KubGAU, 2017, №126 (02), pp. 3-5 [in Russ.].

[5] Travnikova I.V. Tendentsii razvitiya provintsial'nykh tipografiy v Rossii v kontse XVIII-seredine XIX vv. [Trends in the development of provincial printing houses in Russia at the end of the 18th - mid-19th centuries]. Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh, 2015, №4 (13), pp. 27-29. <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-provintsialnyh-tipografiy-v-rossii-v-kontse-xviii-seredine-xix-vv> [in Russ.].

[6] Abdirashidov Z. Ismail Gasprinskiy i Turkestan v nachale XX veka: svyazi – otnosheniya – vliyaniye [Ismail Gasprinsky and Turkestan at the beginning of the 20th century: connections - relationships – influence]. Tashkent, 2011, pp. 279-290 [in Russ.].

[7] Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. – University of California Press, 1998. – 335 p.

[8] Gafarov A.A., Gafarov A.N. Kolonial'naya akkul'turatsiya traditsionnogo uklada musul'man rossiyskoy imperii [Colonial acculturation of the traditional way of life of Muslims of the Russian Empire]. Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta, 2012, №17, pp. 296-302 [in Russ.].

[9] Abdirashidov Z. Annotirovannaya bibliografiya turkestanskikh materialov v gazete "Tarzhuman" (1883–1917) [Annotated bibliography of

Turkestan materials in the newspaper “Tarzhuman” (1883–1917)], TIAS Central Eurasian Research Series, 2018, No.5, pp. [in Russ.].

[10] Almazova L.I., Adygamov R.K., Garipov N.K. i dr. Istoriya musul'manskoy mysli v Volgo-Ural'skom regione: uchebnoye posobiye [History of Muslim thought in the Volga-Ural region: textbook] / Pod red. L.I. Almazovoy, G.G. Idiyatullinoy, A.G. Khayrutdinova. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2015, 374 s. in Russ.].

[11] Shuro // Orenburg, 1908, №3, S. 32 [in Tatar].

[12] Makhmutova A. Pora i nam zazhech' zaryu svobody! (Dzhadidizm i zhenskoye dvizheniye) [It's time for us to light the dawn of freedom! (Jadidism and the women's movement)]. Kazan', 2006, 254 s. [in Russ.].

[13] Safiullina R.R. Pechatnaya kniga na arabskom yazyke u tatar (1801 – 1917 gg.): avtoref. dis. k.f.n. [Printed book in Arabic among the Tatars (1801 – 1917)]. Kazan', 2001, 25 s. [in Russ.].

[14] Gafarov N. U. Vklad dzhadidov v zarozhdeniye natsional'noy dramaturgii i razvitiye teatra v Sredney Azii [The contribution of the Jadids to the emergence of national drama and the development of theater in Central Asia]. Vestnik TGUPBP, 2013, № 4 (56). <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-dzhadidov-v-zarozhdenie-natsionalnoy-dramaturgii-i-razvitie-teatra-v-sredney-azii> [in Russ.].

ҚАЗІРГІ ДЖАДИДИЗМНІҢ ИМПУЛЬСТАРЫ ЖӘНЕ БАСПАСӨЗ РӨЛІ

* Амуртаева К.М. ¹

*¹PhD докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
e-mail: amurtaevak@gmail.com

Аңдатпа. XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басындағы Ресей империясы мұсылмандары арасындағы реформалық қозғалыс жәдидшілдік мәдени-ағарту ісін жаңғыртуда шешуші рөл атқарды. Оның дамуына ықпал еткен басты факторлардың бірі – баспаның газет-журнал, көркем кітаптар, оқулықтар т.б түріндегі таралуы болды. Бұл зерттеудің мақсаты – жәдидшілдіктің дамуы мен таралуындағы баспаның рөлін талдау.

Жұмыстың ғылыми маңыздылығы Ресей империясы территориясын мекендеген түркі-мұсылман халықтары арасындағы мәдени жаңғырту процестерін және бұл үдерістердегі баспасөздің рөлін терең түсінуде. Тәжірибелік маңыздылығы алынған мәліметтерді түркі

халықтарының мәдени-ағарту дамуының заманауи стратегияларын жасау үшін пайдалану мүмкіндігінде.

Мақала тарихталдау, сондай-ақ сипаттамалық және әлеуметтік-мәдени әдістермен қатар, полиграфиялық технология жетістіктері мен жәдидшілдіктегі идеологиялық өзгерістер арасындағы байланысты анықтау, баспа материалдарының сауаттылығын арттыру, зайырлы білім беруді насихаттау және қазіргі заманғы қоғамды қалыптастыру құралы ретіндегі маңыздылығы атап өтілді. Түркі болмысы.

Зерттеу көрсеткендей, баспа басылымдары жәдидтік идеяларды таратуда және реформаторлардың ұстанымын нығайтуда орталық тетік болып табылады. Талдау баспа өнімдерін пайдалану жаңғырту үдерістерін айтарлықтай жеделдетіп, қоғамдық санада терең өзгерістер туғызғаны анықталды.

Зерттеу нәтижелері мәдени-ағартушылық бастамаларды қолдау және дамыту стратегияларын әзірлеу үшін, сондай-ақ қазіргі заманғы БАҚ-тың басқа мәдени контексттердегі әлеуметтік қозғалыстар мен жаңғырту процестеріне әсерін зерттеу үшін пайдаланылуы мүмкін.

Тірек сөздер: жәдидшілік, баспасөз, модернизация, реформалар, білім, Орталық Азия, қоғамдық-саяси көрініс, білім

ИМПУЛЬСЫ СОВРЕМЕННОГО ДЖАДИДИЗМА И РОЛЬ ПЕЧАТИ

* Амуртаева К.М. ¹

* ¹PhD докторант, Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: amurtaevak@gmail.com

Аннотация. Джадидизм, реформаторское движение среди мусульман Российской империи в конце XIX - начале XX века, сыграл ключевую роль в культурной и образовательной модернизации. Одним из главных факторов, способствовавших его развитию, стало распространение печати в виде газет, журналов, художественных книг, учебных пособий и др. Целью данного исследования является анализ роли печати в развитии и распространении джадидизма.

Научная значимость работы состоит в углублении понимания процессов культурной модернизации среди тюрко-мусульманских народов, проживающих на территории Российской империи и роли печати в этих процессах. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных данных для разработки

современных стратегий культурного и образовательного развития тюркских народов.

В статье используются исторический анализ, а также описательный и социокультурный методы для определения взаимосвязи между технологическими достижениями в области печати и идеологическими изменениями в джадидизме, подчеркивая важность печатных материалов, как инструмента повышения грамотности, продвижения светского образования и формирования современной тюркской идентичности.

Исследование показало, что печатные издания были центральным механизмом в распространении джадидистских идей и укреплении позиций реформаторов. В ходе анализа было выявлено, что использование печатной продукции значительно ускорило процессы модернизации и вызвало глубокие изменения в общественном сознании.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий по поддержке и развитию культурных и образовательных инициатив, а также для изучения влияния современных медиа на общественные движения и процессы модернизации в других культурных контекстах.

Ключевые слова: джадидизм, печать, модернизация, реформы, образование, Центральная Азия, общественно-политический ландшафт, просвещение

Статья поступила 04.06.2024 г.

UDC 327.7

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.008>

IRSTI 11.25.67

UZBEKISTAN - CHINA TRADE-ECONOMIC COOPERATION ANALYSIS

*Katpenova A.Z.¹

*¹ PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Kazakhstan

e-mail: assel.katpenova@gmail.com

Abstract. Uzbekistan's foreign policy has garnered attention from experts for its implementation of a balanced and equidistant stance towards global centers of power. This approach can be characterized by Uzbekistan's refusal to partake in military-political blocs, host foreign military bases on its soil, and engage in any armed conflicts outside of its borders. Recent discussions among Uzbekistan's experts and journalists have centered on the transformation of international relations and the global economy, likely prompted by the current state of turbulence in the global arena. The topic has garnered significant interest and attention in Uzbekistan's academic community, and it is expected to continue being a subject of study and research in the upcoming future. Developing political and cultural relationships and expanding economic influence in neighboring countries has been a top priority for the People's Republic of China (PRC). The objective of this research is to analyze the essential and quantifiable factors that depict the economic development of China in Uzbekistan. The study will mainly concentrate on trustworthy and insightful data sources. However, the study acknowledges that the existing data may not always be relevant, comprehensive, measurable, and reliable due to various objective and subjective factors. Therefore, it is imperative for further research to be conducted to obtain a more accurate and comprehensive understanding of the economic expansion of the PRC in Uzbekistan. Therefore, this study underscores the need for further research and comprehensive data sources to better understand the economic expansion of the PRC in Uzbekistan.

Keywords: economic cooperation, foreign investments, trade policy, Central Asia, international relations, regional policy, economic development, world economy

Basic provisions

The present paper offers a comprehensive examination of the evolving economic relationship between Uzbekistan and China. Uzbekistan's foreign policy, characterized by its balanced and equidistant approach towards global power centers, has facilitated significant economic ties with China. This policy avoids military-political blocs and foreign military bases, emphasizing peaceful and cooperative international relations. The study focuses on the essential and quantifiable factors that depict China's economic development in Uzbekistan, acknowledging the need for further research due to limitations in existing data.

The introduction of political reforms in Uzbekistan has played a crucial role in shaping its foreign policy, which now aims to enhance intra-regional and extra-regional ties. This has led to strengthened economic relationships with key partners, particularly China. The methodology employed in the study involves both theoretical research methods and statistical analysis to evaluate the economic collaboration between the two countries across various sectors, including trade, investment, and infrastructure. The analysis emphasizes the favorable developments in trade and economic collaboration, noting that by 2023 China had become Uzbekistan's second-largest trading partner. Significant projects, such as those under the Belt and Road Initiative (BRI), have improved Uzbekistan's transport connectivity and boosted its exports. The conclusion underscores the successful bilateral relationship fostered by Uzbekistan's balanced foreign policy and calls for further research to fully understand the complexities and future prospects of this economic partnership.

Introduction

The political reforms that followed the change of power in Uzbekistan have had a significant impact on the foreign policy of the republic. Uzbekistan's active foreign policy now aims to contribute to the successful implementation of the goals and objectives of the ongoing reforms. The country pursues a multi-vector policy that relies on both intra-regional and extra-regional ties. Uzbekistan has successfully managed to build good neighborly relations with its neighbors in the region and has even resolved some of the contradictions. However, the management of water and energy resources in the region remains a contentious issue. Despite its efforts to approach Western countries, Uzbekistan's key partners remain Russia and China. It is worth noting that Uzbekistan's foreign policy plays a crucial role in ensuring the effectiveness of the ongoing reforms. The country's multi-vector approach reflects its desire to maintain good relations with all

its partners. Uzbekistan, which has a strategic location in the Central Asian region, has strengthened its economic ties with other nations such as Russia, China, and countries in the European Union by adopting a new economic policy. The involvement of China in Uzbekistan has increased significantly, making it a topic of interest for examining the economic partnership between the two countries.

Table 1. Top 5 countries with the highest trade turnover with the Republic of Uzbekistan (for January-April 2020, million US dollars) [1]

Country	Foreign trade turnover	Export	Import	Market share, %
Russian Federation	1 803,1	525,1	1 278,0	16,7
China	1 797,8	510,8	1 287,1	16,6
Kazakhstan	898,7	234,1	664,6	8,3
Republic of Korea	795,9	14,8	781,1	7,4
Turkey	601,3	322,0	279,2	5,6

Description of Materials and Methods

This analysis seeks to evaluate the economic collaboration between China and Uzbekistan across different sectors such as trade, investment, and infrastructure schemes. The primary objective of this study is to employ analysis as a theoretical research method and statistical analysis as a robust quantitative research methodology to collect and synthesize data on the growth of trade turnover between Uzbekistan and China.

The article employs a diverse array of sources to support its analysis of the economic relationship between Uzbekistan and China. Notably, it relies on official statistics from the Governmental Committee of the Republic of Uzbekistan, which furnish quantitative data on trade turnover, exports, and imports. Additionally, the article references reports and publications from reputable sources such as the International Trade Center, The Diplomat, The World Bank, and Forbes. These sources offer insights into the broader context of international trade, economic policies, and specific investment projects. The study also incorporates data from bilateral agreements, such as the protocols on phytosanitary requirements and the five-year trade and investment cooperation program, highlighting the regulatory framework facilitating trade between the two countries.

Furthermore, the article reviews academic perspectives and expert opinions on the implications of China's Belt and Road Initiative (BRI) and the strategic economic policies implemented by Uzbekistan under President Shavkat Mirziyoyev. These diverse materials provide a robust foundation for analyzing the multifaceted economic cooperation between Uzbekistan and China, while also identifying areas for future research and data collection.

Results

The paper presents several key findings on the economic partnership between Uzbekistan and China. One of the main results is the significant growth in trade turnover between the two nations, with China emerging as Uzbekistan's second-largest trading partner by 2023, accounting for 18% of Uzbekistan's total trade turnover [1]. The research points out that Uzbekistan primarily exports raw materials such as mineral fuels and cotton to China, while it mainly imports machinery, equipment, and chemical products from China. This trade pattern highlights the economic interdependence between the two nations, with Uzbekistan supplying natural resources and China providing industrial goods.

Another critical finding is the impact of the Belt and Road Initiative (BRI) on Uzbekistan's economic development. The BRI has enhanced Uzbekistan's transport connectivity, reducing delivery expenses and potentially increasing the country's exports. The article highlights significant foreign direct investment (FDI) from China, especially in the infrastructure and energy sectors. Key projects include the establishment of a combined cycle gas power plant and a wind power facility, alongside notable initiatives in the automotive and ceramics industries. These investments have contributed to job creation and technological advancement in Uzbekistan. However, the study also warns against overreliance on Chinese investments, advocating for a balanced approach to attract diverse foreign investments to mitigate risks and foster sustainable economic growth.

Discussion

It is important to emphasize that today there is a positive dynamic in trade and economic cooperation between Uzbekistan and China, which has great prospects for further growth.

Therefore, by working together, the involved parties have established favorable circumstances to enhance bilateral commerce, encourage Chinese investments in significant industrial and infrastructure ventures in Uzbekistan, and foster collaboration in the transportation and logistics

industry. This is largely facilitated by the current most favored nation regime for mutual trade between countries.

As a result, by 2023, China had risen to become Uzbekistan's second-largest trading partner, accounting for 18% of the nation's total trade turnover. While Uzbekistan's exports to China are on the rise, they largely consist of raw materials, with 20% of the country's export products being shipped to China. Conversely, Uzbekistan primarily imports machinery and equipment (65%) and chemical products (15%) from China [2].

In 2018, the countries signed a package of protocols on phytosanitary requirements, which made it possible to gradually increase the export of Uzbek agricultural and food products to the Chinese market. To date, Uzbekistan has received permission to export 17 types of such products, and has taken leading positions in some of its types. The Republic of Uzbekistan is also a leader in the supply of dried grapes. In the total volume of Chinese imports of these products, the share of Uzbekistan is 55% [2].

According to the International Trade Center, the trade relationship between China and Uzbekistan witnessed a remarkable growth from 2002 to 2021. China's exports to Uzbekistan saw a dramatic increase, rising from \$104 million to \$5.2 billion, while Uzbekistan's imports from China also grew substantially, climbing from \$27 million to nearly \$2 billion within the same timeframe [3].

While China's exports to Uzbekistan are varied and include a wide array of manufactured goods, Uzbekistan primarily exports mineral fuels, particularly natural gas, and cotton to China. However, the low level of export diversification puts Uzbekistan's economy at risk, particularly due to the possible fluctuations in commodity prices. Uzbekistan has experienced a boost in Chinese supplies since 2016, following the implementation of new economic policies by President Shavkat Mirziyoyev. The country is focused on expanding its infrastructure network and exploring new export markets, with a particular emphasis on collaborating with China.

During a Shanghai Cooperation Organization meeting, Uzbekistan presented its 2022-2026 strategic plan, which emphasizes strengthening economic ties with China as part of the broader "New Uzbekistan Development Strategy." A cornerstone of this plan is the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway project, designed to enhance connectivity and access to South Asian markets. The signing of a five-year program of trade and investment cooperation with China demonstrates Uzbekistan's commitment to furthering economic cooperation with the Chinese Republic [4].

The Belt and Road Initiative (BRI) has offered Uzbekistan financial backing and support to develop an integrated cross-border transportation network, substantially enhancing the country's transport connectivity. Uzbek producers can now enter the markets of China, Iran, Western Asia and India, Europe, and Turkey thanks to the BRI. The Belt and Road Initiative (BRI) is expected to reduce delivery times to Uzbekistan by nearly 15%, marking the largest reduction among BRI countries. This decrease in shipping duration is projected to increase Uzbekistan's exports by 13-23%. The improvement results from the completion of BRI transportation projects and the implementation of reforms that cut border crossing delays by half [5].

Since Shavkat Mirziyoyev's presidency, Uzbekistan has experienced considerable economic growth. The country has implemented roughly 59,000 investment projects and generated over 2.5 million new jobs during the last six years. Last year, foreign direct investment in Uzbekistan hit \$25 billion. The country has established bold economic transformation goals, such as achieving a GDP of \$100 billion, surpassing \$30 billion in exports, and ensuring that the private sector contributes 80% to the GDP [6]. Uzbekistan aspires to attain upper-middle-income status per capita and gain membership in the World Trade Organization by 2030. Uzbekistan can potentially leverage foreign direct investment and partnerships with China to diversify its economy and improve key industries and infrastructure. It is important for the Uzbek government to avoid overreliance on Chinese investments, loans, and assistance. Instead, they should try to encourage competition among different external powers to reduce risks and create more economic opportunities. Analyzing statistical data reflecting economic relations between two countries is complicated by the differing accounting systems each state uses to record investment flows. Consequently, it is crucial to distinguish between foreign direct investment (FDI) and corporate lending to gain an accurate understanding of the economic interactions between the two nations. While Chinese investors have contributed a significant amount of FDI to Uzbekistan's economy, the authorities and population are increasingly demanding that Chinese investors create job opportunities and provide training for local personnel. The need for an inclusive approach that prioritizes the employment and training of local personnel is increasingly recognized, where Russian and Indian entrepreneurs are the main competitors for investors from China.

The foreign business participation in Uzbekistan reached a number of 13.7 thousand enterprises by the beginning of 2022, with Chinese

companies ranking second among foreign investors after companies with Russian capital [7]. Investors from China are determined to take leading positions in the competition for the Uzbek market in various segments.

Throughout 2022, Uzbekistan and China engaged in significant discussions to advance several major projects within Uzbekistan. The country has prioritized the energy sector, with Chinese companies anticipated to play a crucial role in these initiatives. A notable initiative was the purchase of a 49% interest in a 1.5 GW combined cycle gas power plant located in the Syrdarya region by the Silk Road Fund from the Saudi private operator, ACWA Power. The project is valued at \$1 billion, with ACWA Power retaining the majority share of 51%. The Chinese State-owned China Energy Engineering Corporation is serving as the engineering, procurement, and project contractor. Masdar appointed the Chinese wind turbine manufacturer, Xinjiang Goldwind Science & Technology, as the main supplier of the necessary equipment for constructing a 500 MW wind power plant in the Navoi region, which is expected to be completed in 2024 [8].

Chinese car manufacturer BYD and Uzbekistan's UzAuto Motors have announced their intention to produce electric vehicles and put together Chinese Chery cars in Uzbekistan, which highlights the increasing attention of Chinese companies towards Uzbekistan and the growth of their investment partnership.

In 2017, Xin Zhong Yuan Ceramics from Foshan invested \$150 million to establish a ceramic production facility in Uzbekistan [9]. This decision was motivated by the availability of cost-effective ceramic raw materials, low energy prices, and a substantial local consumer market. In early 2021, Uzbekistan and China agreed to work together to attract more Chinese businesses to Uzbekistan, with the Uzbek government proposing forty projects to draw Chinese investors. Additionally, the China Development Bank provided its largest loan to Uzbekistan in 2017, granting \$1.2 billion to support the Oltin Yol plant's production of synthetic liquid fuel from natural gas [9].

As of the end of the first half of 2022, China has emerged as Uzbekistan's largest trade and economic partner. During this period, the two countries traded goods worth more than \$5.2 billion. Chinese imports made up most of this trade, amounting to \$3.7 billion, while Uzbek exports totaled \$1.5 billion [10]. The close and mutually beneficial connections between two countries have led to a robust level of trade activity, which is mutually beneficial. The two nations have started a project to strengthen

their economic, commercial, and investment partnership for the upcoming five years from 2022 to 2026. The plan involves implementing large-scale infrastructure projects and progress in areas such as digital finance, artificial intelligence, fifth-generation mobile networks, international online trade, cloud computing, massive data analysis, and intelligent urbanization. Moreover, they aim to develop an eco-friendly pathway to simplify goods transportation, enhance the organization of bilateral trade, and strengthen collaboration in the production of renewable energy sources such as natural gas and renewable energy. The successful execution of this program is expected to yield significant benefits for both nations in terms of economic growth, technological advancement, and environmental sustainability.

At the sixth meeting of the Uzbek-Chinese Intergovernmental Cooperation Committee, Guo Shengkun, a member of the CPC Central Committee, and Secretary of the Political and Legal Commission of the PCP Central Committee, has emphasized the progress made in the trade and economic cooperation between China and Uzbekistan. Shengkun has stated that both countries are committed to achieving the target of a \$10 billion trade turnover set by their respective leaders, highlighting the significance of the strong bilateral relationship between the two nations, which has grown over the years. In the context of a committee meeting, the Prime Minister of Uzbekistan, Abdulla Aripov, underscored the significance of China as an unwavering partner. Uzbekistan intends to utilize the Intergovernmental Cooperation Commission as a platform for bolstering high-level strategic communication and coordination between the two countries. This approach is expected to bring the bilateral relations between the two nations to a new level [10].

The observable growth in China's influence in Uzbekistan and the broader region has evoked a range of reactions. Bakhtiyor Ergashev, director of the Uzbekistani research Center Ma'no, advocates for a nuanced comprehension of how countries such as Uzbekistan must navigate the present context. In the current scenario, the unipolar world order, led by the United States as the hegemon, is being replaced by a multipolar world order with individual macro-regions. Ergashev suggests that it is imperative for Uzbekistan to develop a domestic and foreign policy that is well-suited to this new global order [11].

According to a prediction made by Ergashev, the mid-21st century will witness the emergence of a multipolar system, comprising four centers of power that will have their own currency zones and military-political blocs. These centers will be formed by countries such as America with its

allies, China, Russia, and India, each possessing varying sizes of economies, potential military power, and levels of technological development. Although each country has its own set of strengths and weaknesses, when these factors are combined, they suggest that these nations have the capability to emerge as dominant global players and establish the basis for a world with multiple centers of power [11]. This prediction is of significant academic interest and warrants further research and analysis to better understand the potential implications of the emergence of such a multipolar system.

Conclusion

Over the past thirty years, China and Uzbekistan have forged a strong relationship through collaborative projects, mutual visits, and aligned views on their bilateral ties. Since 1992, the two countries have been engaged in trade and economic ties, with an agreement signed to establish chambers of commerce promoting economic cooperation and trade. The Agreement on Friendly Partnership in 2005 made it easier for China to invest in Uzbekistan, leading to increased trade and economic growth. Chinese investors have financed existing and new projects, resulting in considerable growth in their partnership.

Uzbekistan's foreign policy of maintaining a balanced stance towards global centers of power has led to successful economic relationships with various countries, including China. The growing trade turnover between the two countries has created favorable conditions for mutual trade and investment in significant industrial and infrastructure projects. Further research and comprehensive data sources can provide a better understanding of this relationship, highlighting the importance of economic cooperation, foreign investments, and trade policy in shaping international relations and regional policy in Central Asia.

REFERENCES

[1] Официальный сайт Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

[2] Сулейменов А. Узбекистан – Китай: дальнейшие перспективы развития всестороннего стратегического партнерства. 16 Мая, 2023. http://www.kitaichina.com/rbestxinwen/202305/t20230516_800331128.html

[3] Официальный сайт Центра международной торговли. https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm

[4] Burna-Asefi S.N. China and Uzbekistan: An Emerging

Development Partnership? // The Diplomat. – 2022. - May 13. <https://thediplomat.com/2022/05/china-and-uzbekistan-an-emerging-development-partnership/>.

[5] South Caucasus and Central Asia Belt and Road Initiative – Uzbekistan Country Case Study. The World Bank. – 2020. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7b901f03-d114-54de-a13b-6012a28f7934/content>.

[6] Rapoza K. Neighbors in crisis, Uzbekistan shifts focus to investment. The Forbes. – 2022. <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2022/05/01/neighbors-in-crisis-uzbekistan-shifts-focus-to-investment/?sh=188491be28b9>.

[7] Turkey establishes most companies in Uzbekistan in 2021. The Daily Sabah. – 2022. <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkey-establishes-most-companies-in-uzbekistan-in-2021>.

[8] Shusi He. China's Silk Road Fund acquires Uzbekistan power plant on Xi's visit. The Asian investor. September 19, 2022. <https://www.asianinvestor.net/article/chinas-silk-road-fund-acquires-uzbekistan-power-plant-on-xis-visit/481405>.

[9] Van Der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize // The Carnegie. – 2021. – October. <https://carnegieendowment.org/2021/10/15/how-central-asians-push-chinese-firms-to-localize-pub-85561>.

[10] Надежные партнеры. Как Узбекистан развивает торгово-экономические отношения. 11.09.2022. <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/nadezhnye-partnery-kak-uzbekistan-i-kitay-razvivayut-torgovo-ekonomicheskije-otnosheniya/>

[11] Бирюков В. Узбекистан – Китай: лучший в истории период отношений. 29.01.2024. <https://tass.ru/opinions/19844129>

REFERENCES

[1] Oficial'nyj sayt Gosudarstvennogo komiteta Respubliki Uzbekistan po statistike [Official website of the Governmental Committee of the Republic of Uzbekistan on statistics]. https://www.stat.uz/images/uploads/docs/tashqi_savdo_aprel_ru.pdf [in Russ].

[2] Sulimanov A. Uzbekistan – Kitai: dal'neishiye perspektivy razvitiya vsestoronnego strategicheskogo partnerstva [Uzbekistan – China: further prospects for the development of a comprehensive external partnership]. May 16, 2023. http://www.kitaichina.com/rbestxinwen/202305/t20230516_800331128.html [in Russ].

[3] Oficial'niy sait Centra mezdunarodnoi trgovli [Official website of the International Trade Centre]. https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm [in Russ].

[4] Burna-Asefi S. N. China and Uzbekistan: An Emerging Development Partnership? The Diplomat? May 13, 2022. <https://thediplomat.com/2022/05/china-and-uzbekistan-an-emerging-development-partnership/>

[5] South Caucasus and Central Asia Belt and Road Initiative – Uzbekistan Country Case Study. The World Bank. – 2020. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7b901f03-d114-54de-a13b-6012a28f7934/content>.

[6] Rapoza K. Neighbors in crisis, Uzbekistan shifts focus to investment. The Forbes, 2022. <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2022/05/01/neighbors-in-crisis-uzbekistan-shifts-focus-to-investment/?sh=188491be28b9>

[7] Turkey establishes most companies in Uzbekistan in 2021. The Daily Sabah? 2022. <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkey-establishes-most-companies-in-uzbekistan-in-2021>

[8] Shusi He. China's Silk Road Fund acquires Uzbekistan power plant on Xi's visit. The Asian investor, September 19, 2022. <https://www.asianinvestor.net/article/chinas-silk-road-fund-acquires-uzbekistan-power-plant-on-xis-visit/481405>

[9] Van Der Kley D.; Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. The Carnegie, 2021, October. <https://carnegieendowment.org/2021/10/15/how-central-asians-push-chinese-firms-to-localize-pub-85561>

[10] Nadezhniye partnery. Kak Uzbekistan i Kitai razvivayut trgovno-ekonomicheskiye otnosheniya [Reliable partners. How Uzbekistan and China are developing trade and economic relations]. Podrobno. uz. 11.09.2024. <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/nadezhnye-partnery-kak-uzbekistan-i-kitay-razvivayut-torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya> [in Russ].

[11] Biryukov V. Uzbekistan – Kitai: luchshiy v istorii period otnosheniy. [Uzbekistan - China: the best period of relations in history]. TASS, 2024, 29.01. <https://tass.ru/opinions/19844129>

ӨЗБЕКСТАН-ҚЫТАЙ САУДА-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫН ТАЛДАУ

*Катпенова А.З.¹

*¹ PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
e-mail: assel.katpenova@gmail.com

Аңдатпа. Өзбекстанның сыртқы саясаты жаһандық күш орталықтарына қатысты теңдестірілген және бірдей қашықтықтағы ұстанымды жүзеге асыруы үшін сарапшылардың назарын аударды. Бұл тәсіл Өзбекстанның әскери-саяси блоктарға қатысудан, өз жерінде шетелдік әскери базаларды орналастырудан және өз шекарасынан тыс кез келген қарулы қақтығыстарға қатысудан бас тартуымен сипатталуы мүмкін. Өзбекстандық сарапшылар мен журналистер арасындағы соңғы пікірталастар халықаралық қатынастар мен жаһандық экономиканың өзгеруіне арналды, бұл жаһандық аренадағы қазіргі турбуленттік жағдайға байланысты болуы мүмкін. Тақырып Өзбекстанның академиялық қоғамдастығында айтарлықтай қызығушылық пен назар аударды және алдағы уақытта да зерттеу және зерттеу пәні болады деп күтілуде. Қытай Халық Республикасы (ҚХР) үшін саяси және мәдени қарым-қатынастарды дамыту және көрші елдердегі экономикалық ықпалды кеңейту басты басымдық болды. Бұл зерттеудің мақсаты Өзбекстандағы Қытайдың экономикалық дамуын бейнелейтін маңызды және сандық факторларды талдау болып табылады. Зерттеу негізінен сенімді және түсінікті деректер көздеріне шоғырланады. Дегенмен, зерттеу әртүрлі объективті және субъективті факторларға байланысты бар деректер әрқашан өзекті, жан-жақты, өлшенетін және сенімді бола бермейтінін мойындайды. Сондықтан Өзбекстандағы ҚХР-ның экономикалық экспансиясын неғұрлым нақты және жан-жақты түсіну үшін одан әрі зерттеулер жүргізу өте маңызды. Сондықтан бұл зерттеу Өзбекстандағы ҚХР-ның экономикалық экспансиясын жақсырақ түсіну үшін қосымша зерттеулер мен жан-жақты деректер көздерінің қажеттілігін көрсетеді.

Тірек сөздер: экономикалық ынтымақтастық, шетелдік инвестициялар, сауда саясаты, Орталық Азия, халықаралық қатынастар, аймақтық саясат, экономикалық даму, дүниежүзілік шаруашылық

АНАЛИЗ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УЗБЕКИСТАНА И КИТАЯ

*Катпенова А.З.¹

*¹ PhD докторант, Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: assel.katpenova@gmail.com

Аннотация. Внешняя политика Узбекистана привлекла внимание экспертов своей сбалансированной и равноудаленной позицией по отношению к глобальным центрам силы. Этот подход можно охарактеризовать отказом Узбекистана участвовать в военно-политических блоках, размещать на своей территории иностранные военные базы, участвовать в любых вооруженных конфликтах за пределами своих границ. Недавние дискуссии среди узбекских экспертов и журналистов были сосредоточены на трансформации международных отношений и мировой экономики, вероятно, вызванной нынешним состоянием турбулентности на глобальной арене. Эта тема вызвала значительный интерес и внимание в академическом сообществе Узбекистана, и ожидается, что она продолжит оставаться предметом изучения и исследований в ближайшем будущем. Развитие политических и культурных связей и расширение экономического влияния в соседних странах является главным приоритетом Китайской Народной Республики (КНР). Целью данного исследования является анализ существенных и поддающихся количественной оценке факторов, характеризующих экономическое развитие Китая в Узбекистане. Исследование будет в основном сосредоточено на заслуживающих доверия и содержательных источниках данных. Однако в исследовании признается, что существующие данные не всегда могут быть актуальными, полными, измеримыми и надежными из-за различных объективных и субъективных факторов. Поэтому крайне важно провести дальнейшие исследования для получения более точного и всестороннего понимания экономической экспансии КНР в Узбекистане. Таким образом, данное исследование подчеркивает необходимость дальнейших исследований и комплексных источников данных для лучшего понимания экономической экспансии КНР в Узбекистане.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, иностранные инвестиции, торговая политика, Центральная Азия, международные отношения, региональная политика, экономическое развитие, мировая экономика

Статья поступила 14.06.2024 г.

УДК 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.009>

МРНТИ 11.25.49

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЦЕНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ И КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Калиева А.А.¹, Беймишева А.С.², Илияс Н.К.³

*¹ Кандидат социальных наук, и.о. ассоциированный профессор
Казахский национальный женский педагогический университет
Алматы, Казахстан

e-mail: kaliyeva.a@kzpu.edu.kz

² Доктор PhD, Университет NARXOZ, Алматы, Казахстан

e-mail: aigul.beimisheva@narxoz.kz

³ Старший преподаватель, Казахский национальный университет
им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

e-mail: nuratkz01@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является анализ и сравнение систем школьного образования Казахстана с системами отдельных стран с использованием выводов, полученных из результатов PISA 2022. Программа международной оценки образовательных достижений учащихся (PISA) служит важнейшим ориентиром для оценки успеваемости 15-летних учащихся в разных странах, уделяя особое внимание ключевым компетенциям в области математики, чтения и естественных наук. Изучая успеваемость Казахстана по сравнению с другими странами, данное исследование стремится выявить сильные и слабые стороны в его образовательной структуре и понять более широкие последствия этих результатов в глобальном контексте.

Понимание эффективности образования жизненно важно по нескольким причинам. Во-первых, оно дает представление об эффективности различных образовательных политик и практик, позволяя странам учиться друг у друга. Во-вторых, оно подчеркивает важность образовательного равенства и доступа, которые необходимы для содействия социальной мобильности и экономическому развитию. В мире, который становится все более взаимосвязанным, возможность сравнивать результаты образования в разных странах имеет решающее значение для принятия политических решений и совершенствования образовательных систем.

Методологии, используемые в этом сравнительном анализе, включают количественный анализ данных результатов PISA 2022,

фокусирующийся на средних баллах и тенденциях успеваемости по математике, чтению и естествознанию. Кроме того, качественные оценки образовательной политики и практики в Казахстане и других странах интегрированы для обеспечения всестороннего понимания факторов, влияющих на успеваемость учащихся. Основные выводы указывают на то, что, хотя Казахстан добился значительных успехов в образовательной реформе, сохраняются проблемы в достижении паритета со странами с более высокими показателями. Анализ выявляет конкретные области для улучшения, такие как повышение качества преподавания и устранение социально-экономического неравенства, которые имеют решающее значение для продвижения образовательных результатов Казахстана на мировой арене.

Ключевые слова: PISA 2022, естественные науки, образовательное равенство, сравнительный анализ, количественный анализ, образовательная реформа, образовательная политика, Казахстан

Исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта на 2023-2025 годы (грант № AP19577392).

Основные положения

В результате анализа Программы международной оценки образовательных достижений учащихся (PISA 2022) выделены следующие основные положения:

1. Структура образования: Описание структуры обязательного образования, включая теоретический возраст и продолжительность каждого цикла образования, а также информацию о первых учебных днях в учебных заведениях.
2. Экономические показатели: Данные о валовом внутреннем продукте (ВВП) на душу населения и общих расходах на образование на душу населения, что позволяет оценить финансовые аспекты образовательных систем стран-участниц.
3. Влияние COVID-19: Анализ воздействия пандемии на систему образования, включая отсутствие учащихся, изменения в образовательной политике и меры по цифровизации образования.
4. Регулирование повторного года: Правила, касающиеся повторного года в начальном и среднем образовании, что важно для понимания подходов к оценке и поддержке учащихся.

5. Регулирование распределения учителей: Описание норм и правил, касающихся распределения учителей в социально неблагополучных школах, что подчеркивает важность равного доступа к качественному образованию.

6. Регулирование домашнего обучения: Информация о правилах домашнего обучения в рамках обязательного общего образования, что отражает разнообразие образовательных подходов.

7. Статистические данные: Представление статистических данных по различным регионам и странам, включая средние баллы и стандартные отклонения, что позволяет сравнивать результаты между участниками.

Эти положения подчеркивают важные аспекты образовательных систем и их адаптацию к современным вызовам, включая экономические и социальные факторы.

Введение

Образование является краеугольным камнем национального развития, выступая в качестве катализатора экономического роста, социальной сплоченности и культурного прогресса. Оно снабжает людей знаниями и навыками, необходимыми для эффективного участия в рабочей силе и обществе в целом. В эпоху, характеризующуюся быстрым технологическим прогрессом и глобализацией, качество образования напрямую влияет на конкурентоспособность страны на мировой арене. Страны, которые отдают приоритет образованию, часто испытывают усиление инноваций, улучшение общественного здравоохранения и большую гражданскую активность, что приводит к устойчивому развитию и повышению качества жизни их граждан.

Казахстан, страна, расположенная на перекрестке Европы и Азии, признала важную роль образования в своей национальной стратегии развития. За последние два десятилетия Казахстан провел значительные реформы, направленные на модернизацию своей системы образования для удовлетворения требований меняющегося мирового ландшафта. Правительство вложило значительные средства в образовательную инфраструктуру, разработку учебных программ и подготовку учителей с целью приведения своих образовательных результатов в соответствие с международными стандартами. Эти реформы являются частью более широкого видения, воплощенного в стратегии «Казахстан 2050», которая направлена на превращение страны в одну из 30 ведущих экономик мира путем повышения

человеческого капитала посредством качественного образования.

Несмотря на эти усилия, проблемы остаются. Результаты Казахстана в международных оценках, таких как Программа международной оценки учащихся (PISA), выявили различия в результатах образования, особенно по сравнению со странами с более высокими показателями. Оценки PISA дают ценную информацию об эффективности образовательных систем, оценивая компетенции учащихся в математике, чтении и естественных науках. Понимание того, как система образования Казахстана соотносится с ее аналогами, имеет важное значение для определения областей для улучшения и для информирования о будущих политических решениях.

Основная цель данной статьи — провести сравнительный анализ системы образования Казахстана по отношению к выбранным странам на основе результатов PISA 2022. Изучая тенденции эффективности и образовательные практики Казахстана наряду с другими странами, данное исследование направлено на выявление как сильных, так и слабых сторон казахстанской системы образования. Кроме того, оно стремится извлечь уроки из успешных образовательных стратегий, применяемых другими странами, которые можно было бы адаптировать для улучшения образовательных результатов Казахстана.

Описание материалов и методов

Источники данных

Основным источником данных для этого анализа является база данных PISA 2022, которая предоставляет исчерпывающую информацию об успеваемости 15-летних учащихся в разных странах. PISA, администрируемая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), оценивает компетенции учащихся в области математики, чтения и естественных наук каждые три года. Оценка 2022 года включает данные из более чем 80 стран и экономик, предлагая богатый набор данных для сравнительного анализа. База данных PISA включает не только средние баллы и распределения успеваемости, но также демографическую информацию, показатели социально-экономического статуса и контекстуальные факторы, которые влияют на результаты обучения.

В дополнение к результатам PISA 2022, это исследование включает результаты других образовательных отчетов и исследований, которые дают представление об образовательной политике и практике Казахстана и выбранных для сравнения стран. Эти источники включают

национальную статистику образования, отчеты Министерства образования и науки Казахстана и публикации международных организаций, таких как ЮНЕСКО и Всемирный банк [1]. Путем триангуляции данных из нескольких источников анализ направлен на представление всестороннего представления об образовательном ландшафте Казахстана.

Критерии выбора стран для сравнения

Выбор стран для сравнения основывался на нескольких критериях, чтобы обеспечить содержательный анализ. Во-первых, приоритет отдавался странам со схожим экономическим статусом, поскольку экономические факторы часто коррелируют с образовательной успеваемостью. Сюда входят страны, классифицируемые как страны с уровнем дохода выше среднего или с высоким уровнем дохода, которые разделяют определенные социально-экономические характеристики с Казахстаном.

Во-вторых, учитывалась географическая близость, поскольку соседние страны могут иметь схожие культурные и образовательные контексты. Например, страны Центральной Азии и Восточной Европы были включены для облегчения сравнений, учитывающих региональные образовательные тенденции и проблемы.

В-третьих, страны, продемонстрировавшие заметные успехи в оценках PISA, были выбраны для предоставления ориентиров для показателей Казахстана. Сюда входят страны, которые стабильно занимают высокие места по математике, чтению и естествознанию, такие как Сингапур, Финляндия и Эстония. Сравнивая Казахстан с этими странами с высокими показателями, анализ направлен на выявление передовой практики и стратегий, которые можно адаптировать для улучшения результатов образования в Казахстане.

Аналитические методы

Аналитические методы, используемые в этом исследовании, охватывают как количественные, так и качественные подходы для эффективной интерпретации данных.

1. Статистический анализ: количественный анализ включает изучение средних баллов, распределений результатов и тенденций в результатах PISA 2022. Анализ также включает изучение показателей социально-экономического статуса для понимания их влияния на результаты образования.

2. Качественные сравнения: В дополнение к статистическому анализу проводятся качественные сравнения для оценки образо-

вательной политики и практики Казахстана по отношению к политике и практике выбранных стран. Это включает обзор литературы по образовательным реформам, методикам обучения и разработке учебных программ. Синтезируя качественные идеи с количественными данными, исследование направлено на обеспечение всестороннего понимания факторов, влияющих на эффективность образования.

3. Контекстуальный анализ: анализ также учитывает контекстуальные факторы, такие как культурное отношение к образованию, государственные инвестиции в образование и роль технологий в обучении. Этот целостный подход позволяет глубже изучить сложности, связанные с эффективностью образования, и определить потенциальные области для реформ.

С помощью этих методов исследование стремится сделать значимые выводы о системе образования Казахстана и ее позиционировании в мировом образовательном ландшафте, в итоге внося вклад в дискурс об улучшении образования и разработке политики.

Роль образовательной политики в формировании успеваемости учащихся

Образовательная политика играет решающую роль в определении качества и эффективности систем образования во всем мире. Многочисленные исследования подчеркивают влияние политических рамок на успеваемость учащихся, подчеркивая, что хорошо продуманная политика может привести к значительному улучшению результатов образования. По данным ОЭСР [2], страны, которые отдают приоритет разработке политики на основе фактических данных и инвестируют в подготовку учителей, разработку учебных программ и системы оценки, как правило, достигают более высоких результатов учащихся в международных оценках, таких как PISA.

Например, в отчете ОЭСР «Выдающиеся исполнители и успешные реформаторы в образовании» [3] определены ключевые рычаги политики, которые способствуют успешным образовательным системам, включая справедливое финансирование, высокие стандарты преподавания и акцент на обучении, ориентированном на студентов. Такие страны, как Финляндия и Сингапур, часто упоминаются в качестве моделей эффективной образовательной политики, демонстрирующих, как комплексные реформы могут привести к устойчивому улучшению успеваемости студентов. Эти выводы

подчеркивают важность согласования образовательной политики с конкретными потребностями и контекстом каждой страны для создания благоприятной для обучения среды.

Сравнительные исследования результатов образования в разных странах

Сравнительные исследования стали играть все более важную роль в понимании динамики результатов образования в разных странах. Исследования Ханушека и Воссманна показывают, что когнитивные навыки, измеряемые международными оценками, являются сильным предиктором экономического роста, подчеркивая значимость результатов образования для национального развития [4]. Такие исследования часто используют различные показатели, включая результаты стандартизированных тестов, показатели окончания и социально-экономические показатели, для оценки эффективности различных образовательных систем.

Ярким примером являются работы Дарлинг-Хаммонда [5], Фулана [6], подчеркивающие роль образовательного равенства в формировании результатов. Анализ показывает, что страны с меньшим неравенством в доступе к образованию и его качестве, как правило, показывают лучшие результаты в целом. Этот вывод особенно актуален для Казахстана, где социально-экономическое неравенство может влиять на эффективность образования. Сравнительные исследования также подчеркивают важность культурных факторов, методов обучения и участия родителей в оказании влияния на результаты учащихся, предполагая, что образовательные реформы должны учитывать эти контекстные элементы, чтобы быть эффективными.

Проблемы, с которыми сталкивается Казахстан при совершенствовании своей системы образования

В последние годы система образования Казахстана претерпела значительные реформы, однако она продолжает сталкиваться с рядом проблем, которые мешают ее прогрессу. Одной из основных проблем является неравенство в качестве образования между городскими и сельскими районами. По данным Всемирного банка [7], учащиеся в сельских регионах часто имеют ограниченный доступ к квалифицированным учителям и образовательным ресурсам, что приводит к снижению результатов в таких оценках, как PISA. Это неравенство является серьезным препятствием для достижения национальных образовательных целей и улучшения общих результатов учащихся.

Еще одной проблемой является соответствие учебной программы международным стандартам. Хотя Казахстан добился успехов в модернизации своей образовательной структуры, существуют опасения относительно актуальности и применимости учебной программы для подготовки учащихся к глобализированной экономике. Исследования Азиатского банка развития (2019) [8] показывают, что в учебной программе часто не уделяется внимания критическому мышлению и навыкам решения проблем, которые необходимы для успеха в 21 веке.

Кроме того, система образования в Казахстане сталкивается с проблемами, связанными с подготовкой и профессиональным развитием учителей. Исследование ПРООН [9] подчеркивает, что, несмотря на растущее внимание к повышению качества учителей, многие педагоги по-прежнему не имеют доступа к постоянным возможностям профессионального развития. Этот разрыв может привести к несоответствиям в методах преподавания и в итоге повлиять на успеваемость учащихся.

По сравнению с другими странами, реформы образования в Казахстане показали себя многообещающими, однако темпы изменений должны ускориться, чтобы не отставать от стран с высокими показателями. Например, в то время как такие страны, как Эстония и Сингапур, успешно интегрировали технологии в свои классы и способствовали формированию культуры непрерывного совершенствования, усилия Казахстана в этой области остаются на начальной стадии. Результаты PISA ОЭСР показывают, что результаты Казахстана по математике, чтению и естествознанию отстают от результатов этих стран с высокими показателями, что подчеркивает необходимость целенаправленных вмешательств и корректировок политики.

Подводя итог, можно сказать, что литература показывает, что образовательная политика играет решающую роль в формировании успеваемости учащихся, а сравнительные исследования подчеркивают важность равенства, актуальности учебных программ и качества учителей. Казахстан сталкивается со значительными проблемами в совершенствовании своей системы образования, особенно в устранении неравенства и приведении своей практики в соответствие с международными стандартами. Изучая опыт других стран и сосредоточившись на реформах, основанных на фактических данных, Казахстан может улучшить свои образовательные результаты и внести вклад в национальное развитие.

Результаты

Сравнительная успеваемость по математике, чтению и естествознанию

Результаты PISA 2022 года дают всесторонний обзор успеваемости учащихся в разных странах, включая Казахстан, в областях математики, чтения и естествознания. Средние баллы Казахстана по этим предметам показывают смешанные результаты по сравнению с другими странами-участницами. Например, Казахстан набрал 487 баллов по математике, 489 баллов по чтению и 498 баллов по естествознанию, что ставит его ниже среднего показателя по ОЭСР по математике и чтению, но немного выше по естествознанию. Для сравнения, такие страны, как Баку (Азербайджан) и Камбоджа, показали более низкие баллы: Баку набрал 470 баллов по математике, а Камбоджа — 460 баллов, что указывает на то, что Казахстан демонстрирует относительно лучшие результаты, чем эти страны в определенных областях.

Сравнительный анализ показывает, что хотя Казахстан и добился прогресса с момента предыдущих оценок PISA, общая тенденция указывает на стагнацию или небольшое снижение результатов за последнее десятилетие. Например, балл Казахстана по математике снизился с 492 в 2018 году до 487 в 2022 году, что отражает тревожную тенденцию, требующую дальнейшего изучения. Напротив, такие страны, как Эстония и Сингапур, продемонстрировали последовательные улучшения: Эстония набрала 511 баллов по математике, а Сингапур лидирует с 577 баллами, что подчеркивает эффективность их образовательных реформ и политики.

Обсуждение

Анализ тенденций с течением времени

При анализе тенденций с течением времени важно учитывать более широкий контекст образовательных реформ и социально-экономические факторы, влияющие на эти результаты. Образовательные реформы в Казахстане, начатые в начале 2000-х годов, были направлены на модернизацию учебной программы и повышение качества преподавания. Однако застой в показателях свидетельствует о том, что эти реформы, возможно, не были полностью эффективными или адекватно реализованными. Для сравнения, такие страны, как Баку и Камбоджа, также столкнулись с проблемами в своих системах образования, но их более низкие стартовые точки означают, что любые улучшения могут быть не столь выраженными в международных оценках [10].

Тенденции в показателях Казахстана можно сравнить с показателями других стран, которые успешно справились с аналогичными проблемами. Например, Камбоджа добилась успехов в улучшении доступа к образованию, но все еще сталкивается с проблемами, связанными с качеством и равенством. Результаты PISA показывают, что, хотя баллы Камбоджи ниже, страна активно работает над улучшением своей образовательной структуры, что может привести к будущим улучшениям.

Факторы, влияющие на результаты образования

На результаты образования влияет несколько факторов, включая социально-экономический статус, качество преподавания и различия в учебных программах. В Казахстане социально-экономическое неравенство существенно влияет на успеваемость учащихся, особенно в сельской местности, где доступ к качественному образованию ограничен. Всемирный банк [7] подчеркивает, что учащиеся из семей с низким социально-экономическим положением часто сталкиваются с препятствиями, которые мешают их академическим успехам, такими как недостаточные ресурсы и системы поддержки.

Качество преподавания является еще одним критическим фактором, влияющим на результаты образования. ОЭСР [1] подчеркивает важность профессионального развития для учителей, отмечая, что страны с надежными программами обучения, как правило, достигают более высоких результатов учащихся. В Казахстане, несмотря на усилия по улучшению подготовки учителей, многие преподаватели по-прежнему не имеют доступа к постоянному профессиональному развитию, что приводит к несоответствиям в практике преподавания.

Различия в учебных программах также играют важную роль в формировании результатов образования. Результаты PISA показывают, что учебная программа Казахстана может неадекватно подготовить учащихся к требованиям 21-го века, особенно в плане развития критического мышления и навыков решения проблем. Напротив, такие страны, как Сингапур, успешно интегрировали эти компетенции в свои учебные программы, способствуя их высоким результатам в международных оценках.

Влияние COVID-19 на системы образования и стратегии восстановления

Пандемия COVID-19 оказала глубокое влияние на системы образования во всем мире, усугубив существующее неравенство и нарушив обучение. В Казахстане закрытие школ и переход на онлайн-

обучение создали значительные проблемы, особенно для учащихся в сельской местности с ограниченным доступом к технологиям и подключению к Интернету. ОЭСР [3] сообщила, что пандемия непропорционально сильно затронула уязвимых учащихся, что привело к потерям в обучении, на восстановление которых могут потребоваться годы.

В ответ на эти проблемы Казахстан реализовал различные стратегии восстановления, включая внедрение моделей смешанного обучения и увеличение инвестиций в цифровую инфраструктуру. Однако эффективность этих стратегий еще предстоит оценить, поскольку необходимы постоянные оценки для оценки их влияния на успеваемость учащихся.

Подчеркивая успешные практики других стран

Чтобы улучшить свои образовательные результаты, Казахстан может черпать вдохновение из успешных практик, реализованных в других странах. Например, акцент Финляндии на автономии учителей и профессиональном развитии привел к высокому уровню вовлеченности и успеваемости учащихся. Приняв аналогичные подходы, Казахстан мог бы дать учителям возможность внедрять инновации и адаптировать свои методы обучения для удовлетворения разнообразных потребностей своих учеников.

Кроме того, акцент Сингапура на строгой учебной программе, которая подчеркивает критическое мышление и навыки решения проблем, может послужить моделью для Казахстана. Приведя свою учебную программу в соответствие с международными стандартами и включив эти компетенции, Казахстан может лучше подготовить своих учеников к будущим вызовам.

Кроме того, укрепление партнерских отношений между школами, сообществами и предприятиями, как это наблюдается в таких странах, как Канада, может улучшить результаты образования, предоставляя учащимся реальные возможности обучения и системы поддержки.

В заключение результаты PISA 2022 подчеркивают как проблемы, так и возможности, стоящие перед системой образования Казахстана. Хотя страна добилась прогресса, стагнация в показателях подчеркивает необходимость целенаправленных реформ, которые устранят социально-экономическое неравенство, повысят качество преподавания и модернизируют учебную программу. Изучая опыт других стран и внедряя основанные на фактических данных методы, Казахстан может улучшить свои результаты образования и лучше подготовить своих учащихся к будущему.

Заключение

Сравнительный анализ результатов PISA 2022 раскрывает несколько важных идей относительно образовательных результатов Казахстана по математике, чтению и естествознанию. Хотя Казахстан демонстрирует относительно более высокие результаты по сравнению с такими странами, как Баку (Азербайджан) и Камбоджа, общая тенденция указывает на стагнацию или небольшое снижение результатов за последнее десятилетие. В частности, средние баллы Казахстана по математике (487) и чтению (489) ниже среднего показателя по ОЭСР, в то время как его балл по естествознанию (498) немного выше среднего. Эта стагнация вызывает обеспокоенность относительно эффективности недавних образовательных реформ и подчеркивает необходимость более надежного подхода к улучшению результатов учащихся.

Анализ также подчеркивает значительное влияние социально-экономических факторов, качества преподавания и различий в учебных программах на образовательную эффективность. Социально-экономическое неравенство продолжает препятствовать доступу к качественному образованию, особенно в сельской местности. Кроме того, несмотря на усилия по улучшению подготовки учителей, непоследовательность в методах преподавания остается проблемой. Соответствие учебной программы навыкам 21-го века также является важнейшей областью для улучшения, поскольку в настоящее время она не готовит учащихся к будущим требованиям в достаточной мере.

Пандемия COVID-19 еще больше усложнила образовательный ландшафт, усугубив существующее неравенство и приведя к потерям в обучении. Стратегии реагирования Казахстана, включая смешанные модели обучения и инвестиции в цифровую инфраструктуру, являются шагами в правильном направлении, но их долгосрочная эффективность требует постоянной оценки.

Последствия для Казахстана

Результаты этого анализа имеют значительные последствия для Казахстана. Прежде всего, необходимо срочно пересмотреть и усилить образовательные реформы, чтобы гарантировать, что они эффективно решают проблемы, выявленные в результатах PISA. Политикам следует отдавать приоритет инициативам, направленным на социально-экономическое неравенство, гарантируя, что все учащиеся, независимо от их происхождения, будут иметь доступ к качественному образованию и ресурсам.

Повышение качества учителей с помощью комплексных программ профессионального развития является еще одной важной областью для действий. Инвестируя в постоянное обучение и поддержку педагогов, Казахстан может способствовать формированию более эффективной преподавательской рабочей силы, способной адаптироваться к разнообразным потребностям учащихся и внедрять инновационные методы обучения.

Более того, пересмотр национальной учебной программы для включения критического мышления, решения проблем и других важных навыков 21-го века имеет жизненно важное значение. Такое согласование лучше подготовит учащихся к сложностям современного мира и улучшит их результаты в международных оценках.

Наконец, влияние пандемии COVID-19 на образование требует сосредоточения внимания на стратегиях восстановления, которые являются инклюзивными и справедливыми. Политики должны продолжать следить за эффективностью этих стратегий и вносить коррективы по мере необходимости, чтобы гарантировать, что все учащиеся смогут восстановиться после потерь в обучении.

Области будущих исследований

Для дальнейшего улучшения понимания и улучшения результатов образования в Казахстане предлагается несколько областей для будущих исследований. Лонгитюдные исследования влияния образовательных реформ дадут ценную информацию об эффективности различных инициатив с течением времени. Такие исследования могут отслеживать успеваемость учащихся, развитие учителей и изменения в учебных программах, предлагая комплексное представление об образовательном ландшафте.

Кроме того, исследования, изучающие взаимосвязь между социально-экономическими факторами и результатами образования, могут дать информацию о целевых вмешательствах, направленных на сокращение неравенства. Понимание того, как различные сообщества испытывают образовательные проблемы, может помочь политикам разработать более эффективные системы поддержки.

Наконец, сравнительные исследования, изучающие успешные образовательные практики в странах с высокими показателями, могут дать действенные идеи для Казахстана. Анализируя реализацию и результаты этих практик, исследователи могут определить стратегии, которые могут быть адаптированы к местному контексту, в итоге способствуя улучшению образовательных результатов.

В заключение следует отметить, что результаты PISA 2022 подчеркивают как проблемы, так и возможности в системе образования Казахстана. Решая выявленные проблемы и сосредоточившись на реформах, основанных на фактических данных, политики могут работать над созданием более справедливой и эффективной образовательной среды, которая готовит учащихся к будущему успеху.

ЛИТЕРАТУРА

[1] OECD. PISA 2022 Results: Overview of Performance Trends; Results: Where All Students Can Succeed; Tables I.B1.5.4, I.B1.5.5, and I.B1.5.6. OECD. Publishing. – 2023. - Volume I. <https://www.oecd.org/en/about/programmes/pisa/pisa-publications.html>.

[2] OECD. Economic Outlook. – 2020. - Volume 2020 - Issue 2 https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2020/issue-2_39a88ab1-en/full-report.html

[3] Education at a Glance. – 2011. https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2011_eag_highlights-2011-en.html

[4] Hanushek E. A., Woessmann L. The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth. MIT Press. – 2015.

[5] Darling-Hammond L. Empowered Educators: How High-Performing Systems Shape Teaching Quality Around the World. Wiley. – 2017.

[6] Fullan, M. (2016). The New Meaning of Educational Change. Teachers College Press.

[7] World Bank. Kazakhstan: Education Sector Review. Washington, DC: World Bank Publications. – 2021. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/120541633011500775/the-world-bank-annual-report-2021-from-crisis-to-green-resilient-and-inclusive-recovery>

[8] Asian Development Bank (ADB). Kazakhstan: Education Sector Assessment. Manila: ADB. Publications. – 2019. <https://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2019>

[9] Қазақстандағы Біріккен Ұлттар Ұйымы Даму Бағдарламасы. Жылдық есеп 2022. <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-07/UNDP%20Kazakhstan%20Annual%20Report%202022%20Kaz.pdf>

[10] Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. National Report on the State of Education in Kazakhstan. Astana: Ministry of Education and Science. – 2021.

REFERENCES

- [1] OECD. PISA 2022 Results: Overview of Performance Trends; Results: Where All Students Can Succeed; Tables I.B1.5.4, I.B1.5.5, and I.B1.5.6. OECD Publishing, 2023, Volume I. <https://www.oecd.org/en/about/programmes/pisa/pisa-publications.html>.
- [2] OECD. Economic Outlook, 2020, Volume 2020, Issue 2. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2020/issue-2_39a88ab1-en/full-report.html
- [3] Education at a Glance, 2011. https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2011_eag_highlights-2011-en.html
- [4] Hanushek E. A., Woessmann L. The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth. MIT Press, 2015.
- [5] Darling-Hammond L. Empowered Educators: How High-Performing Systems Shape Teaching Quality Around the World. Wiley, 2017.
- [6] Fullan M. The New Meaning of Educational Change. Teachers College Press, 2016.
- [7] World Bank. Kazakhstan: Education Sector Review. Washington, DC: World Bank Publications, 2021. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/120541633011500775/the-world-bank-annual-report-2021-from-crisis-to-green-resilient-and-inclusive-recovery>
- [8] Asian Development Bank (ADB). Kazakhstan: Education Sector Assessment. Manila: ADB Publications, 2019. <https://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2019>
- [9] UN Development Program in Kazakhstan. Annual report 2022. [Kazakstandagy Birikken Ulttar Uyyymy Damu Bagdarlamasy. Zhyldyk esep 2022] [https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-07/UNDP%20Kazakhstan %20 Annual% 20 Report%202022%20Kaz.pdf](https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-07/UNDP%20Kazakhstan%20Annual%20Report%202022%20Kaz.pdf) [in Kaz.]
- [10] Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. National Report on the State of Education in Kazakhstan. Astana: Ministry of Education and Science, 2021.

БІЛІМ БЕРУ ЖЕТІСТІГІН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ БАҒАЛАУ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

*Калиева А.А.¹, Беймишева А.С.², Ілияс Н.Қ.³

*¹ Әлеуметтік ғылымдар кандидаты, қауымдастырылған профессор
Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті

Алматы, Қазақстан

e-mail: kaliyeva.a@kyzpu.edu.kz

² PhD докторы, NARXOZ Университеті, Алматы, Қазақстан

e-mail: aigul.beimisheva@narxoz.kz

³ аға оқытушы, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті

Алматы, Қазақстан

e-mail: nuratkz01@gmail.com

Аңдатпа. Бұл мақала PISA 2022 нәтижелерінен алынған түсініктерді пайдалана отырып, Қазақстанның мектептегі білім беру жүйесін таңдаулы елдермен салыстыруға және талдауға бағытталған. Оқушыларды халықаралық бағалау бағдарламасы (PISA) математика, оқу және жаратылыстану саласындағы негізгі құзыреттерге назар аудара отырып, әртүрлі елдердегі 15 жастағы оқушылардың білім беру нәтижелерін бағалаудың маңызды эталоны ретінде қызмет етеді. Қазақстанның басқа елдермен салыстырғандағы көрсеткіштерін зерттей отырып, бұл зерттеу оның білім беру шеңберіндегі күшті және әлсіз жақтарын анықтауға және жаһандық контексте осы тұжырымдардың кеңірек салдарын түсінуге тырысады.

Білім беру тиімділігін түсіну бірнеше себептерге байланысты өте маңызды. Біріншіден, ол елдерге бір-бірінен үйренуге мүмкіндік беретін әртүрлі білім беру саясаты мен тәжірибелерінің тиімділігі туралы түсінік береді. Екіншіден, ол әлеуметтік ұтқырлық пен экономикалық дамуды ынталандыру үшін маңызды болып табылатын білім берудегі теңдік пен қолжетімділіктің маңыздылығын көрсетеді. Барған сайын өзара байланысты әлемде білім беру нәтижелерін шекаралар арқылы салыстыру мүмкіндігі саяси шешімдерді ақпараттандыру және білім беру жүйелерін жетілдіру үшін өте маңызды.

Осы салыстырмалы талдауда қолданылатын әдістемелер математика, оқу және жаратылыстану пәндеріндегі орташа ұпайлар мен өнімділік тенденцияларына назар аудара отырып, PISA 2022 нәтижелерінің сандық деректерін талдауды қамтиды. Сонымен қатар, студенттердің үлгеріміне әсер ететін факторларды жан-жақты түсіну үшін Қазақстандағы және басқа елдердегі білім беру саясаты мен тәжірибесін сапалы бағалау біріктірілген. Негізгі қорытындылар

Қазақстан білім беру реформасында елеулі табыстарға қол жеткізгенімен, көрсеткіштері жоғары елдермен теңдікке қол жеткізуде қиындықтар әлі де бар екенін көрсетеді. Талдау жаһандық аренада Қазақстанның білім беру нәтижелерін ілгерілету үшін маңызды болып табылатын оқыту сапасын арттыру және әлеуметтік-экономикалық теңсіздіктерді жою сияқты жетілдірудің нақты бағыттарын ашады.

Тірек сөздер: PISA 2022, жаратылыстану, білім теңдігі, салыстырмалы талдау, сандық талдау, білім беру реформасы, білім беру саясаты, Қазақстан

INTERNATIONAL ASSESSMENT OF EDUCATIONAL ACHIEVEMENT AND KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS

* Kaliyeva A.¹, Beimisheva A.², Iliyas N.³

^{*1} Candidate of Social Sciences, associate professor Kazakh National
Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: kaliyeva.a@kzpu.edu.kz

² PhD, NARXOZ University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: Aigul.beimisheva@narxoz.kz

³ Senior lecturer, al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan. E-mail: nuratkz01@gmail.com

Abstract. This article aims to analyze and compare the school education systems of Kazakhstan with those of selected countries, utilizing the insights derived from the PISA 2022 results. The Programme for International Student Assessment (PISA) serves as a critical benchmark for evaluating the educational performance of 15-year-old students across various nations, focusing on key competencies in mathematics, reading, and science. By examining Kazakhstan's performance in relation to other countries, this study seeks to identify strengths and weaknesses within its educational framework and to understand the broader implications of these findings in a global context.

Understanding educational performance is vital for several reasons. First, it provides insights into the effectiveness of different educational policies and practices, allowing countries to learn from one another. Second, it highlights the importance of educational equity and access, which are essential for fostering social mobility and economic development. In an increasingly interconnected world, the ability to compare educational outcomes across borders is crucial for informing policy decisions and improving educational systems.

The methodologies employed in this comparative analysis include quantitative data analysis of PISA 2022 results, focusing on mean scores and performance trends in mathematics, reading, and science. Additionally, qualitative assessments of educational policies and practices in Kazakhstan and other countries are integrated to provide a comprehensive understanding of the factors influencing student performance. Key findings indicate that while Kazakhstan has made significant strides in educational reform, challenges remain in achieving parity with higher-performing nations. The analysis reveals specific areas for improvement, such as enhancing teaching quality and addressing socio-economic disparities, which are critical for advancing Kazakhstan's educational outcomes on the global stage.

Keywords: PISA 2022, natural sciences, educational equality, comparative analysis, quantitative analysis, educational reform, educational policy, Kazakhstan

Статья поступила 08.09.2024 г.

UDC: 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.010>

IRSTI: 11.25.40

TRANSPORT SYSTEMS AS ESSENTIAL PART OF GOVERNMENT POLICY

*** Turkeyeva S.¹, Tangkish N.², Simtikov Zh.³**

***¹ PhD student, Abai Kazakh National Pedagogical University
Kazakhstan, Almaty, e-mail: turkeeva2021@mail.ru**

**² PhD, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan
e-mail: tankish81@mail.ru**

**³ Doctor of political Science, professor, Abai Kazakh National Pedagogical
University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: zhomart-67@mail.ru**

Abstract. The paper discusses the significance of transport systems as a crucial component of public policy in the majority of countries worldwide. Transport policy aims to achieve various objectives, including promoting economic growth, enhancing accessibility, improving safety, reducing environmental impacts, and promoting social equity. A significant aspect is the substantial funding required to construct and maintain transportation

infrastructure, including roadways, railway tracks, airports, harbors, and public transportation systems.

Special emphasis is placed on international transport corridors such as the Trans-Caspian International Transportation Route, which complements the Chinese Belt and Road initiative and presents new opportunities for trade between China and European nations. The paper emphasizes the importance of collaboration between different levels of government and international stakeholders to address cross-border transportation challenges and harmonize regulations. The authors also discuss the role of the Shanghai Cooperation Organization in the development of regional transportation infrastructure and logistics. They highlight key issues such as outdated infrastructure, high transportation costs, low efficiency, and the need for increased transit capacity. Additionally, they discuss other international initiatives, such as the Eurasian Economic Union and Central Asian Regional Economic Cooperation that aim to improve regional connectivity and facilitate trade.

In conclusion, they emphasize the importance of strategic planning and investment in transportation systems to promote sustainable economic growth and enhance transportation links between Central Asian countries and other regions of the world.

Keywords: logistic, diplomacy, transit, transport system, communications, international trade, region, government

Basic provisions

Transport systems are an important component of public policy for the vast majority of States in the world. States develop their transport policies to achieve various goals, such as stimulating economic growth, increasing accessibility, improving safety, minimizing environmental impacts and promoting social justice. Governments invest in the creation and maintenance of transport infrastructure, including highways, railway lines, airports, seaports and public transport systems. This involves planning, financing and implementing projects to expand, improve or build new infrastructure to meet the growing demand for mobility.

Introductions

Governments adopt regulations and legislation regulating various aspects of transport, such as safety standards, emissions of harmful substances, licensing and traffic management. These measures are designed to ensure the safety, efficiency and reliability of transport systems. Transport

projects require significant financial resources, and Governments use various methods of financing them. This may include taxation, road tolls, service charges, public-private partnerships, grants, subsidies, and bond issuance. The allocation of funds is often determined by strategic objectives set out in transport policy. The development of public transport is a common goal of transport policy aimed at reducing traffic jams, improving air quality and increasing the mobility of all citizens. Governments can provide subsidies for public transport services, invest in bus and rail infrastructure, and take measures to boost passenger transportation, such as subsidized fares and dedicated lanes.

The Government is developing a comprehensive transport plan that includes long-term development strategies, urban transport plans and other relevant initiatives aimed at developing and optimizing transport networks. Transport policy often involves cooperation and coordination between different levels of government (local, regional, national), as well as with international stakeholders. Such cooperation is essential to address cross-border transport issues, harmonize standards and enhance communication opportunities. The transport corridor is important for expanding trade between neighboring countries. Therefore, it is extremely important to increase transit volumes, taking into account the developed economy of China.

Description of Materials and Methods

This study is grounded in the principles of political neorealist theory in international relations. In conducting the research, the authors employed general scientific analysis and synthesis principles and utilized methods for analyzing primary and secondary sources. Additionally, the researchers used scientific modeling and forecasting methods in their analysis.

Discussion

The Trans-Caspian International Transport Corridor, which complements the important “One Belt, One Road” initiative, opens up opportunities for cooperation in the field of trade. Such integration will contribute to the growth of interregional trade and the full use of the transport and transit potential of the region. This is beneficial not only to the countries of Central Asia, but also to China itself. As a result, the neighboring country diversified its transit and transport routes and expanded the implementation of integrated logistics solutions, which led to the launch of a land transport corridor. This important undertaking requires funding from both parties

involved. By 2025, Kazakhstan intends to allocate twenty billion US dollars for these purposes. According to the President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev, the creation of new transport links will benefit the entire Central Asian region. According to World Bank estimates, the development of transport infrastructure in Central Asia can increase the GDP of five countries in the region by up to 15% [1].

First, the main transportation corridor through Kazakhstan will facilitate the entry of Chinese products into the markets of Europe, the Middle East, and the Commonwealth of Independent States (CIS). Joint infrastructure projects, such as the Lianyungang terminal, the Khorgos ground port, and the Western China-Western Europe highway, are becoming the cornerstone of the Belt and Road initiative. As you are aware, the Leader of China, Xi Jinping, officially announced the inauguration of this transport corridor, which recreates the historical route of the Silk Road, for the first time in the capital city of Kazakhstan. Therefore, the Chinese side, as the second largest economy in the world, has attached special importance to the implementation of this project of great significance at the global level.

Comprehensive trade relations, based on the transport corridor connecting countries, are not limited to land traffic alone. After all, the primary objective here was to revitalize trade relations between Europe and Asia, in the spirit of the renowned Silk Road.

It is also worth noting the significance of the Trans-Caspian Corridor. This project has held great promise for international trade and commerce. It is now known that the Trans-Caspian route is a significant transport artery [2].

The Trans-Caspian corridor, which combines sea and dry transport links, extends from the People's Republic of China to Europe. It should not be forgotten that the main part of the road is on the territory of Kazakhstan. At the same time, it is noted that recently one of these international trade routes has become even more important for cross-border trade. It is necessary to take into account the necessity of the Trans-Caspian corridor first for the Central Asian region, including the development of the Central Asian Regional Economic Partnership Organization, which unites Afghanistan, Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, China, Kyrgyzstan, Mongolia, Pakistan, Turkmenistan, and Uzbekistan.

Kazakhstan and Turkmenistan will first be included in the list of leading players of the Trans-Caspian corridor. This is because, in a large-scale transport corridor through the Caspian Sea, these two states can solve a lot. There is reason to believe that the fate of Chinese goods, which must

pass through the sea route to Europe, is in the hands of these states first.

The volume of revenues from mineral resources allowed Kazakhstan and Turkmenistan to invest heavily in Port, Road, and railway infrastructures. This is also a factor that somewhat increases the bet of these two states in international trade relations. It is known, although not to say how important sea communication is in this project. It should be noted that Azerbaijan will also join Kazakhstan and Turkmenistan.

It is not for nothing that the three key ports in Turkmenistan, Kazakhstan, and Azerbaijan, which should play an important role in the launch of this sea corridor, will be launched at the same stage, that is, in the second half of 2018. This is because there was an agreement and a compromise between the three states. It is known that the launch of the Turkmenbashi international seaport in Turkmenistan took five years and cost доллар 1.5 billion. Thanks to technical advances, the cargo capacity in it, excluding petroleum products, was 26 million tons per year instead of the previous 18 million tons. In addition, in 2018, 564 km of roads were laid, connecting Ashgabat with the seaport of Turkmenbashi. Kazakhstan also made a great contribution to the implementation of this project. This is evidenced by the work of the Kuryk port, which currently plays a key role in connecting the two continents. The length of the dry transport corridor connecting the two continents is more than 365 thousand kilometers.

According to Daily Sabah, in the context of developing global ties, the Trans-Caspian corridor is central as a transformational infrastructure project that strategically connects Central Asia with the European Union. The corridor was designed not only as a trade channel but also as a catalyst for changes in economic and regional dynamics [3].

In particular, it is intended to facilitate transit in 15 days or less, and it is evidence of the EU's political and operational commitment to strengthening ties with Central Asia through the global gate initiative. By sending a clear signal of commitment, the EU is trying to give impetus to the implementation of coordinated investments in the Trans-Caspian transport corridor. This can attract investors to specific projects with clear deadlines and financial obligations.

The projected benefits outweigh the economic benefits and include improved regional coordination, communication between economic centers, simplified border-crossing practices, improved long-term planning, and even environmental considerations. The Trans-Caspian corridor, which includes the main settlements and industrial centers of all five Central Asian countries, promises sustainable economic development for the entire region.

Recognizing that the problems are often not only related to infrastructure but also soft communication issues, the initiative emphasizes specific measures to reduce transaction costs and improve operational efficiency. Digitalization of transport documents, improvement of functional compatibility, public-private partnership, simplification of trade procedures, market liberalization, and allocation of funds for asset maintenance are identified as key measures to ensure soft communication.

In addition, the importance of this corridor is emphasized by its compliance with the EU's "Global gate" strategy and the EU's Central Asia strategy. The integrated approach is aimed at ensuring the stability, competitiveness, and operational efficiency of the Trans-Caspian corridor. The need for priority investments totaling 18.5 billion euros (US долл 19.9 billion) in corridor infrastructure includes important aspects such as rebuilding the rail and highway network, expanding rolling stock, increasing port capacity, and improving border-crossing points.

Logistics is one of the most important areas of cooperation of the Shanghai Cooperation Organization. Over the years, great progress has been made, especially in facilitating transportation by road. All countries attach great importance to the development of cooperation in the field of transport, the development of transport markets, and the use of transit potential, overcoming internal transport barriers, and promoting their economic and social prosperity. However, at present, they are faced with the effects of weak transport infrastructure, low logistics indicators, and competition from other regional mechanisms for cooperation in the field of transport. In the future, the construction and simplification of infrastructure networks will remain the main direction of the Shanghai Cooperation Organization's cooperation in the field of transport.

The goal of implementing international transport cooperation is to improve regional interconnection, improve facilitation, and strengthen the exchange of people and goods, thereby promoting the economic and social development of the countries of the region, especially the prosperity and stability of the hinterland.

The development of cooperation in the transport sector is an important objective and aspiration for the member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Although the level of transport infrastructure and services in the member countries still lags behind that of developed countries, the overall development level is low. There is also a significant disparity between countries in terms of both infrastructure and management.

To address these challenges, in addition to formulating national comprehensive strategies for medium- and long-term economic and social development, each SCO member has also formulated a transport development strategy to plan and guide industry growth.

These strategies aim to promote cooperation and integration among member states, as well as to improve the efficiency and competitiveness of their transport systems. In 2008, Russia approved the “Transport Strategy of the Russian Federation up to 2030” [4]. In 2012, Kazakhstan published the “Development Strategy of the Republic of Kazakhstan up to 2050” [5]. In 2014, it released the “Nurly Zhol National Infrastructure Development Plan for 2015-2019”. In 2019, Uzbekistan adopted the “Strategy for the Development of the Transport System of Uzbekistan up to 2035” [6]. In 2017, Kyrgyzstan published the “National Strategy for Sustainable Development of the Kyrgyz Republic for the period 2018-2023” (within the framework of the “National Strategy for Sustainable Development of the Kyrgyz Republic up to 2040”) [7]. Tajikistan approved the “Special Plan for the Development of the National Transport Industry in Tajikistan up to 2025” in 2011, and the “National Development Strategy up to 2030” was issued in 2017 [8]. India and Pakistan initially developed a certain “five-year plan”, which later evolved into a market-oriented approach, allowing businesses to independently develop their strategies. In 2004 and 2017, Pakistan and India, respectively, abandoned the implementation of the “Five-Year Plans”.

However, the initial direction of the transportation industry’s development, as outlined in these plans, still influences the current construction of the transportation sector.

Results

As evidenced by the transportation strategic planning documents from each country, the objectives and strategies of the national transport corridor development include establishing an efficient transportation system, promoting competition, enhancing transit potential, enhancing the security of the transportation system, reducing harmful environmental impacts of transportation, supporting vehicle development, and information and production services. These are the fundamental principles for promoting transportation cooperation among the member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). All countries hope to utilize regional cooperation to fulfill their objectives and goals for transportation development. In addition, countries typically identify five challenges in their transport sectors:

First, the construction of transport infrastructure and vehicle production is behind schedule, with low road density uneven distribution, and outdated systems.

Second, transport costs are high and the rise in transportation prices often exceeds the average inflation rate, reducing the competitiveness of domestic products.

Third, the transport system lacks efficiency, with complex logistics processes and low overall indicators, such as an over-reliance on certain modes of transportation like rail or highways, a lack of digitalization, and failure to meet the development needs for cross-border e-commerce and international express delivery.

Fourth, transportation safety is not a priority, with high accident rates and slow operating speeds. Fifth, it is necessary to enhance the transit potential. There are still obstacles such as a relatively undeveloped transport infrastructure, a limited number of ports, inadequate equipment replacement, and disparities in regulations. These issues hinder the current cooperation among the member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the transport sector. In addition to the factors related to their national circumstances, the SCO's cooperation in the transport sector is currently represented by several initiatives, including the Eurasian Economic Union (EAEU), the Asian Development Bank's Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC) project, and the Lazurite Corridor project. The European Union's Trans-European Transport Corridors (TRACECA) project, the European road network, the Asian Highway Network (Pan-Asian Highway), and the Pan-Asian railway also contribute to this cooperation.

The United States' new strategic project in Central Asia and the Russian North-South Transport Corridor Initiative are two additional initiatives that can be considered in this context [9]. Additionally, the Three Seas initiative of the Transcaucasian countries, which encompasses the Caspian, Black, and Mediterranean seas, is another significant factor.

Turkey is faced with competition from various other mechanisms of regional cooperation in transport, such as the "Central Corridor" plan and the "One Belt, One Road" initiatives. However, the EAEU, CAREC, and TRACECA projects have a particularly significant impact on cooperation in this field. The content of cooperation between these cooperation mechanisms is similar to that of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the field of transportation, but due to differences in the leading actors, the goals and objectives differ, and as a result, each member state assumes a different set of responsibilities and undertakes different initiatives, implementing different mechanisms, standards, and regulations. Therefore, to some extent,

the SCO faces challenges in coordinating or unifying its member states' efforts. Nevertheless, based on the content of the cooperation of various regional transportation cooperation mechanisms, there are many similarities between them, including an open attitude towards collaboration and joint development of transportation potential. The SCO and its members aim to create a prosperous, stable Eurasian region that benefits the people through joint efforts.

The TRACECA Technical Assistance Project, led by the EU, aims to establish a sustainable, efficient, and integrated multimodal transportation system to ensure the safe and uninterrupted movement of cargo [10]. This project encompasses four main areas of cooperation.

1. Repair and construction of logistics and transportation infrastructure, including roads, bridges, ports, airports, and transit stations, to improve the overall efficiency of the transportation network.

2. Coordination or harmonization of relevant laws and regulations, to ensure a consistent and efficient regulatory framework for all modes of transportation.

3. Motivation of member states to join relevant international agreements and conventions, to promote the integration of the region's transportation systems.

4. Personnel Training. Various forms of cooperation are utilized in the project, including road and bridge construction, conducting feasibility studies on financing, and organizing seminars and training for personnel. Under the strategy for the period 2016-2026, several specific measures have been envisioned. These include increasing container transportation volumes, developing financing mechanisms for public-private partnership initiatives, establishing joint border crossing points, introducing "one-stop" services, harmonizing multimodal transport documentation, promoting e-commerce and electronic permits, enhancing cargo tracking systems, piloting driverless vehicles, and strengthening safety measures for transportation (users, passengers, goods, and the environment). The member states of the Eurasian Economic Union, with Russia leading the way (Russia, Belarus, Armenia, Kazakhstan, and Kyrgyzstan), have made the creation of a single transport area one of their top priorities. In 1998, these four countries – Russia, Belarus, Kazakhstan, and Kyrgyzstan – signed an agreement on establishing a transport union between them. This agreement focused on establishing common legal and technical standards, as well as on tariffs and infrastructure sharing. It also covered the development of transport potential and the processing industries for transport equipment. Additionally, it

included coordination of transport planning between member states and the simplification and harmonization of transit procedures.

Conclusion

Following the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU), the member states have continued their transportation cooperation by unifying railway and road transport costs, strengthening road simplification measures, and developing transportation corridor capacities. The principles for establishing payment standards for rail freight transport between member countries and the tax rates for rail freight have been developed. An agreement on international road transport has been concluded, and documents such as the concept for a common transport area within the Eurasian Economic Community have been endorsed. Consensus has been achieved on harmonizing technical infrastructure standards, developing roadmaps for regional transport corridors, sharing information, coordinating transit systems, and forming joint ventures. Following the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU), it has inherited the outcomes of cooperation within the previous Eurasian Economic Community (EurAsEC). In 2017, the EAEU established a unified plan for air transport and taxation of flights and airport services. It identified the development of five major international transport routes, including four railway lines and one highway, namely the Russian North-South railway. The Russian East-West Railway, also known as the Trans-Siberian Railway, is a railway line connecting Russia and Central Asia. It runs from China through Central Asia and Russia to Europe. The Western Europe-Western China Highway is another important component of this network.

The Central Asia Regional Economic Cooperation Program, supported by the Asian Development Bank (ADB), brings together ten member countries in the region, including China, the five Central Asian countries, the three Transcaucasian countries, Mongolia, and six international organizations.

This project aims to support the ADB's four strategic objectives in the areas of economy, transportation, energy, and environment. These objectives include providing continuous export routes to high-profit markets in neighboring countries, reducing transaction costs, facilitating the transfer and transportation of goods, improving energy supply, promoting sustainable growth, and preventing negative environmental impacts. To this end, the Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC) project has adopted two strategies: CAREC Transport and Trade Facilitation

2020 and CAREC Transport & Trade Facilitations 2030. To promote the development of transport, logistics, and trade through the implementation of new infrastructure, simplified customs procedures, and unified rules; the Customs Cooperation Committee has been established.

REFERENCES

- [1] Токаев К.-Ж.К. Центральная Азия может стать важнейшим транспортно-логистическим хабом. <https://tass.ru/ekonomika/21556223>
- [2] Zhumanov A., Kegenbekov Z., Tolujevs J. Trans-Caspian International Transport Route Infrastructure Assessment Using Simulation Modelling // Transport and Telecommunication Journal. – 2024. - №. 25(1). – P. 11-19. <https://doi.org/10.2478/ttj-2024-0002>
- [3] Museyibov A. Trans-Caspian route: From Central Asia to European markets // Daily Sabah. -2024. - 1.08. <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/trans-caspian-route-from-central-asia-to-european-markets>
- [4] Rosmorport. New Edition of Transport Strategy of the Russian Federation. August 3, 2024. <https://www.rosmorport.com/news/company/24373/>
- [5] Akorda. The Strategy for development. – 2024. - August 5. https://www.akorda.kz/en/official_documents/strategies_and_programs
- [6] Eurasian Research Institute. Transport Strategy of Uzbekistan: Current Developments. 2024, August 5. <https://www.eurasian-research.org/publication/transport-strategy-of-uzbekistan-current-developments/>
- [7] Kyrgyz Republic. National development strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040. 2018. November. <https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/National%20Development%20Strategy%20of%20the%20Kyrgyz%20Republic%20for%202018-2040%20%28EN%29.pdf>
- [8] State Target Program for the Development of the Transport Complex of the Republic of Tajikistan until 2025 (Order 165/2011). - Dushanbe, 2011. https://climate-laws.org/document/state-target-program-for-the-development-of-the-transport-complex-of-the-republic-of-tajikistan-until-2025-order-165-2011_dc36
- [9] McGraw Olive M. The United States Needs a New Strategy in Central Asia. Caspian Policy Center. – 2024. - July 15. <https://www.caspianpolicy.org/research/security/the-united-states-needs-a-new-strategy-in-central-asia>
- [10] European Commission. EU support to the Europe-Caucasus-Asia Transport Corridor. 2012. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_12_141

REFERENCES

- [1] Tokayev K.-Zh.K. Tsentral'naya Aziya mozhet stat' vazhneyshim transportno-logisticheskim khabom [Central Asia can become the most important transport and logistics hub]. TASS. 2024, August 8. <https://tass.ru/ekonomika/21556223> [in Russ.]
- [2] Zhumanov A., Kegenbekov Z., Tolujevs J. Trans-Caspian International Transport Route Infrastructure Assessment Using Simulation Modelling // Transport and Telecommunication Journal. – 2024. - №. 25(1). – P. 11-19. <https://doi.org/10.2478/ttj-2024-0002>
- [3] Museyibov A. Trans-Caspian route: From Central Asia to European markets // Daily Sabah. - 2024. - 1.08. <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/trans-caspian-route-from-central-asia-to-european-markets>
- [4] Rosmorport. New Edition of Transport Strategy of the Russian Federation. August 3, 2024. <https://www.rosmorport.com/news/company/24373/>
- [5] Akorda. The Strategy for development. – 2024. - August 5. https://www.akorda.kz/en/official_documents/strategies_and_programs
- [6] Eurasian Research Institute. Transport Strategy of Uzbekistan: Current Developments. 2024, August 5. <https://www.eurasian-research.org/publication/transport-strategy-of-uzbekistan-current-developments/>
- [7] Kyrgyz Republic. National development strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040. 2018. November. <https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/National%20Development%20Strategy%20of%20the%20Kyrgyz%20Republic%20for%202018-2040%20%28EN%29.pdf>
- [8] State Target Program for the Development of the Transport Complex of the Republic of Tajikistan until 2025 (Order 165/2011). - Dushanbe, 2011. https://climate-laws.org/document/state-target-program-for-the-development-of-the-transport-complex-of-the-republic-of-tajikistan-until-2025-order-165-2011_dc36
- [9] McGraw Olive M. The United States Needs a New Strategy in Central Asia. Caspian Policy Center. – 2024. - July 15. <https://www.caspianpolicy.org/research/security/the-united-states-needs-a-new-strategy-in-central-asia>
- [10] European Commission. EU support to the Europe-Caucasus-Asia Transport Corridor. 2012. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_12_141

КӨЛІК ЖҮЙЕЛЕРІ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТТЫҢ АЖЫРАМАС БӨЛІГІ РЕТІНДЕ

***Туркеева С.¹, Тәңкіш Н.², Симтиков Ж.³**

***¹ PhD докторан, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: turkeeva2021@mail.ru**

²PhD докторы, М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан Университеті Шымкент, Қазақстан, e-mail: tankish81@mail.ru

³ Саяси ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан e-mail: zhomart-67@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада көлік жүйелерінің әлемнің көптеген елдеріндегі мемлекеттік саясаттың маңызды құрамдас бөлігі ретіндегі маңызы талқыланады. Көлік саясаты экономикалық өсуді ынталандыру, қолжетімділікті арттыру, қауіпсіздікті арттыру, қоршаған ортаға әсерді азайту және әлеуметтік әділеттілікті ілгерілету сияқты әртүрлі мақсаттарға жетуге бағытталған. Маңызды аспект-автомобиль жолдарын, теміржол жолдарын, әуежайларды, айлақтарды және қоғамдық көлік жүйелерін қоса алғанда, көлік инфрақұрылымын салу және күтіп ұстау үшін қажетті қомақты қаржыландыру.

Қытайдың «Белдеу Және Жол» бастамасын толықтыратын Және Қытай мен Еуропа елдері арасындағы сауда үшін жаңа мүмкіндіктер ашатын Транскаспий Халықаралық Көлік Бағыты сияқты халықаралық көлік дәліздеріне ерекше назар аударылады. Құжатта трансшекаралық тасымалдау мәселелерін шешу және нормативтік актілерді үйлестіру үшін әртүрлі деңгейдегі мемлекеттік органдар мен халықаралық мүдделі тараптар арасындағы ынтымақтастықтың маңыздылығы атап өтілген. Авторлар сонымен қатар Шанхай Ынтымақтастық Ұйымының аймақтық көлік инфрақұрылымы мен логистикасын дамытудағы рөлін талқылайды. Олар ескірген инфрақұрылым, жоғары көлік шығындары, тиімділіктің төмендігі және транзиттік өткізу қабілеттілігін арттыру қажеттілігі сияқты негізгі мәселелерді көрсетеді. Сонымен қатар, олар еуразиялық Экономикалық Одақ және Орталық Азияның Аймақтық экономикалық Ынтымақтастығы сияқты аймақтық байланыстарды жақсартуға және сауданы жеңілдетуге бағытталған басқа да халықаралық бастамаларды талқылайды.

Қорытынды бөлімде, авторлар тұрақты экономикалық өсуге жәрдемдесу және Орталық Азия елдері мен әлемнің басқа өңірлері арасындағы көлік байланыстарын нығайту үшін көлік жүйелеріне стратегиялық жоспарлау мен инвестициялаудың маңыздылығын атап көрсетеді

Тірек сөздер: логистика, дипломатия, транзит, көлік жүйесі, байланыс, халықаралық сауда, аймақ, үкімет

ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

***Туркеева С.¹, Танкиш Н.², Симтиков Ж.³**

***¹ PhD докторант, Казахский национальный педагогический
университет им. Абая, Алматы, Казахстан
e-mail: turkeeva2021@mail.ru**

**² Доктор PhD, Южно-Казахстанский университет имени М.Ауезова
Шымкент, Казахстан, e-mail: tankish81@mail.ru**

**³ Доктор политических наук, профессор, Казахский национальный
педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан
e-mail: zhomart-67@mail.ru**

Аннотация. В статье рассматривается значение транспортных систем как важнейшего компонента государственной политики в большинстве стран мира. Транспортная политика направлена на достижение различных целей, включая содействие экономическому росту, повышение доступности, повышение безопасности, снижение воздействия на окружающую среду и содействие социальной справедливости. Важным аспектом является значительное финансирование, необходимое для строительства и обслуживания транспортной инфраструктуры, включая автодороги, железнодорожные пути, аэропорты, порты и системы общественного транспорта.

Особое внимание уделяется международным транспортным коридорам, таким как Транскаспийский международный транспортный маршрут, который дополняет китайскую инициативу «Один пояс, один путь» и открывает новые возможности для торговли между Китаем и европейскими странами. В документе подчеркивается важность сотрудничества между различными уровнями власти и международными заинтересованными сторонами для решения проблем трансграничных перевозок и согласования нормативных актов. Авторы также обсуждают роль Шанхайской организации сотрудничества в развитии региональной транспортной инфраструктуры и логистики. Они освещают такие ключевые проблемы, как устаревшая инфраструктура, высокие транспортные расходы, низкая эффективность и необходимость увеличения транзитных мощностей. Кроме того, они обсуждают другие международные инициативы,

такие как Евразийский экономический союз и Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество, которые направлены на улучшение региональных связей и облегчение торговли.

В заключение авторы подчеркивают важность стратегического планирования и инвестиций в транспортные системы для содействия устойчивому экономическому росту и укрепления транспортных связей между странами Центральной Азии и другими регионами мира.

Ключевые слова: логистика, дипломатия, транзит, транспортная система, коммуникации, международная торговля, регион, правительство

Статья поступила 17.06.2024 г.

**III. БӨЛІМ.
АЙМАҚТАНУ
РАЗДЕЛ III.
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
PART III.
REGIONAL STUDIES**

УДК 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.011>

МРНТИ 03.20+03.23/39.23.15

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА
(НА ПРИМЕРЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК И. Я. СЛОВЦОВА)**

*Мармونتова Т.В.¹

*¹ кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
Высшей школы социально-гуманитарных наук
Международный университет «Астана», Астана, Казахстан
e-mail: marmontova@mail.ru

Аннотация. Казахстан - одно из географических пространств, где феномен его регионов наиболее развит. С международной точки зрения страна представляет одну из самых разнообразных в геополитическом плане с учетом ее соседних государств. Исследования по Северному Казахстану приобретают все большую актуальность в контексте современных глобальных изменений и растущего интереса к локальным особенностям развития.

В статье рассматривается значение исследований Ивана Яковлевича Словцова, касающихся социально-экономического и культурного развития Северного Казахстана в конце XIX века. Целью исследования является анализ влияния социально-экономических и культурных факторов на развитие региона, с опорой на путевые заметки Словцова. Основные задачи включают оценку социально-политических и экономических условий региона и показ, как эти исследования могут способствовать дальнейшим изысканиям в области исторической географии и социально-экономической истории. Работа имеет значение как для понимания исторического контекста региона,

так и для современного анализа стратегического развития Северного Казахстана.

Методология исследования базируется на сравнительно-историческом подходе и включает анализ путевых заметок, а также сопоставление их с другими историческими источниками. Основные результаты исследования показывают, как Словцов детально анализировал экономические и социальные условия региона, что позволяет современным исследователям получить комплексное представление о жизни кочевых и оседлых обществ.

Исследование вносит значительный вклад в понимание исторической географии и этнографии Северного Казахстана, отражая взаимодействие кочевых и оседлых культур. Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных данных для стратегического планирования и улучшения социально-экономической политики региона.

Ключевые слова: Северный Казахстан, Иван Словцов, путевые заметки, историческая география, кочевое общество, социально-экономическое развитие, административные реформы, этнокультурный ландшафт

Статья подготовлена в рамках проекта ИРН BR21882225 «История Северного Казахстана с древнейших времен до новейшего времени»

Введение

Изучение истории регионов Казахстана приобретает все большую актуальность в контексте современных глобальных изменений и растущего интереса к локальным особенностям развития. Чисто формально, к северной части Республики Казахстан относят 4 области: Северо-Казахстанскую, Костанайскую, Павлодарскую и Акмолинскую области, где по данным бюро национальной статистики проживает 2896314 жителей [1]. Математически Северный Казахстан – это 1300 км с востока на запад, и порядка 900 км с севера на юг [2]. Регион во многом определяет уникальный этнокультурный ландшафт Казахстана, где граница с Российской Федерацией формирует огромную зону рубежной коммуникативности, которая на протяжении веков служила мостом для культурного обмена и взаимодействия между народами. Здесь русские и казахи на протяжении столетий жили совместно, уважая и понимая друг друга, что способствовало взаимопроникновению и обогащению быта и традиций.

Цель статьи – используя сравнительно-исторический подход оценить влияние социально-экономических и культурных факторов, связанных с завершением процесса вхождения Северного Казахстана в состав Российской империи на основе путевых записок Ивана Яковлевича Словцова.

Исходя из указанной цели можно сформулировать набор исследовательских задач:

- определить ценность путевых записок Словцова как исторического источника для изучения региональных особенностей Кокчетавского уезда Акмолинской области;

- применив приемы контекстуализации оценить социально-политические и экономические условия, существовавшие в регионе в конце XIX века, времени, когда завершалось присоединение территории Казахстана к Российской империи;

- показать, как изучение научного наследия Словцова может быть полезно для дальнейших исследований в области исторического регионоведения и социально-экономической истории Северного Казахстана.

При этом если смотреть на Северную часть Казахстана в XIX веке как на объект геополитических интересов и стратегического влияния Российской империи, то возможно лучше понять логику установления административного контроля над степью со стороны империи.

Описание материалов и методов

Исследовательская стратегия состоит в оценке значимости конкретного источника для реконструкции картины жизни в северных регионах Казахской степи. Научное наследие И.Я. Словцова позволяет сегодня в полной мере понять как Российская империя изучала новый для себя регион, чтобы сформировать устойчивую вертикаль власти.

Основным источником при подготовке статьи стали путевые заметки краеведа И. Я. Словцова [3], дополнить историческую позволил «Обзор Акмолинской области» за 1878 год [4] и издание «Вся Россия» за 1895 год [5]. Понять значение путевых заметок можно дополнив картину анализа статьями краеведческого [6] и биографического характера о анализируемом периоде [7].

Статистические данные, которые позволят сравнить как изменился взгляд на Северный Казахстан в современный период доступны на портале Бюро национальной статистики [1] сайте Огехса, где размещены путеводители по регионам Казахстана [2] и электронной

версии журнала «Демоскоп» [8]. Указанный набор данных дает возможность сформировать комплексное представление о регионе в его исторической ретроспективе.

Иван Яковлевич Словцов значимая фигура для краеведения Западной Сибири. Но в жизни ученого был период, когда он активно занимался изучением тех территорий, которые сегодня вошли в состав северных областей Республики Казахстан.

Иван Яковлевич появился на свет 17 ноября 1844 года в семье священнослужителя. После окончания гимназии в Тобольске продолжил обучение на физико-математическом факультете Казанского университета, где увлекся статистикой. Этот интерес заложил основу его будущей профессиональной деятельности. В 1865 году получил должность помощника управляющего в имении П. А. Загибалова в окрестностях Казани, где занимался контролем и учетом сельскохозяйственных процессов.

Следующий период жизни Словцова связан с государственной службой. Перебравшись в Омск, он становится помощником столоначальника в Главном управлении Министерства государственных имуществ по Западной Сибири. Желание делиться своими знаниями приводит его к преподаванию естественных наук в Сибирской военной гимназии. В этот же период он начинает на профессиональном уровне заниматься исследованиями в области истории и географии [7, с. 26-30].

Волей случая именно тогда, Общество исследователей Западной Сибири, в работе которого Словцов активно участвовал было преобразовано в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества (ЗСО ИРГО). До 1917 года именно ЗСО ИРГО организовал несколько сотен экспедиций, не только по Западной Сибири, но и на Алтай, в глубь казахских степей, Монголию, Китай и даже Тибет. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества в 1878 году санкционировал путешествие Ивана Яковлевича Словцова в Кокчетавский округ Акмолинской области. Результаты своего путешествия ученый в 1881 году опубликовал в работе «Путевые записки, ведённые во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинский области, в 1878 г.» [6].

Переосмысливая историю казахстанско-российских отношений вообще, и место в этом процессе северных регионов Казахстана важно вспомнить об обстоятельствах появления путевых заметок Словцова.

Обсуждение

Как административная единица Кокчетавский уезд был образован в 1854 году. Согласно данных Обзора Акмолинской области за 1878 год Кокчетавский уезд серьезно пострадал от неурожая хлеба [4]. По данным переписи 1897 года в уезде проживало 155,5 тыс. человек [8]. В 1895 году в «Русской книге промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации» (Вся Россия) территория казахских земель обозначается, с учетом популярного характера издания в большей степени как Степного генерал-губернаторства, включающего три области: Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую, буквально по тексту: «региона, ранее известный как Киргиз-Кайсацкие орды или степи, был важной частью Сибири» [5, с.2218]. По аналогии с бескрайними пространствами Сибири, Казахстан в научно-популярном чтении конца позапрошлого века считался бескрайней территорией, которую нужно осваивать. Именно этим в том числе и обусловлен научный интерес к этой территории.

Первичные источники, такие как работа Словцова, обладают важностью благодаря их аутентичности и непосредственному характеру наблюдений, предоставляя исследователям возможность изучать исторические события из первых рук. Такие заметки являются важным свидетельством, позволяющим исследователям лучше понять ситуацию в Кокчетавском уезде в конце XIX века, а также как строилось взаимодействие местного населения с природными и социальными условиями.

Маршрут экспедиции охватывал значительную часть территории Акмолинской области, начиная от Омска и заканчивая окрестностями Кокчетавских гор. Словцов подробно описал каждую остановку, начиная с Петропавловска и продолжая путешествие через ключевые географические точки, такие как берег реки Ишим, озера Джалтыр и Балыкты-куль, а также горы Джеман-тау и Аир-тау. Эти описания не только фиксируют географические и природные особенности региона, но и предоставляют важные данные о местных жителях, их быте и традициях.

Одним из примечательных аспектов путевых заметок является внимание к физико-географическим характеристикам региона. Словцов тщательно фиксировал орографический, гидрографический, фитогеографический и зоогеографический обзоры. В заметках можно найти список млекопитающих и птиц, обитающих в районе между Омском, Петропавловском, Акмолинском и Атбасаром, что делает значимым источник для зоологов и экологов. Даже сейчас

в XXI веке изучая текст заметок можно получить ясное представление об экологических условиях северной части Казахской степи.

Этнографически заслуживает внимание те заметки Словцова, где он приводит список родов, которые вошли в состав Кокчетавского уезда, подробно анализируя то какие места кочевков они занимают. Это дает детальное представление о социальной структуре региона. Особенно интересными и заслуживающими внимания выглядят описания, которые исследователь дает традиционным праздникам казахов. Приведем, близко к авторской редакции описание Словцова байге в Кокчетавском уезде и прошедшему после нее тое, который он имел возможность наблюдать.

«Байга и той - народные праздники кочевых народов—относятся к глубокой древности. Необходимость в постоянной поддержке дружественных отношений к соседям, слава на далекие пространства [...] способствовали сохранению этого обычая. Степные байги устраиваются в память каких-нибудь общественных или семейных событий и происходят на открытых более или менее красивых местностях.

Каждый почетный гость, прибывший на байгу, помещается в особой юрте или в ташкентской палатке, которые располагаются то рядами, то дугою, обращенной к стороне, где начинаются лошадиные скачки. Сзади кругом юрт толпятся сотни пеших и конных киргиз, прибывших посмотреть на торжества, и в надежде полакомиться от стола богатых «детей соколиной породы». Накануне байги вечером, а иногда в тот-же день, ранним утром отправляют верст за 15 и далее призовых байговых лошадей туда, откуда предназначаются скачки [...]. Как обыкновенно, действия начинаются борьбой киргизских силачей «батыров», затем происходит байга в запуски киргизских мальчиков, взлезание на вымазанный салом столб, чтобы снять с верхушки его назначенный приз, джигитовка на лошадях, соколиная охота и пение под аккомпанемент кобыза легенд о прежнем житье кочевников. Самый интересный для киргиза акт байги - это конская скачки. Молва о хорошей лошади идет в степи далеко: охотники спорта знают скакунов не только в Туркестане, но и в Бухаре. [...] В Кокчетавской байге многие увеселения киргиз, как-то: разрывание всадниками живого барана, брошенного в воздух, борьба полунагих атлетов, доставание ртом монет со дна чана, наполненного кислым молоком, и пр. - были заменены пением хоровых русских и киргизских песен киргизскими девочками и мальчиками, обучающимися в Кокчетавской

школе - интернате. После байги и раздачи призов, началось угощение гостей, под необъятным небесным сводом голубого зала, на бархатных зелёных коврах из душистых трав. Приготовленный для киргиза ужин из конины, баранины, колбас и пилава разносился на деревянных блюдах. Кушанья ставятся на кошмы и текеметы против гостей, разместившихся кругом своих юрт.» [3, с. 72-73]

Благодаря этим записям, современные исследователи могут лучше понять исторические особенности и обычаи кочевого общества того времени. Словцова интересно и просто читать. Ученый очень уважителен и сдержан в описаниях, а наличие большого числа деталей указывает на достоверность.

Год, в который Словцов отправился в путешествие выдался не очень урожайным для земледельцев, соответственно его наблюдения особенно актуальны для историков, изучающих влияние природных факторов на жизнь местного населения.

Особенно интересным выглядит подробное описание того, как экономически и статистически строилось хозяйство как кочевника-скотовода, так и земледельца.

Присутствует упоминание о том, что в Акмолинской степи сезон перекочевки длился около пяти теплых месяцев, причем зимой, как отмечает ученый, скотоводы жили оседло. На основании своей беседы с казахом по имени Акылбек, Словцов делает детальнейший расчет того, какое количество скота и продовольствия необходимо рядовому кочевнику для жизни. Буквально по тексту: «Акылбек, что тебе нужно чтобы быть счастливым? -Десять голов скота, пара жен, по двое ребят и юрта» [2, с. 24].

Далее Словцов рассчитывает как одна обычная семья кочевника из 5 человек должна обеспечить себе существование, занимаясь традиционным для них промыслом- скотоводством. К основным предметам потребления Словцов отнес: хлеб, молоко, мясо и одежду. Сделав расчеты, исследователь выводит потребность в муке на летние месяцы в 15 пудов, по три пуда в месяц, зимой, с учетом более скудных возможностей пополнения рациона отмечает, что хлеба потребуется вдвое более. Соответственно на период оседлого пребывания на зимовке семья из 5 человек потребляла не менее 42 пудов муки, суммируя это теплым периодом получает цифру в 57 пудов. Далее делается подробный расчет по стоимости такого продукта, указывает если будет закуплена в половинной пропорции ржаная и пшеничная мука, со средней стоимостью по 40 и 60 коп, то необходимо будет потратить 28 руб. 50 коп.

Потом Словцов переходит к анализу потребления молочных продуктов, указывая, на то, что летом обычно питаются продуктами лошадиного, молочного хозяйства, в зимнее время больше едят продуктов из коровьего молока. В расчёте на количество 5 человек указывает, что на каждый летний день необходимо ведро лошадиного молока и $\frac{1}{2}$ ведра коровьего, в зимний день 1,5 ведра коровьего молока. Потребность в год для питания одной семьи составит 150 ведер лошадиного и 390 ведер коровьего молока. При этом отмечается, что лошадь в день дает $\frac{3}{10}$ ведра, что в расчёте на полугодовой период лактации составит 54 ведра, следовательно семье для того, чтобы получить минимально необходимое количество лошадиного молока необходимо иметь не менее 3 лошадей. Аналогичные расчеты проведены и по коровьему молоку. По мнению Словцова, чтобы получить минимально необходимое для пропитания количество коровьего молока казахской семье из 5 человек необходимо 4 коровы. Не забыто и то, что для приготовления курта нужно овечье молоко, получить необходимое количество, которого можно не менее чем от 10 овец. Т.е. Словцов рассчитал, что семье кочевника необходимо, для обеспечения своих потребностей в молочных продуктах иметь минимально стадо из 3 кобыл, 4 коров и 10 овец. Принимая во внимание, что необходимо пережить 7 зимних месяцев, Словцов включает в расчет одного двухлетнего жеребенка, одного производителя и двух бычков различных возрастов. По его логике так семья получает возможность сделать запасы продовольствия и одежды на холодный сезон. Таким образом, в расчет стада, которое способно обеспечить существование одной семьи принимает: «5 лошадей, 6 коров и 10 баранов. [...] из приплода ежегодно два бычка могут быть отделяемы на мясо, которого необходимо до 30 пудов в зиму, а старая лошадь и корова, два жеребенка и теленок пойдут в продажу для покрытия расходов хозяйства. [...] расходы состоят из приобретения муки на 28 руб. 50 коп, одежды приблизительно на 20 руб., уплаты земских и кибиточных сборов. [прибавим] на случай упадка скота, еще двух двухлетних лошадей, то получится хозяйство, вполне обеспечивающее семью из пяти душ» [2, с. 24-25].

Заметки Словцова очень напоминают современные расчеты о минимальной продовольственной корзине, на основании которой формируется социально-экономический профиль государственных расходов. Такой расчет был особенно важен для современников, потому что позволял понимать принципы экономической организации

общества на вновь включенных в состав империи территориях. Эти расчеты показывают, насколько важно было точно оценивать количество и стоимость необходимых ресурсов для выживания. Словцов тщательно анализирует минимально необходимый состав стада и расчеты на продовольствие, что подтверждает его понимание как важность рационального управления хозяйством, так и сакральную ценность скота для казахов.

В своем путевом дневнике Словцов приводит статистику по жителям и поголовью скота в Кокчетавском уезде. Жителей на период его путешествия было 59145 человек, а скота 305520 голов. Фактически на одного человека приходилось по 5,1 животного. Интересно то, что эти данные вполне коррелируются с расчетами Словцова, который рассчитал минимально необходимое для жизни количество скота на одного кочевника в 4 единицы.

А то, что расчет Словцова был релевантен подтверждается тем, что число зарегистрированных кибиток в Кокчетавском уезде составляло 11605 шт., и если рассчитать эту цифру к числу жителей, то получается то, что на каждую кибитку приходилось по 5 человек. А сам Словцов получает эту же цифру, разговаривая со своим информантом Акылбеком. Не обошел вниманием исследователь и то, что в Кокчетавском уезде проживают примерно 10% богатых казахов, чьи стада насчитывали тысячи голов. Соответственно уровень обеспечения продовольствием населения в уезде можно считать адекватным [2, с. 26].

Еще одно примечательное замечание Словцова это вычисление пространства в Кокчетавском уезде, которое необходимо для кочевого скотоводства, и эта площадь составляла для 5 человек обеспечиваемой 23 животными не менее 184 десятин лугового пространства. Далее с учетом количества скота в Кокчетавском уезде Словцов делает вывод, что прокормить такое поголовье возможно на территории не менее 2442080 десятин. С учетом идущего уже переселения, тут же сделано сравнение с оседлым землепользованием. «Будь население оседлым с наделов в 20 десятин, для него бы потребовалось пространства в 9 раз меньше» [2, с. 41-42]. Причем тут Словцов не оригинален, уже шло переселение, и территории новых земель были нужны для размещения тех, кто покидал центральные губернии России, страдающие от земельного голода.

Помимо оценки экономической эффективности хозяйства кочевника у Словцова есть аналогичные расчёты по земледельцам. Так, по его мнению, центром земледельческой промышленности всего

Кокчетавского уезда нужно считать окрестности Щучинского поселка и близлежащей Котуркульской станицы. Уровень обработки почв он оценивает как примитивный. Приводятся расчеты наделов, указано, что казакам при условиях общинного владения полагалось по 40 десятин на каждую душу мужского пола. При этом наделы обрабатывались в отдельности, от 2 до 100 десятин. «На десятину (60 на 40 сажений) высаживается пшеницы 8 и 10 мер, ячменя 10 и 12 мер, ярицы 8 и 10, ржи 6 и 7 и овсе 16 мер. При переложном хозяйстве на каждую десятину в течении 5 лет сеют пшеницу, затем рожь, овес, ячмень или ярицу и только после 8-летнего ежегодного посева на одной и той же земле она остается под паром» [2, с. 51].

Сравнение с кочевым образом жизни показывает, что у земледельцев есть потенциал для стабильного производства, но из-за недостаточной обработки и устаревших методов сельского хозяйства их продуктивность ограничена. Информация о распределении земли и методах ведения хозяйства помогла царской администрации в части выбора приоритетов для повышения продуктивности и интеграции различных форм хозяйствования в общеимперскую систему хозяйства.

Результаты

Статистика, как инструмент исследования, предоставляет точные данные, позволяющие глубже изучить структуру и динамику экономики. Изучая записки Словцова становится понятным то, как развивался Кокчетавский уезд, какая продукция производилась, как распределялся прибавочный продукт, что обуславливало тенденции потребления. Статистика потребления была важным инструментом для российского правительства, помогая определять нужды населения и планировать распределение ресурсов.

Таким образом, путевые записки И.Я. Словцова представляют собой комплексный исторический источник, который сочетает в себе элементы географии, зоологии, ботаники и этнографии, статистики и экономики предоставляя всесторонний взгляд на Кокчетавский округ и его окрестности в конце XIX века.

Можно отметить весьма примечательный аспект данных заметок. И.Я. Словцов был одной из ключевых фигур в Западно-Сибирском Отделении Императорского Русского Географического Общества. Понятно, что его труды – это работа ученого, на службе государства. Благодаря множеству экспедиций, который империя направляла в разные части своей увеличивающейся территории формировались

не только управленческие принципы, но и понимание уникальности регионов. В случае с путешествием в Кокчетавский уезд можно даже видеть, как учитывались специфические особенности организации хозяйства.

Земли Северного Казахстана были богаты пастбищами и природными ресурсами, что делало их привлекательными. Это способствовало экономическому освоению региона и усилению российского влияния. Изучая заметки Словцова можно сделать вывод о том, что для Российской империи Северный Казахстан имел стратегическое значение, важно было понять как организовать управление и экономическое планирование.

Знание исторических особенностей и традиционных укладов жизни в регионе помогает лучше понять современные процессы и вызовы, стоящие перед Северным Казахстаном. Сохранение и изучение таких источников важно не только для исторической науки, но и для формирования стратегического подхода в современных казахстанско-российских отношениях. Исторические связи и понимание взаимовлияния двух стран помогают в развитии взаимовыгодного сотрудничества в экономике, культуре и политике. Понимание общей истории и опыта прошлого способствует укреплению доверия и формированию устойчивых партнерских отношений между Казахстаном и Россией в современном контексте. Такой подход способствует успешному решению общих проблем и реализации потенциала сотрудничества в условиях глобальных вызовов.

Заключение

Путевые заметки Словцова не только фиксируют исторические реалии, но и помогают выявить уникальные этнокультурные характеристики региона, что важно для его современного развития. Словцов уделял большое внимание детальному анализу экономической деятельности, особенно в контексте кочевого и оседлого хозяйств, что позволяет лучше понять адаптацию местных обществ к природным и социальным условиям. Его расчеты, напоминающие современные методики оценки продовольственной корзины, подчеркивают необходимость рационального управления ресурсами и способствуют пониманию исторических основ социально-экономической организации. Это знание важно для формирования эффективных стратегий развития, учитывающих исторический опыт и традиционные уклады жизни.

Изучая наследие Словцова в очередной раз важно поднимать вопрос всестороннего осмысления истории взаимодействия Казахстана и России, это способствует укреплению отношений, делая их более взаимовыгодными. Зная все исторические нюансы, можно формировать новые подходы к решению совместных задач, таких как развитие инфраструктуры и культурный обмен, что является важным элементом сотрудничества в рамках формирования многостороннего миропорядка.

Так, работа статского советника И. Я. Словцова, изданная почти 200 лет назад, продолжает оказывать влияние на современные исследования, предоставляя богатый материал для анализа и понимания многогранности исторического развития региона. Эти исследования важны как для историков, так и для политиков и экономистов, занимающихся стратегическим планированием и развитием регионального сотрудничества между Казахстаном и Россией.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Словцов И.Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 году. - Омск, 1881

[2] Обзор Акмолинской области / Акмолинский обл. стат. ком. – Омск: тип. Акмолин. обл. правления, за 1878 год. – [1879]. – [37] с.

[3] Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – СПб.: А. С. Суворин, 1895-1902.

[4] Щербинин А. И. Любите свой край родной, знайте его историю. – <https://kokshetoday.kz/lyubite-svojj-kraj-j-rodnoj-znajjte-ego-istoriyu-chast-pervaya>.

[5] Вибе П. П., Захарова Н. А. Научная деятельность Ивана Яковлевича Словцова // Известия ОГИК музея – Омск, 1999. – № 7.

[6] Статистика регионов РК. Бюро национальной статистики. <https://stat.gov.kz/ru/region/>.

[7] Северный Казахстан. https://www.orexca.com/rus/kazakhstan/regions/northern_kazakhstan.htm.

[8] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии). https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=81.

REFERENCES

- [1] Slovtsov I.IA. Putevye zapiski, vedennye vo vremia poezdki v Kokchetavskii uezd, Akmolinskoi oblasti, v 1878 godu [Travel notes written during a trip to Kokchetavsky uyezd, Akmola region, in 1878], Omsk, 1881 [in Russ.].
- [2] Obzor Akmolinskoi oblasti / Akmolinskii obl. stat. Kom [Review of the Akmola region]. Omsk: tip. Akmolinskogo obl. pravleniia, za 1878 god, [1879], [37] s. [in Russ.].
- [3] Vsiia Rossiia. Russkaia kniga promyshlennosti, trgovli, selskokhoziaistva i administratsii: torgovo-promyshlennyi adres-kalendar Rossiiskoi imperii [The whole of Russia. The Russian Book of Industry, Trade, Agriculture and Administration: commercial and industrial address-calendar of the Russian Empire]. SPb.: A.S. Suvorin, 1895-1902 [in Russ.].
- [4] Shcherbinin A. I. Liubite svoi krai rodnoi, znaite ego istoriiu [Love your native land, know its history]. <https://kokshetoday.kz/lyubite-svojj-kraj-j-rodnoj-j-znaj-jte-ego-istoriyu-chast-pervaya/> [in Russ.].
- [5] Vibe P.P., Zakharova N.A. Nauchnaia deiatelnost Ivana Iakovlevicha Slovtsova [Scientific activity of Ivan Yakovlevich Slovtsov]. Izvestiia OGIK muzeia, 1999. – № 7 [in Russ.].
- [6] Statistika regionov RK. Biuro natsionalnoi statistiki [Statistics of the regions of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National Statistics]. <https://stat.gov.kz/ru/region/> [in Russ.].
- [7] Severnyi Kazakhstan [Northern Kazakhstan]. https://www.orexca.com/rus/kazakhstan/regions/northern_kazakhstan.htm [in Russ.].
- [8] Pervaia Vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Nalichnoe naselenie v guberniakh, uezdakh, gorodakh Rossiiskoi Imperii (bez Finliandii) [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897. The available population in the provinces, counties, and cities of the Russian Empire (excluding Finland)]. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=81 (accessed 08/02/2024) [in Russ.].

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӨНІРЛІК ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (И. Я. СЛОВЦОВТЫҢ ЖОЛ ЖАЗБАЛАРЫ МЫСАЛЫНДА)

*Мармونتova Т.В.¹

*¹ тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
Әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдары жоғары мектебі
Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан
e-mail: marmontova@mail.ru

Аңдатпа. Қазақстан – өз өңірлерінің феномені барынша дамыған географиялық кеңістіктердің бірі. Халықаралық тұрғыдан алғанда, ел

көрші мемлекеттерді ескере отырып, геосаяси тұрғыдан алуан түрлі елдердің бірін ұсынады. Солтүстік Қазақстан бойынша зерттеулер қазіргі заманғы жаһандық өзгерістер мен дамудың жергілікті ерекшеліктеріне қызығушылықтың артуы тұрғысынан өзектілігін арттыруда.

Мақалада Иван Яковлевич Словцовтың Солтүстік Қазақстанның XIX ғасырдың аяғындағы әлеуметтік-экономикалық және мәдени дамуына қатысты зерттеулерінің мәні қарастырылады. Зерттеу жұмысының мақсаты Словцовтың жол жазбаларының негізінде өңірдің дамуына әлеуметтік-экономикалық және мәдени факторлардың әсерін талдау болып келеді. Зерттеу жұмыстарының негізгі міндеттері оның шығармаларының тарихи дереккөз ретіндегі құндылығын анықтау, өңірдің әлеуметтік-саяси және экономикалық жағдайларын бағалау және осы зерттеулердің тарихи география мен әлеуметтік-экономикалық тарихты бұдан әрі зерттеуге қалай ықпал ететінін көрсету мәселелерін қамтиды. Зерттеу жұмысы Солтүстік Қазақстан өңірінің стратегиялық дамуын тарихи контексте түсіну үшін де, сондай-ақ оған бүгінгі күнгі талдау жасауы үшін де маңызды.

Зерттеу әдістемесі салыстырмалы тарихи тәсілге негізделген, сондай-ақ саяхат жазбаларын талдауды, сонымен қатар оларды басқа тарихи дереккөздермен салыстыруды қамтиды. Зерттеудің негізгі нәтижелері Словцовтың өңірдің экономикалық және әлеуметтік жағдайларын қалай түпкілікті талдағанын көрсетеді, бұл қазіргі зерттеушілерге көшпелі және отырықшы қоғамдардың өмірі туралы жан-жақты түсінік алуға мүмкіндік береді.

Зерттеу көшпелі және отырықшы мәдениеттердің өзара іс-қимылын көрсете отырып, Солтүстік Қазақстанның тарихи географиясы мен этнографиясын түсінуге елеулі үлес қосады. Зерттеу барысында қол жеткізілген деректерді жоспарлау және өңірдің әлеуметтік-экономикалық саясатын жақсарту үшін пайдалану мүмкіндігі жұмыстың практикалық құндылығы боблып табылады.

Тірек сөздер: Солтүстік Қазақстан, Иван Словцов, жол жазбалары, тарихи география, көшпелі қоғам, әлеуметтік-экономикалық даму, әкімшілік реформалар, этномәдени ландшафт

REGIONAL PECULIARITIES OF NORTHERN KAZAKHSTAN (ON THE EXAMPLE OF I. YA. SLOVTSOV'S TRAVEL NOTES)

* Marmontova T.V.¹

*¹ Candidate of Historical Sciences, associate professor, The high School
social-humanitarian studies, "Astana" international university
Astana, Kazakhstan, e-mail: marmontova@mail.ru

Abstract. Kazakhstan is one of the geographical spaces where the phenomenon of its regions is most developed. From an international point of view, the country is one of the most diverse in terms of geopolitics, taking into account its neighboring States. Research on Northern Kazakhstan is becoming increasingly relevant in the context of modern global changes and growing interest in local development features.

This article examines the significance of the research conducted by Ivan Yakovlevich Slovtsov regarding the socio-economic and cultural development of Northern Kazakhstan in the late 19th century. The study aims to analyze the impact of socio-economic and cultural factors on the region's development, drawing on Slovtsov's travel notes. The main objectives include determining the value of his work as a historical source, evaluating the region's socio-political and economic conditions, and demonstrating how these studies can contribute to further research in historical geography and socio-economic history. The work is significant for understanding both the historical context of the region and the contemporary analysis of Northern Kazakhstan's strategic development.

The research methodology is based on a comparative-historical approach and includes an analysis of the travel notes as well as a comparison with other historical sources. The main findings of the study show how Slovtsov thoroughly analyzed the region's economic and social conditions, providing modern researchers with a comprehensive understanding of the lives of nomadic and sedentary societies.

The study makes a significant contribution to the understanding of the historical geography and ethnography of Northern Kazakhstan, reflecting the interaction of nomadic and sedentary cultures. The practical value of the work lies in the potential use of the obtained data for strategic planning and improvement of the region's socio-economic policy.

Keywords: Northern Kazakhstan, Ivan Slovtsov, travel notes, historical geography, nomadic society, socio-economic development, administrative reforms, ethnocultural landscape

Статья поступила 07.08.2024 г.

UDC 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.012>

IRSTI 11.25.91

THE ROLE OF TRANSPORT CORRIDORS IN STRENGTHENING IRANIAN REGIONAL COOPERATION IN CENTRAL ASIA

* Altynbek A.¹, Jakubayeva S.²

^{*1}Senior lecturer, Turan University, Almaty, Kazakhstan

e-mail: a.altynbek@turan-edu.kz

²Research Fellow, George Washington University, Washington, USA

e-mail: saltanat.jakubayeva@gwu.edu

Abstract. The role of transport corridors in strengthening regional cooperation in Central Asia is critical, especially in the context of Iran's evolving foreign policy. Amidst the backdrop of the Russian-Ukrainian confrontation and the expansion of major infrastructure projects like the International North-South Transport Corridor (INSTC), Iran's strategic initiatives in Central Asia have gained prominence. This article aims to explore how transport corridors can enhance Iran's regional influence and cooperation with Central Asian countries.

The main question addressed is: how do these transport corridors contribute to regional stability and economic integration? The hypothesis is that Iran's active participation in developing these corridors, particularly through key projects like the Chabahar Port, not only boosts trade and connectivity but also counters geopolitical isolation and fosters long-term regional cooperation. The research utilizes the theory of regional integration and interdependence, supported by qualitative content analysis of documents, texts, and expert interviews related to regional transport strategies.

The findings indicate that efficient transport infrastructure is fundamental for economic development and political stability in Central Asia. Iran's collaboration with Russia and China further amplifies the benefits of these corridors, providing a strategic counterbalance to Western influence. Ultimately, the study highlights that Iran's role in Central Asia is pivotal for broader regional integration and sustainable development.

Keywords: transport corridors, regional cooperation, economic integration, geopolitical strategy, trade routes, Iran, Central Asia, regional stability

The research in the article was carried out with grant funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the project AP22788787 “Challenges and Opportunities in the Implementation of the International Trans-Caspian Route in the Context of Ensuring the National Interests of Kazakhstan”.

Basic provisions

Today, Central Asia serves as an important region of cooperation and interaction between the world's major players. Iran's participation in these processes is inevitable. Since, historically, the country actively participated in significant events that shaped the modern development of Central Asia. This region is a relatively safe zone for Iran because there is no direct hostility towards it from regional actors.

Iran's policy in Central Asia is gaining momentum amidst the backdrop of the Russian-Ukrainian confrontation. Central Asian republics are landlocked with no access to open sea. They depend on their neighbors, including Iran, to transport commodities to and from the outside worlds.

Introduction

The development of transport infrastructure contributes not only to increasing trade turnover but also to strengthening cultural and social ties between countries. In the context of globalization and increasing interdependence of states, efficient transport systems become the basis of a stable and prosperous region. Often, location has played a decisive role in the fate of entire countries and peoples.

Iran's maritime borders include the Persian Gulf and Gulf of Oman in the south, and the Caspian Sea in the north, making it an important geopolitical and geostrategic center. While surrounded by many coastal neighbors, Iran has not fully leveraged its potential ties. Today, Iran is taking steps to exploit its potential, especially in Central Asia. Iran's ocean Chabahar Port not only enhances cooperation between Central Asian countries and Iran but also provides better access to the open waters of the world. In addition, the North-South corridor can improve Iran's regional strategy and develop closer relationships between Iran and the countries of Central Asia [1].

International transport corridors represent not only transport and logistics, but also economics and politics. The location and natural conditions of the countries through which transport corridors pass determine their socio-economic and political significance.

Central Asia is an important space for cooperation between Iran's main partners and allies – Russia and China. In addition, two key routes of the Belt and Road Initiative pass through its countries. Therefore, the significance of this region for Iran is evident in terms of bypassing international sanctions and overcoming international isolation.

Description of materials and methods

The purpose of the article is to analyze the impact of transport routes on strengthening regional cooperation between Iran and Central Asian countries. To achieve this goal, an analysis of scientific works devoted to the development of transport corridors and their impact on strengthening economic and political ties between countries was carried out. The article also highlights Iran's political and economic interests in Central Asia, taking into account energy and logistics factors. Particular attention is paid to the modern foreign policy of Iran, as well as the influence of Russia and China on this cooperation.

The methodological basis of this study is the theory of regional integration and the theory of interdependence. Interdependence theory posits that states depend on each other economically and politically, creating incentives for cooperation. Regional integration, in turn, is a form of such cooperation where states join forces to achieve common goals and enhance their collective stability and prosperity.

Keohane, one of the founders of liberal institutionalism, studied how states can cooperate on equal terms, avoiding domination. Unlike the narrow approach of realists, liberal institutionalists tend to take economic factors into account. According to Keohane [2], states can cooperate on equal terms, avoiding dominance by one party. Interdependence arises from the opportunities that cooperation provides and the increased wealth of the partners. Maintaining and increasing prosperity depends on international political cooperation, making violence irrelevant. Thus, the interdependence of states promotes peace [3].

Joseph Nye argues that the new world order should be based on multi-level interdependence of states. However, interdependence has its drawbacks. The more a state gains from trade, the more dependent it becomes on others. Asymmetrical interdependence can have serious consequences. Interdependence links the well-being of countries to the policies of others, which they cannot control. The benefits acquired can be offset by the loss of economic and political independence [4].

Regarding regional cooperation, the theory proposed by Louis J. Cantori and Steven F. Spiegel stands out. They describe regional integration as a process driven by neighboring countries' desire to collaborate within a component system of the larger international framework [5]. To achieve effective regional integration, they emphasize the importance of frequent interactions, exchanges, and communication among people as essential indicators of success [6]. Moreover, Cantori and Spiegel assert that the political, economic, and social connections established through these interactions help create a more cohesive and stable regional environment, fostering long-term cooperation and reducing the likelihood of conflict.

The research also includes content analysis of official documents, statistical data, and political reports related to the Central Asian region, as well as those concerning Iran.

Literature review

The literature review brings together ideas from well-known researchers such as R. Keohane [2] and J. Nye [4], who delve into the role of international institutions and the global political economy in shaping both cooperation and conflict. Additionally, the work of L. Cantori and S. Spiegel provides a detailed examination of regional politics and various systemic approaches within international relations [5].

The article also analyzes Iran's significant political and economic interests in Central Asia, with a particular focus on energy and logistics, as explored in A.V. Grozin's study [7]. This perspective highlights how these factors influence Iran's strategic engagements in the region.

Furthermore, the study underscores the importance of regional cooperation within the Economic Cooperation Organization (ECO), as discussed by Amir Abdollahian [8], and critically assessed in V. Schensnovich's analytical overview. These analyses provide valuable insights into the political and economic dimensions of Iran's regional strategies and engagements.

Mesamed's (2008) exploration from 2008 examines Iran's interactions with Central Asian states, offering contextual understanding of Iran's regional economic and political initiatives within a broader international framework.

Results

After the collapse of the bipolar world, Iran's traditional foreign policy became irrelevant in the new system of international relations. Previously,

Iranian policy was based on the principle of “Neither West, nor East”, which lost its significance with the disappearance of the Eastern Bloc. Changes in the geopolitical situation have affected the Iran-Iraq-Saudi Arabia triad, reducing its importance of this region as a source of danger and threats. Instead, threats to Iran emerged from Israeli military statements and the presence of American troops on Iran’s borders [9].

According to A. Grozin, the region’s republics and Iran have mutual interests and dependence. The further development of these relations will allow Iran to break out of isolation, benefit from economic, and trade relations with the region. Meanwhile, Central Asian countries, which lack access to international waters, can address their transport and energy problems through these strengthened ties [7].

From 1990’s Iran established diplomatic relations with Central Asian republics. From the outset of their diplomatic relations with Iran, the Central Asian states resisted Iran’s agenda of promoting the Islamic revolution in Muslim countries. During Hashemi Rafsanjani’s presidency, Iran’s foreign policy shifted away from its revolutionary aspirations toward a more pragmatic approach, even though there had been previous efforts to export the Islamic revolution to Tajikistan. This shift was especially evident in economic initiatives, with a focus on fostering regional partnerships, particularly in the energy sector. Among these efforts, a prominent project aimed to link the Turkmenistan-Turkey gas pipeline through Iran. However, this initiative was not implemented due to the Turkmen administration’s refusal to participate in the project [10].

Since the Islamic Revolution, Iran has worked hard to build relationships with neighboring countries through various regional organizations. Similarly, Russia started bringing together former Soviet countries and some Asian states into organizations like the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Eurasian Economic Union (EAEU), and the Collective Security Treaty Organization (CSTO). These efforts aimed to regain influence lost after the USSR fell apart and to push back against Western influence in those regions. In response, Iran showed a keen interest in cooperating with these integration associations [11].

After the Islamic Revolution, the new regime abandoned the Central Treaty Organization (CENTO) due to its alignment with Western foreign policy. In its place, Turkey, Iran, and Pakistan formed the Economic Cooperation Organization (ECO) in 1985, aiming to establish a dynamic and efficient regional economic structure. However, Iran has tried to strengthen its relations with countries in the region. Together with Pakistan and Turkey,

Iran supported the expansion of the ECO as a result of the accession of the Central Asian republics. The organization subsequently received observer status at the UN and the Organization of the Islamic Conference.

The Economic Cooperation Organization is a significant priority for Iran in terms of regional economic cooperation. Iranian representatives have emphasized that the ECO remains a key focus for the Islamic Republic's economic collaboration with regional countries [8]. After the Central Asian countries joined, Iran sought to leverage this platform to express its anti-Western stance. However, other members were not inclined to politicize the organization and insisted on maintaining a focus on economic cooperation [12]. Today, the ECO has not yet evolved into a second European Union with a single market for goods and services or an anti-Western platform [13].

The trend towards increased activity of Iranian diplomacy in the Eurasian space is intensifying. In 2023, Iran became the ninth member of the SCO, which also includes India, Kazakhstan, Kyrgyzstan, China, Pakistan, Russia, Tajikistan and Uzbekistan. Joining the SCO symbolized the turn of Iranian foreign policy to the East.

Iran became an observer to the organization in 2005 and applied for membership in 2007, but UN Security Council sanctions prevented it. Since 2005, Iran has had observer state status in the SCO. In 2021, the process of his joining the organization began. In September 2022, at the SCO summit in Samarkand, a memorandum of Iran's obligations to join the organization was signed. In January 2023, the Iranian parliament approved a bill on a memorandum on the country's obligations necessary to obtain the status of a member of the SCO. This is Iran's first experience of participating in a multilateral organization dealing with collective security [14].

The main purpose of Iran's membership in the SCO is cooperation for regional security. Since 1991, Iran has sought to promote security in Central Asia and the South Caucasus. Examples of such efforts include mediating the Nagorno-Karabakh conflict (1991-1993), promoting peace in Tajikistan (1992-1996) and working with Russia to support the Northern Alliance in Afghanistan against the Taliban (1996-2001). Strengthening ties with other Central Asian countries is also noted.

Iran's role in ensuring the security of Afghanistan, Central Asia, the Caspian region and the South Caucasus is becoming increasingly important for the stabilization of Eurasia. Iran's entry as an official member of the SCO could strengthen the security and cultural ties of this organization, as well as contribute to its economic development. The accession of ancient

civilizations to the SCO can contribute to the formation of an Asian dialogue aimed at developing political, economic and cultural cooperation, which will lead to the creation of a joint security system.

In addition to the experience of recent decades, the Iranian President is actively resisting the influence of Western powers and developing cooperation with Russia, China and other countries in the region, which contributes to the institutionalization of these relations within the SCO.

In a challenging foreign policy environment shaped by Western sanctions, regional alliances can significantly bolster Iran's geopolitical position. Consequently, cooperation with members of these unions is critically important for Tehran. For a long time, economic sanctions from the EU and the United States hindered the development of bilateral ties, deterring businessmen from EAEU countries from engaging with Iran. However, demonstrating political resolve, a temporary agreement on a free trade zone between the EAEU and Iran was signed in 2018, two years after negotiations began, and it came into force in October 2019.

Following the agreement's activation, trade turnover between the EAEU and Iran has grown steadily, surpassing \$5 billion by 2023. In 2023, the EAEU and Iran signed a comprehensive free trade agreement, eliminating import customs duties on almost 90% of goods, covering more than 95% of mutual trade. Iran aims to increase this figure to \$10 billion following the signing of the free trade agreement. This agreement will not only strengthen trade and economic relations but also stimulate projects in transportation and communications across Eurasia.

Additionally, the agreement includes provisions for cooperation in areas such as mining, energy efficiency, research and innovation, education, medicine, and telecommunications [18]. So, A free trade zone with the EAEU helps both Iran and the EAEU. It allows Iran to reach Eurasian markets and lets EAEU goods and businesses expand into new areas in the East and the Global South.

The agreement on a free trade zone between the EAEU and Iran effectively unites the economic space from Iran to China, with which the EAEU already has a trade and economic cooperation agreement. In this context, Central Asia will gain significant importance as transport corridors will traverse this region under the framework of the EAEU and the Chinese Belt and Road Initiative.

Iran's transport strategy in Central Asia

Since ancient times, the rulers of landlocked Central Asian countries have sought to create safe and economical routes for travel and trade. Iran

can assist Central Asian republics to enter world markets. Its land and sea borders, extending approximately 5,000 km from the eastern border with Armenia to the Gulf of Oman, enable it to play a vital role in providing access to the waters of the Persian Gulf, the Gulf of Oman, and the Indian Ocean for landlocked countries like Afghanistan, Central Asia, and the South Caucasus. In this context, Iran and Central Asian countries places significant importance on the Southern Corridor project, which links regional markets to the Indian Ocean via Iranian ports.

As expert Georgiy Machatidze highlights that Iran's political relations with Central Asian states are marked by intense contacts and the expansion of legal frameworks. This means that Iran's importance as a transit country is not just about its ability to facilitate the movement of goods through its territory. It also includes the valuable role Iran plays in providing access to the internal markets of Central Asia [21]. In this regard, Iran is interested in a free trade area with the EAEU, with which it has already signed a preferential trade agreement, granting Iran access to a market of nearly 200 million people.

Regional countries have great hopes for international transport corridors, especially the International North-South Transport Corridor (INSTC). The flow of cargo along this corridor is steadily increasing, and with the shift in Russian logistics towards the East, its importance grows significantly.

Russia, Iran, and India signed an agreement on the INSTC project in 2002. This transit project is a multimodal network of sea, rail, and road routes to move goods between the three countries. It is being developed along three main routes: the middle, or trans-Caspian route via the ports of Astrakhan, Olya, and Makhachkala, the eastern route – direct rail connection through Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan with the Iranian railway network, and the western route – Astrakhan - Makhachkala - Samur, then through Azerbaijan to the planned border station Astara.

The Central Asian country Turkmenistan already has an operational railway line connecting it with Iran along the Tejen - Serakhs - Mashhad route. Container transportation from Kazakhstan to Turkey via Turkmenistan and Iran has also been established, and the Iran-Afghanistan-Tajikistan-Kyrgyzstan road transport corridor is operational.

The eastern branch of the INSTC, connected by a single railway network, is economically advantageous. In 2023, transportation reached 18 million tons, with 32% routed through the Trans-Caspian, 28% through the Eastern branch, and 40% via the Western branch. Challenges on the Western

and Trans-Caspian routes, such as the absence of direct rail links and port congestion, open up more opportunities for the Eastern line.

This eastern route is crucial as it links eastern and central Russia through Kazakhstan and Turkmenistan to Iran's southern ports, and further to India and the Arab countries on the southern Persian Gulf. Officially launched in July 2022 with the departure of the first train, this branch marked a significant milestone for commercial cargo through the INSTC.

The port of Chabahar, in the southeastern province of Sistan and Baluchistan, is closer to the eastern part of the INSTC than Bandar Abbas in Hormozgan province are. Chabahar is Iran's only ocean port and could become one of the world's top ten megaports. However, it has faced sanctions for many years. During the presidency of Afghanistan's former leader Ashraf Ghani, the sanctions were temporarily lifted to help Kabul.

Political scientist Farkhod Karimov highlights that the key factor is the position of the West and the United States. Washington might consider easing sanctions on Iran as part of India's strategy, recognizing India's role as a significant regional player capable of countering China, the US's main rival. Chabahar is the first foreign port to come under Indian management. Despite generally tense relations with Iran, the United States made an exception for Chabahar, exempting it from sanctions, likely to maintain positive relations with India.

Seeing the strategic advantages of Chabahar, which offers access to Afghanistan, the southern post-Soviet region, and the vast Euro-Asian area, India decided to invest in it over twenty years ago. Talks with Iran about jointly developing the port began in 2003, but the project was delayed for years because of international sanctions on Tehran. In 2016, Indian Prime Minister Narendra Modi, announced that Delhi would invest \$500 million in Chabahar's port infrastructure.

In May 2016, India signed an agreement with Iran and Afghanistan to build the Shahid Beheshti terminal at Chabahar port, which became operational in 2018. This project has enabled the delivery of 2.5 million tons of wheat and 2,000 tons of legumes from India to Afghanistan through Chabahar port in recent years.

In 2024, India signed a ten-year agreement with Iran to operate the Chabahar port in the Indian Ocean. India Ports Global (IPGL) will manage transit operations for Indian goods through this port to Afghanistan and Central Asia and back. Indian media call Chabahar a "trade gateway" to Central Asia. This port could become an alternative to Pakistan's strategic port of Gwadar, which is currently the main hub for cargo between China

and Central Asia with the Indian Ocean. Iranian officials have noted that the Chabahar port could play a pivotal role in completing the construction of North-South Corridor.

Discussion

Benefits of transport corridors for participating countries

Iran's position and role as a major regional power have significantly changed in recent years. Responding to US sanctions, Iran is diversifying its foreign trade, focusing on Eurasian countries, especially China, as its main economic partners. Improved transport infrastructure is expected to boost trade between Russia, Central Asia, Iran, and India.

Iran, Russia, China, and India aim to be active players in Central Asia. Internationally, these countries support each other despite Western criticism. Historically, in 1998, Russia proposed a strategic triangle with China and India, which Iran later showed interest in joining. Although this specific alliance did not materialize, Russia, China, Iran, and other countries opposing the current global order often support each other in international forums, especially at the UN, driven by their common opposition to the American-led order. Russia opposes NATO expansion, Iran opposes the American presence in the Middle East, and China opposes the AUKUS alliance in the Pacific, with each supporting the other's positions.

However, there are serious challenges to forming a stable alliance. Iran's nuclear program is a major concern, as neither Russia nor China wants another nuclear power in the region, although they support Iran's civilian nuclear development. Russia's invasion of Ukraine has further strained relations, with Russia turning to Iran for economic and military support due to Western sanctions, but this also leads to potential clashes over oil market shares. China's position is complicated by its principle of territorial integrity, making it wary of fully supporting Russia's actions in Ukraine. Moreover, economic interdependence with the West limits China's willingness to confront the United States and its allies.

The need for alternative logistics routes has been particularly evident during the COVID-19 pandemic and the 2021 Suez Canal crisis. The escalation of the conflict in Ukraine has intensified competition between the EAEU and the EU for the economic integration of Eastern Europe. The North-South transport corridor is crucial for the EAEU and the SCO as an alternative path for economic development and a counter to the European Union's influence. Since May 2018, following the signing of a free trade agreement with Iran, countries along this corridor have shown interest in

cooperating with the EAEU, and similar negotiations are underway with India.

The importance of the SCO and its member countries along the North-South corridor lies in their potential for increased integration. Opportunities include regionalization, improved economic and political ties, reduced tensions, and sharing economic and commercial benefits. The SCO covers half the world's population and includes major energy producers and consumers such as Iran, Russia, and China, with a combined economy of \$23 trillion and domestic trade of more than \$300 billion. These countries also hold significant reserves of rare minerals.

Political scientist Nargiza Umarova emphasized that the nearby ports of Gwadar and Chabahar are in competition, as they are supported by major powers like China and India. India's interest in Chabahar is a source of concern for Beijing. In this context, China might involve itself through the mediation of Islamabad (KUN, 2024). Kazakhstan and Uzbekistan have expressed interest in using the Chabahar port to supply their goods to India. India's trade with Central Asia is only \$2 billion, while China's trade with the region has reached \$90 billion. India seeks routes to Central Asia that bypass rivals China and Pakistan, making the Iranian port crucial for the country. Kazakhstan is strengthening relations with India using the Chabahar port, aiming to connect its railway network with Iran's railways for cost-effective and fast access. Kazakhstan plans to export agricultural products through Chabahar, building warehouses and facilities in the port. Participation in China's Silk Road project also opens opportunities for Kazakhstan [7].

Chabahar is vital for Uzbekistan's foreign trade, offering a chance to diversify trade routes. Uzbekistan also seeks access to Pakistan through Afghanistan and explores alternative routes, mindful of partners like Turkmenistan. Uzbekistan plans to invest in the Chabahar Free Economic Zone and connect its railways with Afghanistan for better access to Iran. Turkmenistan also shows interest in Chabahar for global market access, with two border crossings linking it to Iran's railway network.

Tajikistan and Kyrgyzstan, being landlocked and having weak economies, also need access to Chabahar to diversify their economic ties. To implement this project, international investment is needed, especially from China, which has proposed connecting China with Iran through Central Asia.

Strategic use of transport corridors underscores Iran's pivotal role in Central Asia's development. By enhancing regional connectivity and

economic interdependence, Iran contributes to a more integrated and stable region, promoting long-term peace and cooperation.

The development of transport corridors plays a crucial role in enhancing regional cooperation between Iran and Central Asian countries. Given the strategic significance of Central Asia, both economically and geopolitically, Iran's active participation in establishing and promoting transport infrastructure has fostered stronger economic ties and political relationships within the region.

Conclusion

Central Asian countries, landlocked and reliant on neighboring states for access to global markets, benefit significantly from Iran's strategic positioning. The ports of Chabahar and Bandar Abbas serve as vital gateways, facilitating the flow of goods and resources. The North-South Corridor exemplifies how transport routes can transform regional dynamics by providing efficient, cost-effective pathways for trade.

Iran's foreign policy, shaped by interdependence and regional integration theories, underscores the mutual benefits of cooperation. By leveraging its geographical advantages and aligning its transport strategy with regional needs, Iran supports the economic development of its Central Asian neighbors. This cooperation not only enhances trade but also strengthens cultural and social ties, contributing to regional stability and prosperity.

The collaboration within frameworks like the Economic Cooperation Organization (ECO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) illustrates Iran's commitment to regional integration. Despite challenges, such as international sanctions and geopolitical tensions, Iran continues to seek innovative solutions to enhance its regional influence and economic resilience.

REFERENCES

- [1] Koolae E., Emami Ivaki N.A. The position of Chabahar in deepening cooperation between Iran and Central Asia // Journal of Comparative Economic Policy. – 2024. - № 2. – P. 273-298.
- [2] Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy // Princeton University Press. -1984. <https://press.princeton.edu/books>
- [3] Keohane R. International Institutions and state Power: Essays in International Theory // Westview Press: Routledge, 1989.

[4] Nye Joseph S., Jr. What New World Order? // Foreign Affairs. - 1992. - Vol. 71, No. 2.

[5] Cantori L.J., Spiegel S. F. International Politics of Regions: A Comparative Approach. - NJ: Prentice-Hall, 1970.

[6] Cantori L.J., Spiegel S.F. The Analysis of Regional International Politics: The Integration versus the Empirical Systems Approach // International Organization. - 1973. - № 27(4). - P. 465-494.

[7] Grozin A.V. Politics and interests of Iran in central Asia considering energy and logistic factors // Geoeconomics of Energy. - 2020. - №3. <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-i-interesy-irana-v-tsentralnoy-azii-s-uchyotom-energeticheskogo-i-logisticheskogo-faktorov>

[8] Amir Abdollahian. ECO is one of the top priorities of Iran's economic cooperation. - Mehr News Agency. - 2023. – 10.11.2022. <https://en.mehrnews.com/news/193484/ECO-one-of-Iran-s-top-priorities-for-economic-coop>

[9] Schensnovich V. N. Historical and Religious Heritage of Iran and Social Policy of the Country at the Present Time // Russia and the Moslem World. – 2021. – N 3 (313). – 125 p.

[10] Atai F., Azizi H. The Energy Factor in Iran-Turkmenistan Relations // Iranian Studies. - 2021. - 45(6).

[11] Dunaeva E. V. Iran and integration processes in Eurasia // Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. - 2017. – N 5. – P. 188-203.

[12] Mesamed V. I. Iran and the participation of Central Asian states in IVF // IIMES. – 2008. – July 5. <http://www.iimes.ru/?p=7129>

[13] TRT Russian. Economic Cooperation Organization: regional breakthrough in Ashgabat, 2024. <https://www.trtrussian.com/mnenie/organizaciya-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-regionalnyj-proryv-v-ashhabade-74>

[14] Ebrahimitorkaman A. Iran's accession to the SCO: Energy and Socio-political aspects. // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Political science. History. International relations». - 2020.- № 4.

ИРАННЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ АЙМАҚТЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫН НЫҒАЙТУДАҒЫ КӨЛІК ДӘЛІЗДЕРІНІҢ РӨЛІ

***Алтынбек А.¹, Джакубаева С.Т.²**

***¹ аға оқытушы, Тұран университеті, Алматы, Қазақстан**

e-mail: a.altynbek@turan-edu.kz

² PhD докторы, ғылыми қызметкер

Джордж Вашингтон университеті, Вашингтон, АҚШ

e-mail: saltanat.jakubayeva@gwu.edu

Аңдатпа. Иранның дамып келе жатқан сыртқы саясаты контекстіндегі Орталық Азиядағы аймақтық ынтымақтастықты нығайтудағы көлік дәліздерінің рөлі маңызды екені сөзсіз. Ресей-Украина қарама-қайшылықтарының ушығуы және Халықаралық Солтүстік-Оңтүстік көлік дәлізі (INSTC) сияқты ірі инфрақұрылымдық жобалардың кеңеюі жағдайында Иранның Орталық Азиядағы стратегиялық бастамаларының өзектілігін арттыра түсті. Бұл мақала Иранның аймақтық ықпалын және Орталық Азия елдерімен ынтымақтастығын арттыруға көлік дәліздерінің әсерін зерттеуге бағытталған.

Зерттеудің негізгі сұрағы: Көлік дәліздері аймақтық тұрақтылық пен экономикалық интеграцияға қалай әсер етеді? Зерттеу гипотезасы – Иранның осы дәліздерді дамытуға белсенді қатысуы, Чабахар порты сияқты маңызды жобалар арқылы сауда мен байланысты арттырып қана қоймай, сонымен қатар геосаяси оқшаулануға қарсы тұрып, ұзақ мерзімді аймақтық ынтымақтастықты дамытады. Зерттеуде құжаттардың, мәтіндердің және аймақтық көлік стратегияларына қатысты сарапшылардың сұхбаттарының контент-анализ әдісімен талданған, аймақтық интеграция және өзара тәуелділік теориясы қолданылған.

Нәтижелер тиімді көлік инфрақұрылымының Орталық Азиядағы экономикалық даму мен саяси тұрақтылық үшін негіз бола алатынын зерделейді. Иранның Ресеймен және Қытаймен ынтымақтастығы осыкөлік дәліздерінің тиімділігін одан әрі күшейтіп қана қоймай, Батыстың ықпалына стратегиялық қарсы тұруын қамтамасыз етеді. Сайып келгенде, зерттеу Иранның Орталық Азиядағы рөлінің кеңірек аймақтық интеграция және тұрақты даму үшін өте маңызды екенін көрсетеді.

Тірек сөздер: көлік дәліздері, аймақтық ынтымақтастық, экономикалық интеграция, геосаяси стратегия, сауда жолдары, Иран, Орталық Азия, аймақтық тұрақтылық

РОЛЬ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В УКРЕПЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИРАНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

* Алтынбек А.¹, Джакубаева С.Т.²

* ¹старший преподаватель, Университет Туран, Алматы, Казахстан

e-mail: a.altynbek@turan-edu.kz

² Доктор PhD, научный сотрудник

Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США

e-mail: saltanat.jakubayeva@gwu.edu

Аннотация. Роль транспортных коридоров в укреплении регионального сотрудничества в Центральной Азии имеет решающее значение, особенно в контексте развивающейся внешней политики Ирана. На фоне российско-украинского противостояния и расширения крупных инфраструктурных проектов, таких как Международный транспортный коридор Север-Юг (INSTC), стратегические инициативы Ирана в Центральной Азии приобрели особую значимость. Целью данной статьи является изучение того, как транспортные коридоры могут усилить региональное влияние Ирана и сотрудничество со странами Центральной Азии.

Главный рассматриваемый вопрос: как эти транспортные коридоры способствуют региональной стабильности и экономической интеграции? Гипотеза заключается в том, что активное участие Ирана в развитии этих коридоров, особенно посредством таких ключевых проектов, как порт Чабахар, не только способствует развитию торговли и связей, но также противодействует геополитической изоляции и способствует долгосрочному региональному сотрудничеству. В исследовании используется теория региональной интеграции и взаимозависимости, подкрепленная качественным контент-анализом документов, текстов и экспертных интервью, связанных с региональными транспортными стратегиями.

Результаты показывают, что эффективная транспортная инфраструктура имеет основополагающее значение для экономического развития и политической стабильности в Центральной Азии. Сотрудничество Ирана с Россией и Китаем еще больше усиливает

преимущества этих коридоров, обеспечивая стратегический противовес западному влиянию. В конечном итоге исследование подчеркивает, что роль Ирана в Центральной Азии имеет решающее значение для более широкой региональной интеграции и устойчивого развития.

Ключевые слова: транспортные коридоры, региональное сотрудничество, экономическая интеграция, геополитическая стратегия, торговые пути, Иран, Центральная Азия, региональная стабильность

Статья поступила 08.09.2024 г.

УДК 338.47

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.013>

МРНТИ 11.25.15

ИНТЕРЕСЫ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ В ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

***Кулынтай Г.Ж.¹, Тайшанова С.Т.², Сейлхан Б.³**

***¹ PhD докторант, Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: kulynataykz@mail.ru**

**² доктор PhD, младший научный сотрудник института Джучи
Астана, Казахстан, e-mail: saltushka84@yahoo.com**

**³ магистр кафедры регионоведения, Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: balausa_95_07@mail.ru**

Аннотация. В статье рассматриваются интересы мировых держав в транспортно-коммуникационном потенциале стран Центральной Азии. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что в обострившейся ситуации на мировой арене резко возрос интерес к транспортно-коммуникационным возможностям региона со стороны мировых держав, учитывая его геополитическое положение и богатейшие сырьевые запасы. Целью исследования является анализ транспортно-коммуникационных проектов мировых держав в Центральной Азии, которые нацелены на развитие транспортной инфраструктуры и транзитных коридоров в странах региона. В качестве основного использован системный подход, позволивший

провести анализ стратегии в транспортно-коммуникационной сфере внерегиональных акторов в отношении Центральной Азии. Сложная политическая ситуация в Восточной Европе оказывает влияние на транспортные маршруты и коридоры, которые использовались ранее. К этому прибавились масштабные антироссийские санкции, которые западные страны продолжают вводить и расширять, в связи с чем, страны Центральной Азии ищут возможности переориентировать торговые пути, что обусловило активизацию помимо таких исторически значимых акторов, как США, Европа, Китай и Россия, турецко-азербайджанской двойки и Ирана. Также в условиях турбулентности геополитической обстановки мира страны Центральной Азии понимают необходимость интеграции с осознанием того, что только консолидируя усилия можно дать достойный отпор современным глобальным и региональным вызовам и угрозам безопасности, а также обеспечить транспортировку всех имеющихся у них природных ресурсов на мировой рынок. В заключении автор выделяет проблемы, которые создают барьеры в построении единой транспортной инфраструктуры региона, и предлагаются возможные решения их преодоления.

Ключевые слова: транспортно-коммуникационный потенциал, Центральная Азия, мировые державы, интересы, транспортные проекты, транспортные маршруты и коридоры, Азия, Европа

Основные положения

Находясь на перекрестке древних транспортно-коммуникационных артерий мира вдоль «Великого Шелкового Пути» Центральная Азия (ЦА) играла активную роль в соединении западной и восточной цивилизаций, способствуя в течение многих лет взаимопроникновению культурных, духовных и исторических ценностей народов, населяющих Азию и Европу. В настоящее время наблюдается рост интереса к транспортно-коммуникационным возможностям региона со стороны мировых держав.

Следует отметить положительные и отрицательные стороны географического расположения центрально-азиатского региона. Так, располагаясь на пересечении важных торговых маршрутов, соединяющих Север и Юг, Восток и Запад, центрально-азиатские страны обладают существенными экономическими преимуществами. Однако рассматриваемый регион находится между такими сильными соседями, как Россия на севере и Китай на востоке, а на юге и юго-

западе граничит с нестабильными исламскими государствами - Афганистаном, Ираном и Пакистаном.

При этом, более очевидной географической изоляцией центрально-азиатского региона, выражающаяся в нахождении на периферии мировых политических и экономических событий и отсутствие прямого доступа к международным водным путям, стала с момента обретения независимости странами ЦА. Учитывая свое геополитическое расположение, страны ЦА стремятся достичь двух основных целей. С одной стороны - укрепление сотрудничества не только между собой, но и с сильными соседями, прежде всего, Россией и Китаем. С другой - выявление новых возможностей для интеграции в мировой рынок.

В целях расширения торгово-экономического сотрудничества создаются определенные условия: железнодорожные и транспортные дороги Туркменистан-Иран, Казахстан-Китай, которые способствуют развитию сотрудничества с Азербайджаном, Афганистаном и иными странами. Но главная геополитическая особенность и преимущество региона это его богатство природными ресурсами, которое является основной причиной возрастающего интереса к нему со стороны мировых держав.

Введение

Одним из ключевых аспектов транспортной стратегии стран ЦА, ориентированной на углубление интеграции в мировую транспортно-логистическую систему, является развитие международных транспортных коридоров. Географическое расположение стран ЦА обуславливает их инвестиционную привлекательность и обеспечивает им поддержку со стороны государств, которые заинтересованы в расширении транзитных транспортных путей. Это, в свою очередь, помогает повысить эффективность управления международными перевозками при условии обязательного внедрения передовых транспортных технологий и использования современного транспортного оборудования для глобальных грузоперевозок.

Увеличение экономической важности стран Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея и др.) и Южной Азии (Индия и др.) способствует росту объемов товарооборота между западной и восточной, северной и южной частями Евразии. В связи с этим, для стран ЦА открываются новые перспективы в открытии новых транспортных маршрутов, включая транзитные.

Описание материалов и методов

В качестве основного метода был применен системный подход в анализе стратегий в транспортно-коммуникационной сфере акторов, не принадлежащих к данному региону, относительно ЦА. В работе применялись как общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, диагноз и прогноз, так и специализированные (частнонаучные) методы, включая структурный, институциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой и комплексный анализ.

Результаты

Уникальное географическое месторасположение ЦА всегда привлекало внимание, и в течение многих веков, начиная с древних времен, этот регион играл важную роль как неотъемлемая часть Великого шелкового пути, который служил стратегическим мостом между Востоком и Западом. В современных условиях отсутствие прямого доступа к большим морским портам значительно влияет на экономическую деятельность этого региона и оказывает негативное воздействие на его транспортные нагрузки. Именно поэтому транспортно-коммуникационное сотрудничество становится одним из наиболее стратегически значимых направлений для стран ЦА.

При этом, внутрирегиональное сотрудничество стран ЦА в сфере транспорта продолжает укрепляться в рамках разнообразных международных экономических и торговых объединений, транспортных организаций и союзов, а также региональных программ и соглашений. В рамках этих инициатив формулируются международные обязательства и разрабатываются общие стратегии по совершенствованию транспортной инфраструктуры региона. Следует также отметить, что в настоящее время мировое сообщество предпринимает активные шаги по восстановлению и активизации Великого Шелкового пути.

В 1993 г. была учреждена Программа международного транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия «ТРАСЕКА» (англ. TRACECA), маршрут которого, следуя от Европы (пролив Босфор, железные дороги Турции, порт Румынии – Констанца, порт Украины - Одесса) воссоздает аналог Великого Шелкового пути, пролегая через районы Черного моря (порты Грузии - Поти, Батуми), Кавказа (железные дороги Грузии и Азербайджана) и Каспийского моря (паромная переправа Баку – Туркменбаши) в страны ЦА и Китая (железнодорожные сети Туркменистана, Узбекистана, Киргизии,

Казахстана и Китая, а также китайские порты на тихоокеанском побережье). 1 декабря 2021 г. Европейская комиссия объявила о проекте Global Gateway по налаживанию взаимосвязей в международном развитии транспортных, энергетических и цифровых сетей [1, р. 7].

Сложная политическая ситуация в Восточной Европе оказывает влияние на транспортные маршруты и коридоры, которые использовались ранее. Ко всему этому прибавились масштабные антироссийские санкции, которые западные страны продолжают вводить и расширять, в связи с этим страны ЦА ищут возможности переориентировать торговые пути.

Традиционно ранее грузы, направляясь из Казахстана в Европу, проходили по сухопутному пути через Россию. Казахстан также активно использовал данные маршруты, однако вышеперечисленные факторы усложнили реализацию транспортных перевозок. Все это привело к тому, что пользователи этих маршрутов начинают искать альтернативные пути перевозок.

Так, одним из выгодных стратегических направлений сотрудничества между ЦА и Европой в области укрепления их транспортной связи является создание Срединного маршрута, также известного как Транскаспийский международный транзитный маршрут (ТМТМ). Этот международный транспортный путь охватывает территории Китая, Казахстана, проливы Каспийского моря, Азербайджана, Грузии, а затем простирается до Турции и стран Европы. ТМТМ играет все большую роль основного сухопутного направления перевозки товаров из Китая в Европу [2, р. 153]. Выделим его перспективы развития.

Новые пути доставки, характеризуются созданием альтернативных путей доставки, которые позволят поддерживать функционирование материальных потоков не только на прежнем уровне, но и в случае увеличения обеспечить их поставку.

Увеличение транзитных и внешнеторговых грузов за счет создания новых путей доставки. Привлекательность и надежность ТМТМ могут обеспечить наращивание материальных потоков.

Развитие логистической инфраструктуры. Для обработки транзитных и внешнеторговых грузов необходима хорошая инфраструктура и для ТМТМ развитие логистической инфраструктуры становится первостепенной.

Формирование логистических продуктов. Обеспечение обработки транзитных и внешнеторговых грузов требует проведение

разных операций. Развитие разных логистических услуг, которые могут востребованы на протяжении функционирования ТМТМ.

Внедрение единой технологии перевозочного процесса на протяжении функционирования ТМТМ может ускорить обработку грузов на основе единых стандартов и требований.

Развитие конкурентного транзитного потенциала всех стран-участниц обеспечено тем, что ТМТМ функционирует на территориях нескольких стран.

Внедрение единой тарифной политики позволят потребителям иметь стабильные цены на перевозку товаров на протяжении всего маршрута. Снижение административных барьеров ускорит процессы перевозки и сократит время поставок [3, с. 172].

Выгодное расположение ТМТМ в сочетании с серьезными инвестициями дают ему хорошие перспективы развития. Данный международный транспортный маршрут для многих стран ЦА может стать одним из перспективных коридоров что будет способствовать развитию экономической торговли между странами. В новых условиях геополитической обстановки роль ТМТМ, который охватывает множества стран ЦА в продвижении и развитии трансконтинентальной торговли возрастает.

К сожалению, до сих пор отсутствует согласованный подход к повышению конкурентоспособности данной транспортной артерии. Сейчас требуются тарифы, которые будут стимулировать бизнес, ответственный за основной объем перевозок. Однако, как подтверждает анализ, текущие ставки и сборы на этом маршруте на 1,5 раза превышают те, что действуют на альтернативных маршрутах в направлении «Север – Юг».

Не менее важным является рассмотрение аспектов расширения транспортной и портовой инфраструктуры в соответствии с ожидаемым ростом грузовых объемов и улучшением состояния дорожных путей. В этом контексте, создание эффективных механизмов для максимального использования потенциала ТМТМ видится актуальным.

Следует сказать и об участии США. Так, Агентство США по международному развитию (USAID) посвятило 12-ый Центрально-Азиатский торговый форум, прошедший в Астане 12 и 13 октября 2022 г., цифровизации таможенных услуг.

В 2003 году, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), была утверждена Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Этот документ определяет основные

области экономического взаимодействия, и среди них особое внимание уделяется сектору транспорта. В разные годы на встречах министров транспорта государств-членов ШОС были приняты ряд решений, направленных на содействие сотрудничеству в сфере транспорта (рис. 1) [4, с. 23-24].

2011 г.	• начата разработка проекта Программы скоординированного развития международных автомобильных дорог государств-членов ШОС
2013 г.	• достигнута договоренность уделять особое внимание опережающему развитию транспортной инфраструктуры, в частности путем реализации проектов по строительству и вводу в эксплуатацию объектов железнодорожного транспорта
2014 г.	• принято «Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок», которое упорядочило юридическую сторону многих вопросов по движению автотранспорта между государствами участниками ШОС. Целью Соглашения является устранение барьеров для международных автомобильных перевозок посредством упрощения и гармонизации документации, процедур и требований, касающихся международных автомобильных перевозок
2015 г.	• подчеркнута необходимость скорейшего принятия Программы и продолжения работы по созданию автодорожной инфраструктуры, развитию многофункциональных сервисных центров на трассах международных автомобильных маршрутов, внедрению экологических технологий

Рисунок 1 - Решения государств-членов ШОС по содействию сотрудничества в транспортной сфере

Одной из мировых держав, заинтересованных в транспортно-коммуникационном развитии ЦА является Китай, который в 2013 г. в рамках международного сотрудничества «Шелковый путь» (включает 140 стран, в т.ч. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, а также 31 международных организаций) начал реализацию стратегической программы «Один пояс – один путь» по объединению проектов морских и сухопутных путей между Европой и Китаем под общим названием Новый шелковый путь (также Евразийский сухопутный мост) [5, р. 5]. Китай преследует в ЦА двойную цель.

С одной стороны, создание или модернизация местных транспортных сетей. К примеру, железнодорожные линии Ангрэн-Пап (Узбекистан) и Узень-БерекетГорган (КТИ), автомагистрали Душанбе-Чанак (Таджикистан) и Кашгар-Иркештам-Ош-Андижан (связывает Синьцзян с Кыргызстаном и Узбекистаном). С другой

стороны, интеграция региональных инфраструктур в более крупные мультимодальные транспортные коридоры, на базе которых могут быть созданы особые экономические зоны (ОЭЗ), по примеру казахстанского порта Актау.

В то же время Пекин стремится расширить свои торговые пути к рынкам, расположенным на юге ЦА. По крайней мере, на это указывает объявление о возобновлении осенью 2022 г. строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан (ККУ) и обсуждение властями этих трех стран проекта мультимодального транспортного коридора, который свяжет города Кашгар (Синьцзян) и Хайратон (Афганистан) [6, p. 27].

Важно подчеркнуть, что успех программы ТРАСЕКА в значительной мере связан с выполнением стратегии «Один пояс – один путь». Потенциально значительная доля грузопотока Нового шелкового пути может направиться через коридор «Европа – Кавказ – Азия», что делает стратегию ключевым фактором для развития программы ТРАСЕКА.

Еще одним реально действующим проектом региональной транспортной интеграции является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в рамках которого действует единая таможенная, что обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В 2015 г. было заключено Совместное заявление о сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и экономическим поясом проекта «Шелковый путь» (ЭППП). Это соглашение направлено на упрощение торговли и улучшение защиты инвестиций между странами-членами ЕАЭС и Китаем. Оно включает в себя облегчение процедур пересечения границы, снятие регулятивных барьеров и сотрудничество в высокотехнологичных отраслях, таких как информационные технологии, медицина, образование, электронная коммерция и энергоэффективность.

Россия и постсоветские государства, объединенные в рамках ЕАЭС, активно работают над возрождением единой транспортной системы, которая когда-то связывала их во времена Советского Союза. Приоритетными здесь являются международные транспортные коридоры «Запад-Восток» и «Север-Юг». А к 2025 г. страны-члены ЕАЭС планируют полностью устранить все существующие барьеры, препятствующие осуществлению международных перевозок внутри союза, вне зависимости от используемого вида транспорта [7, с. 41].

В целях дальнейшего развития процесса создания общего транспортного пространства проводится ряд первоочередных мероприятий: интеграция транспортной инфраструктуры, гармонизация нормативного регулирования в транспортной сфере, выявление и устранение технических и административных препятствий, обеспечение свободного транзита пассажиров и грузов, и многие др. Объединение экономик стран-участниц ЕАЭС через создание единого транспортного пространства считается важным шагом для достижения более эффективного экономического и социального роста в регионе. Эксперты высказывают мнение, что евразийская интеграция способствует формированию общего пространства, охватывающего транспортные, технологические, таможенные и экономические аспекты, что дает возможность всем участникам интеграции увеличивать объемы транзитных перевозок [8, с. 53].

При этом, потенциал транзитных перевозок в странах-членах ЕАЭС не полностью реализуется из-за несовершенства транспортной инфраструктуры и различных сложностей на границах, возникающих в процессе грузоперевозок. Это, к примеру, такие структурные проблемы, как износ транспортной инфраструктуры, недостаточная эффективность складской логистики и недостаток мультимодальных транспортно-логистических центров [9, с. 44]. Тем не менее, благодаря решимости лидеров государств, участвующих в интеграционных процессах в Евразии, такие проблемы могут быть успешно решены.

В рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) были приняты системные меры с целью развития транспортного сотрудничества. В данной области действуют несколько стратегических документов, включая решение Совета глав правительств СНГ о Приоритетных направлениях сотрудничества государств-участников СНГ в сфере транспорта до 2030 г., План мероприятий по реализации Стратегии обеспечения транспортной безопасности на территориях государств-участников СНГ при международных перевозках на период 2020-2025 гг., Концепция дальнейшего развития СНГ и План основных мероприятий по ее реализации и другие документы. [4, с. 24].

В обострившейся геополитической ситуации с февраля 2022 г. серьезное влияние на транспортные сети, проходящие через ЦА, оказывает турецко азербайджанская двойка. Так, Турция, не имеющая общей границы с ЦА, рассматривает соседний Азербайджан, граничащий с Казахстаном и Туркменистаном в Каспийском море,

как важную площадку для выхода в регион, особенно после того, как Баку отвоевал у Еревана Нагорный Карабах. Хотя Турция в 2018 г. уже запустила транспортный коридор, связывающий её через Грузию и Азербайджан с Туркменистаном и Афганистаном («Лазуритовый коридор»), недавняя реконфигурация транскавказского пространства может позволить ей получить более прямой доступ к Каспийскому морю и ЦА благодаря созданию Зангезурского транспортного коридора в обход Армении.

Другой центрально-азиатской страной, привлекающей внимание Азербайджана и Турции, является Казахстан, чье значение в Транскаспийском международном транспортном маршруте (ТМТМ, также известном как «Средний коридор»), связывающем Китай, Азербайджан и Турцию с Европой, усиливается. В марте 2022 г. Казахстан создал транспортный коридор «Восток-Запад» с Азербайджаном, Турцией и Грузией, а в июне запустил грузовое железнодорожное сообщение между Павлодаром и Паясом на юге Турции, через территорию Туркменистана и Ирана.

В качестве межрегионального хаба для стран ЦА стремиться выступать Иран, используя свое положение на перекрестке между ЦА, Кавказом и Персидским заливом. Соглашение, заключенное Казахстаном в мае 2022 г., позволило переориентировать грузоперевозки по маршруту Китай-Казахстан-Иран-Европа. Порт Бендер-Энзели, через который Иран в ноябре 2021 г. установил связь с другими портами Каспийского моря для облегчения своей экономической интеграции в регионе, в настоящее время используется для перевалки контейнеров, отправляемых с казахстанского и туркменистанского побережья на рынки Южной Азии [10, с. 16-18].

Обсуждение

В условиях турбулентности геополитической обстановки мира государства ЦА подходят к вопросу интеграции с осознанием того, что только консолидируя усилия можно дать достойный отпор современным глобальным и региональным вызовам и угрозам безопасности, а также как отмечалось ранее регион располагает огромными, природными ресурсами, и в этом контексте общие усилия позволят обеспечить их транспортировку на мировой рынок. Движущим фактором интеграции для стран ЦА является реализация национальных интересов, отраженных в их Национальных стратегиях развития.

Так, в соответствии с Национальной стратегией развития Республики Таджикистан до 2030 г., высшей целью долгосрочного развития республики является повышение уровня жизни населения страны путем обеспечения устойчивого экономического развития. Учитывая огромный гидроэнергетический потенциал Таджикистана, экспорт этих ресурсов в страны региона может оказать значительное влияние на развитие его экономики. Эти интересы Таджикистана отобразились в энергетическом проекте – CASA-1000, реализация которого обеспечит экспорт электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан, тем самым позволит Таджикистану и Кыргызстану выйти на энергетический рынок Южной Азии. Стоит также добавить, что экспорт электроэнергии из возобновляемых источников в рамках проекта CASA-1000 позволит соседним странам сократить производство электроэнергии на ископаемом топливе, оказывая положительное влияние на экологическую ситуацию в регионе и во всем мире.

Узбекистану для реализации проводимых в последние годы реформ по модернизации и либерализации экономики, обеспечению ее устойчивого развития и интеграции в мировую экономику необходимо создать благоприятные условия для дальнейшей диверсификации внешнеторговых маршрутов, развивать альтернативные транзитные маршруты, позволяющих экспорт продукции страны на перспективные международные рынки. В этом контексте особое значение обретает повышение транзитного потенциала центрально-азиатского региона, и развитие транспортных коридоров, проходящих по маршруту Восток-Запад и Север-Юг. Эти цели нашли свое отражение в проекте строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан.

Реализация этого проекта позволит транспортировать грузы из Китая в Европу через территории Кыргызстана, Узбекистана, а также в государства Персидского залива через Южный коридор. Что касается Кыргызстана, то данный проект сможет обеспечить стране выход из транспортного тупика и позволит ей стать транзитной страной и следовательно проект будет способствовать устойчивому развитию экономики республики, сократив время перемещение грузов и высокие затраты, которые возникают при их транспортировке через автомобильные дороги, по которым и проходит большая часть грузов в страну и из нее.

Для активизации транспортно-транзитного потенциала Казахстана и Туркменистана и дальнейшего их выхода на мировые

рынки колоссальное значение имеет проект железной дороги Казахстан-Туркменистан-Иран, который является восточной веткой коридора Север-Юг. Маршруты данного проекта связывают Казахстан, Туркменистан с Ираном, Россией, а также открывает путь из Восточной Азии в страны Персидского залива [4].

Развитие транспортно-коммуникационной взаимосвязанности в ЦА, а также расширение экономических отношений в этом регионе, невозможно без обширной сети действующих логистических центров. Следует отметить, что логистические центры играют решающую роль не только в обеспечении эффективного функционирования транспортных и коммуникационных маршрутов в ЦА, но и являются ключевым условием для участия стран этого региона в крупных региональных интеграционных и транзитных процессах.

Главной причиной существующих трудностей является отсутствие общей стратегии или согласованных программ между странами этого региона в отношении использования имеющейся транспортной инфраструктуры. Более того, проблемы, такие как ограниченность доступных транспортных путей, отсутствие разнообразия маршрутов и нестабильная обстановка в Афганистане, остаются важными и актуальными.

Для решения этой задачи необходимо создать стратегический план, ориентированный на улучшение развития транспортных коридоров в ЦА. На его основе можно разработать региональную программу, направленную на устойчивое развитие транспортной системы в этом регионе. Параллельно следует создать Региональный совет по транспортным коммуникациям ЦА, который примет на себя координацию усилий по решению проблем в сфере транспорта и логистики.

Создание сложной транспортно-коммуникационной сети в ЦА позволит полностью использовать транспортно-транзитный потенциал региона и будет иметь усиливающийся эффект на устойчивое развитие ЦА. Интегрированная и разветвленная транспортная система ЦА должна стать основным транзитным узлом на Евразийском континенте. Это позволит странам региона получить кратчайший выход к морским портам и новым внешним рынкам. В то же время усилится и процесс возрождения роли центрально-азиатского региона в качестве глобального транзитного коридора, соединяющего Южную Азию, Китай и Европу.

Таким образом, несмотря на географическое преимущество, отсутствие развитых транспортных сетей оказывает прямое влияние на возможности транзита в странах ЦА, которые возникают в основном благодаря крупным региональным и международным транспортным проектам. Формирование связанных транспортных коридоров является ключевым фактором для обеспечения устойчивого экономического роста.

Заключение

Сложившийся сложный контекст на мировой арене не только оправдывает, но и стимулирует стремление государств этого не имеющего выхода к морю региона ЦА (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) к развитию внешних партнерских отношений. Транспортные сети ЦА развиваются в двух направлениях: на запад, где Казахстан и Каспийское море выступают важнейшими звеньями китайско-европейских торговых путей; и на юг, как по морю (развитие портовых сообщений Казахстана и Туркменистана с Азербайджаном и Ираном), так и по суше (создание железнодорожной линии, связывающей Узбекистан, Афганистан и Пакистан).

Однако отсутствие единой стратегии (общих программ) между странами ЦА по использованию существующих транспортных коммуникаций затрудняет процесс их дальнейшего развития. Решением может стать разработка Стратегии по развитию региональных транспортных коридоров ЦА с принятием на ее основе региональной Программы по их устойчивому развитию и одновременным созданием Регионального совета по транспортным коммуникациям стран ЦА в качестве координирующей структуры по решению проблем транспортно-логистической сферы.

Другим препятствием является неучастие отдельных центрально-азиатских стран в одних и тех же международных экономических и торговых объединениях, транспортных организациях и союзах, региональных программах и соглашениях, из-за взятых соответствующих обязательств стран-участников, что может создать дополнительные барьеры в построении единой транспортной инфраструктуры региона. Тогда как участие всех стран ЦА в соответствующих программах даст дополнительные возможности по гармонизации подходов в решении поставленных задач по региональной интеграции. В связи с этим, участие во всех

международных инициативах должно стать одним из приоритетных направлений в процессе объединения транспортных инфраструктур стран ЦА.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Sustainable transport connections between Europe and Central Asia: final report. – Brussel, 2023. – 57 p.

[2] Ibrayeva A., Sannikov D.V., Kadyrov M.A., Zapevalov V.N., Hasanov E.L., Zuev V.N. Importance of the Caspian Countries for the European Union. Energy Security // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2018. – № 8 (3). – P. 150-159.

[3] Умирзакова Д.К. Перспективы развития Транскаспийского международного транспортного коридора // Research Reviews. – Prague, 2022. – С. 169-172.

[4] Транспортная инфраструктура центрально-азиатского региона и перспективы по созданию эквивалентов электронных документов, структур данных и обмена данными, в том числе вдоль цифровых торговых и транспортных коридоров региона: отчет. – Ташкент, 2021. – 85 с.

[5] Foggin J.M., Lechner A.M., Emslie-Smith M., Hughes A.C., Sternberg T., Dossani R. Belt and Road Initiative in Central Asia: Anticipating socioecological challenges from large-scale infrastructure in a global biodiversity hotspot // Conservation Letters. – 2021. – № 14. – P. 1-15.

[6] Laruelle M. China's Belt and Road Initiative and its impact in Central Asia. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. – 184 p.

[7] Пак Е.В. Транспорт и инфраструктура в ЕАЭС к 2025 г. // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Специальный выпуск под ред. И.С.Иванова. – М.: Российский совет по международным делам, 2017. – С. 38-44.

[8] Мехдиев Э.Т. Евроазиатские транспортные коридоры и ЕАЭС // Международная аналитика. – 2018. – № 2 (24). – С. 47-56.

[9] Алексеева Е.В., Трутнева Н.Ю., Кучерявенко А.К. Транспортно-логистическое сотрудничество в ЕАЭС: условия и перспективы // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 6 (38). – С. 39-45.

[10] Левистон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и

водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью // *Russie.Nei.Reports.* – 2022. – № 41. – 38 с.

REFERENCES

[1] Sustainable transport connections between Europe and Central Asia: final report. – Brussel, 2023, P. 57.

[2] Ibrayeva A., Sannikov D.V., Kadyrov M.A., Zapevalov V.N., Hasanov E.L., Zuev V.N. Importance of the Caspian Countries for the European Union. *Energy Security // International Journal of Energy Economics and Policy*, 2018, № 8 (3), P. 150-159.

[3] Umirzakova D.K. Perspektivy razvitiya Transkaspiskogo mejdunarodnogo transportnogo koridora. [Prospects for the development of the Trans-Caspian International Transport Corridor] // *Research Reviews.* Prague, 2022, P. 169-172 [in Russ.].

[4] Transportnaia infrastruktura sentralno-aziatskogo regiona i perspektivy po sozdaniyu ekvivalentov elektronnyh dokumentov, struktur dannyh i obmena dannymi, v tom chisle vdöl sifrovyyh togovyyh i transportnyh koridorov regiona: ochet. [Transport infrastructure of the Central Asian region and prospects for creating equivalents of electronic documents, data structures and data exchange, including along the digital trade and transport corridors of the region: report.], Taşkent, 2021, P.85. [in Russ.].

[5] Foggin J.M., Lechner A.M., Emslie-Smith M., Hughes A.C., Sternberg T., Dossani R. Belt and Road Initiative in Central Asia: Anticipating socioecological challenges from large-scale infrastructure in a global biodiversity hotspot // *Conservation Letters*, 2021, № 14, P. 1-15.

[6] Laruelle M. China's Belt and Road Initiative and its impact in Central Asia. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018, P. 184.

[7] Pak E.V. Transport i infrastruktura v EAES k 2025 g. [Transport and infrastructure in the EAEU by 2025.] // *Perspektivy razvitiya proekta EAES k 2025 godu. Rabochaia teträd. Spesiälnyi vypusk pod red. İ.S.İvanova.* – M.: Rosiski sovet po mejdunarodnym delam, 2017, P. 38-44. [in Russ.].

[8] Mehdiiev E.T. Evroaziatskie transportnye koridory i EAES [Euro-Asian transport corridors and the EAEU] // *Mejdunarodnaia analitika*, 2018, № 2 (24), P. 47-56. [in Russ.].

[9] Alekseeva E.V., Trutneva N.İu., Kucherävenko A.K. Transportno-logisticheskoe sotrudnichestvo v EAES: uslovia i perspektivy. [Transport and logistics cooperation in the EAEU: conditions and prospects.] // *Estestveno-gumanitarnye issledovania*, 2021, № 6 (38), P. 39-45. [in Russ.].

[10] Leviston M. Vzaimosvāzannōst v Sentrālnoi Azii v epohu mejdunarodnyh krizisov. Transportnaia, energeticheskaia i vodnaia infrastruktury mejdu vzaimozavisimōstū i otkrytōstū [Connectedness in Central Asia in an era of international crises. Transport, energy and water infrastructure between interdependence and openness]. // Russiie.Nei. Reports, 2022, № 41, P. 38. [in Russ.].

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ КӨЛІК- КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ ӘЛЕУЕТІНДЕГІ ӘЛЕМДІК ДЕРЖАВАЛАРДЫҢ МҮДДЕЛЕРІ

*Құлынтай Ғ.Ж.¹, Тайшанова С.Т.², Сейлхан Б.³

*¹ PhD студент, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті
Астана, Қазақстан, e-mail: kulynataykz@mail.ru

² PhD докторы, Жошы институтының кіші ғылыми қызметкері
Астана, Қазақстан, e-mail: saltushka84@yahoo.com

³ магистр, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті
Астана, Қазақстан, e-mail: balausa_95_07@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азия елдерінің көлік-коммуникациялық әлеуетіндегі әлемдік державалардың мүдделері қарастырылады. Таңдалған зерттеу тақырыбының өзектілігі әлемдік аренадағы шиеленіскен жағдайда оның геосаяси жағдайы мен бай шикізат қорларын ескере отырып, әлемдік державалар тарапынан аймақтың көлік-коммуникациялық мүмкіндіктеріне деген қызығушылықтың күрт артуына байланысты. Зерттеудің мақсаты өңір елдеріндегі көлік инфрақұрылымы мен транзиттік дәліздерді дамытуға бағытталған Орталық Азиядағы әлемдік державалардың көлік-коммуникациялық жобаларын талдау болып табылады. Негізгі тәсіл ретінде Орталық Азияға қатысты өңірден тыс актерлердің көлік-коммуникация саласындағы стратегиясына талдау жүргізуге мүмкіндік беретін жүйелі тәсіл пайдаланылды. Шығыс Еуропадағы күрделі саяси жағдай бұрын қолданылған көлік маршруттары мен дәліздеріне әсер етеді. Бұған Батыс елдері енгізуді және кеңейтуді жалғастырып жатқан Ресейге қарсы ауқымды Санкциялар қосылды, осыған байланысты Орталық Азия елдері сауда жолдарын қайта бағдарлау мүмкіндіктерін іздеуде, бұл АҚШ, Еуропа, Қытай және Ресей, Түрік-Әзірбайжан екеуінің және Иранның тарихи маңызды актерлерінен басқа жандануына әкелді. Сондай-ақ, әлемнің геосаяси жағдайының турбуленттілігі жағдайында Орталық Азия елдері күш-

жігерді шоғырландыру арқылы ғана қазіргі жаһандық және өңірлік сын-қатерлер мен қауіпсіздік қатерлеріне лайықты тойтарыс беруге, сондай-ақ оларда бар барлық табиғи ресурстарды әлемдік нарыққа тасымалдауды қамтамасыз етуге болатынын түсінумен интеграциялау қажеттілігін түсінеді. Қорытындылай келе, автор Аймақтың бірыңғай көлік инфрақұрылымын құруға кедергі келтіретін мәселелерді бөліп көрсетеді және оларды жеңудің мүмкін шешімдерін ұсынады.

Тірек сөздер: көлік-коммуникациялық әлеует, Орталық Азия, әлемдік державалар, мүдделер, көлік жобалары, көлік маршруттары мен дәліздер, Азия, Еуропа

INTERESTS OF WORLD POWERS IN THE TRANSPORT AND COMMUNICATION POTENTIAL OF CENTRAL ASIA COUNTRIES

*Kulyntay G.Z.¹, Taishanova S.T.², Kilybayeva P.K.³

*¹ PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan, e-mail: kulynataykz@mail.ru

² PhD, junior researcher at the Jochi Institute, Astana, Kazakhstan
e-mail: saltushka84@yahoo.com

³ Master, L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan, e-mail: balausa_95_07@mail.ru

Abstract. The article considers the interests of world powers in the transport and communication potential of Central Asian countries. The relevance of the chosen topic of the study is conditioned by the fact that in the aggravated situation in the world arena, the interest of the world powers in the transport and communication capabilities of the region has sharply increased, taking into account its geopolitical position and the richest raw material reserves. The purpose of the study is to analyze the transport and communication projects of the world powers in Central Asia, which are aimed at the development of transport infrastructure and transit corridors in the countries of the region. The system approach is used as the main approach, which allowed us to analyze the strategy in the transport and communication sphere of extra-regional actors in relation to Central Asia. The complex political situation in Eastern Europe has had an impact on transportation routes and corridors that were previously used. In addition to the large-scale anti-Russian sanctions that Western countries continue to impose and expand, Central Asian countries are looking for opportunities to reorient trade routes, which has led to the activation of the Turkish-Azerbaijani twin

and Iran in addition to such historically significant actors as the United States, Europe, China and Russia. Also, in the turbulent geopolitical environment of the world, the countries of Central Asia understand the need for integration with the realization that only by consolidating efforts it is possible to give a worthy response to modern global and regional challenges and threats to security, as well as to ensure the transportation of all their natural resources to the world market. In conclusion, the author identifies the problems that create barriers in building a unified transportation infrastructure in the region and suggests possible solutions to overcome them.

Keywords: transport and communication potential, Central Asia, world powers, interests, transportation projects, transportation routes and corridors, Asia, Europe

Статья поступила 06.06.2024 г.

UDC 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.014>

IRSTI 11.25.19

ARCTIC HORIZONS: COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN A CHANGING POLAR AND GEOPOLITICAL LANDSCAPE

*Dauylbayev A.B.¹, Yelmurzayeva R.S.², Kamaljanova T.A.³

*¹ PhD student, L.N.Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan
e-mail: aidarkhan.db@gmail.com

² Acting Professor, L.N.Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan
e-mail: elmurza@mail.ru

³ Associate Professor, L.N.Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan
e-mail: takhira.kamaljanova@mail.ru

Abstract. Recently, the Arctic has become a focal point of geopolitical activity, driven by changes in the environment, resource exploration, and strategic interests. In the Arctic region, competition and rivalry, both military and economic, are intertwined with the pursuit of peaceful and mutually beneficial cooperation. This cooperation spans multiple areas, including economy, politics, security, technological advancements and environmental protection. The focus of this article is to examine how international actors

interact in the Arctic, especially in the context of the tensions between the United States and Russia, as well as the growing competition between the United States and China. This study emphasizes the growing partnership between Russia and China and its crucial role as a central axis of cooperation in the region. As Russia views the Arctic as a strategic resource base, both from an economic and security point of view, and as China takes a keen interest in Arctic affairs due to its global status and economic imperatives, the importance of partnership between the two countries is increasing.

The main points of this study are devoted to defining the strategic interests of Russia and China in the Arctic, their joint efforts in energy and infrastructure projects, and the consequences of their cooperation for the management of the Arctic and international relations. The study also examines the approaches of Russia and China to Arctic governance.

Keywords: Russia, China, Arctic strategy, sea route, Ice silk road, geopolitics, cooperation, natural resources

Basic provisions

The article examines the strategic imperatives for cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic region. Global warming and the diminishing ice cover of the Arctic Ocean present significant opportunities for the exploitation of the Northern Sea Route. This route substantially reduces the time and distance for sea freight between Europe and East Asia, while also enhancing access to Arctic natural resource development. Amidst global geopolitical instability, the partnership between China and Russia is assuming increasing importance for Arctic development. In this context, joint energy and infrastructure projects are pivotal.

Introduction

Global attention has been given to the Arctic region due to its rapidly evolving environmental conditions, increased resource accessibility, and growing geopolitical significance. As the melting of polar ice continues at an unprecedented rate, the Arctic has become more than just a symbol of climate change but also serves as an arena for geopolitical maneuvering and strategic rivalry. The ongoing climate change phenomenon is facilitating the opening of the previously ice-bound Arctic to maritime navigation and, in the foreseeable future, to the exploitation of natural resources. In terms of access to resources, the Arctic is believed to contain vast untapped energy resources, including oil, gas and minerals. The US Geological

Survey estimates that the Arctic has around 10% (90 billion barrels) of the undiscovered world resources of oil and 30% of the unexplored natural gas [1]. Numerous Arctic and non-Arctic nations ascribe considerable importance to the region's geopolitical positioning and consistently formulate their own Arctic policy frameworks. The interaction between international stakeholders in the High North is unfolding against a backdrop of rising geopolitical tensions and an unpredictability of the international situation. Amidst this evolving landscape, the collaboration between Russia and China in the Arctic has emerged as a pivotal axis of cooperation, altering the dynamics of Arctic governance and international relations.

Description of materials and methods

Growing attention to the Arctic region in general, and bilateral cooperation between Russia and China in particular, has triggered studies covering a wide range of topics such as climate change, trade and economic cooperation, energy cooperation, investment, infrastructure projects and research.

For example, the article by Trenin D. entitled «Russia and China in the Arctic: cooperation, competition and consequences for Eurasian security» details the bilateral cooperation of Russia and China in the Arctic, especially aspects such as their national interests in the region, legal positions, strategic differences, Joint projects such as «Yamal LNG» and «Arctic LNG», as well as prospects for bilateral cooperation between Russia and China [2].

In the article «Sino-Russian transregional gas cooperation: key issues» Steblyanskaya A., Wang Z., Razmanova S., and Iskritskaya N. explore the topic of joint gas field development and LNG supply from Russia to China [3].

Lei S. in her article «Development And Prospects Of Sino-Russian Joint Construction «Ice Silk Road» notes that cooperation between China and Russia to promote the construction of the «Ice Silk Road» has sufficient development potential and can attract other interested countries in the future. [4].

In the article «The Russian Vector of Japan's Policy in the Arctic» Streltsov D.V. considers the Russian vector of Japanese policy in the Arctic. He notes that the main areas in which Tokyo is interested in cooperation with Russia in the Arctic are energy, transport and security [5].

The article «Belkomur» And The Role Of China» by Mu A. explores the participation and interest of Chinese companies to work on infrastructure projects in Russia, including the «Belkomur» project [6].

Guo J., Guo S., Lv J. in their article « Potential spatial effects of opening Arctic shipping routes on the shipping network of ports between China and Europe» note that the accelerated sea ice melt and the trial operation of container liners in the Arctic have accelerated the opening of Arctic maritime routes, At the same time, it provides a real opportunity for regular operation of the Arctic route [7].

The methodological basis of the presented article consists of abstract logic, elements of network analysis, the method of systems approach, as well as a set of classical approaches to the consideration of international relations. An interdisciplinary approach was also taken to integrate ideas from various fields such as international relations, geopolitics, environmental studies, economics and security studies.

This interdisciplinary perspective allowed for a comprehensive analysis of various aspects of Russian-Chinese cooperation in the Arctic, taking into account both domestic and international factors that determine their interaction.

The document analysis method was used to study «China's Arctic Policy (2018)» published by «The State Council Information Office of the People's Republic of China» [8] which helped to define the priority directions of the Arctic policy of the PRC in the Arctic region, their principles and objectives.

These methods allowed the authors to conduct a comprehensive analysis of Russian-Chinese cooperation in the Arctic region and highlight key aspects and prospects of this partnership.

Results

The leadership of Russia perceives the Arctic zone within the Russian Federation as a crucial strategic reservoir of resources. This region is important for the economy of the nation, despite its sparse population of only 2.5 million inhabitants, as it contributes between 12 to 15% of the country's GDP. It is noteworthy that it produces 80% of the country's gas and extracts valuable resources such as diamonds, nickel and rare earth metals. Moreover, the Arctic accounts for a substantial portion of Russia's exports, amounting to one-quarter of the nation's total, and yields approximately one-third of its fish catch. This underscores the region's immense economic importance to Russia. Alongside these economic interests, Russia also maintains vital security concerns in the Arctic. Nuclear deterrence serves as a cornerstone of the nation's security strategy, with the Northern Fleet playing a pivotal role as one of the principal components of this deterrence strategy.

China, despite being geographically distant from the Arctic, plays a significant role in Arctic affairs, driven by its unique set of interests. These interests are fundamentally shaped by China's standing as one of the 21st century's preeminent global powers, enjoying permanent membership on the UN Security Council and shouldering global responsibilities. Although China signed the Spitsbergen Treaty in 1925, its active involvement in Arctic matters did not emerge until later than its involvement in Antarctica. It was only in the late 1990s that China initiated Arctic expeditions, with a marked increase in political activity from Beijing occurring since the mid-2000s. This surge in activity coincided with China's rapid ascension on the global stage. A pivotal moment came in 2013 with Chinese President Xi Jinping's proposal of the Belt and Road Initiative, aimed primarily at enhancing connectivity across Eurasian nations. A noteworthy project within this initiative is the «Ice Silk Road», which seeks to establish Arctic routes connecting China with Europe [2].

Discussion

Today, China officially identifies itself as a state positioned in proximity to the Arctic, recognized as a «near-Arctic State». The formulation of the China's Arctic strategy occurred in 2018 [8]. Beijing's point is rooted in the UN Convention on the Law of the Sea, while affirming the Arctic's status as common heritage for humanity. In pursuit of greater maritime presence, China is engaged in an ambitious shipbuilding program. China has also made significant progress in the acquisition and construction of icebreakers to expand its capabilities for working in the icy waters of the Arctic. The White Book of China 2018 and the initiative «Polar Silk Road» are aimed at developing the icebreaking fleet of the country. By 2025, China plans to build the first super-powered icebreaker. They are necessary to ensure the safety of navigation and maintain shipping lanes in areas covered by ice.

Currently in operation in China are two icebreakers of medium size: «Xue Long 1» and «Xue Long 2». These vessels will allow China to maintain navigation in the Arctic, providing reliable and uninterrupted access to the region year-round [9].

Similar to the United States, China advocates for the principle of freedom of navigation, extending to the Arctic, where the route to Europe is notably shorter than via the Strait of Suez. Despite China's interests in the South China Sea or the Taiwan Strait, some points of Beijing's Arctic strategy as an attempt to enhance the role of non-regional actors in shaping Arctic policies.

Deepening involvement in Arctic affairs primarily hinges on China's efforts to enhance cooperation with Russia. The official dialogue between Moscow and Beijing on Arctic matters commenced in 2013, following a similar dialogue between China and the United States. Despite notable disparities between the Arctic strategies of China and Russia, both states minimize these distinctions, opting to steer clear of practical confrontations. Instead, they increasingly engage in Arctic interactions driven by shared pragmatic interests. A significant milestone occurred on January 26, 2018, when China's State Council Information Office issued «China's Arctic Policy», marking the country's inaugural official articulation of its Arctic stance. The white paper explicitly articulates China's aspiration to collaborate with all relevant stakeholders in establishing a «Polar Silk Road» through the development of Arctic sea routes [8].

Drivers of Cooperation. The cooling of relations between Russia and the West have significantly limited the prospects for cooperation with Western companies in the development of the Arctic. This trend is likely to continue. Against this backdrop, Moscow is compelled to explore alternative partnerships with entities possessing advanced technologies, primarily located in Asia. JOGMEG and Mitsui, two Japanese companies, became partners in the Arctic LNG project that was initiated by Russian company NOVATEK in 2019 [5]. India's potential to engage in Arctic resource extraction was indicated by Russian Foreign Minister Sergei Lavrov's remarks in 2020.

Currently, China acts as Russia's main economic and technological ally. As a result of the rift with the West, Russia began to lessen restrictions on Chinese participation in Russian energy projects that had existed until 2014. The Arctic region harbors significant untapped reserves of oil, natural gas, minerals, and other valuable resources, attracting interest from both Russia and China to address their energy and economic requirements.

The Arctic's abundant oil and gas reserves align with Russia's goals of revitalizing national economic development, increasing geopolitical influence and improving the international landscape. For China, the Arctic represents an opportunity to diversify its energy sources amidst growing domestic socio-economic reliance on imports. Additionally, cooperation with Russia in energy has historically been integral to the Sino-Russian strategic partnership. As Arctic energy development prospects expand, deeper cooperation with Russia in Arctic endeavors and energy sectors will advance China's energy diversification strategy, fortify resilience against energy-related risks, and ensure energy security throughout the development trajectory.

Sino-Russian cooperation in the development of Arctic resources is exemplified by the ‘Yamal LNG’ project. This project is the largest investment made by China in Russia since the launch of the «One Belt One Road» initiative. Novatek (50.1%), Total (20%), CNPC (20%), and the Silk Road Fund (9.9%) are all shareholders in the project. [3]. Under the long-term agreement between China and Russia, upon the completion of all three production lines of the Yamal LNG project, China is expected to receive 4 million tons of LNG every year through the Northern Sea Route.

The project’s completion holds significant implications for Russia, ensuring energy security and facilitating the expansion of energy exports to the Asia-Pacific region. By 2035, Russia intends to boost LNG’s share of the global market from 4-5% to 15-20% [4]. Moreover, the Yamal LNG project catalyzed the development and modernization of transport infrastructure in the Arctic, including the construction of ports, airports, and railways, creating tens of thousands of job opportunities. Chinese companies have invested in the construction and modernization of port facilities in Russia’s Arctic regions, such as the port of Sabetta on the Yamal peninsula, as well as other ports in Tixi, Murmansk, Uelen and Arkhangelsk cities [10].

Furthermore, Chinese firms secured contracts for the modernization of the Arkhangelsk seaport and the construction of the White Sea - Komi - Ural (Belkomur) railway [6]. The advancement of the Northern Sea Route offers prospects for the growth of ports in Northeast China, as well as the provinces of Dalian and Qingdao.

However, it is essential to recognize that the Arctic’s unique natural-geographical conditions, coupled with the region’s increasing significance in environmental protection, contribute to the high capital intensity of Arctic development. Achieving sustainable development in the Arctic necessitates comprehensive approaches encompassing scientific, economic, legal, and social policies, areas where China and Russia complement each other.

The melting of Arctic sea ice is creating new shipping routes, offering more efficient transit options between Asia and Europe. China, being a major trading nation, sees the Arctic as a strategic opportunity to enhance its maritime connections and trade routes.

The cooperation between Russia and China in Arctic affairs, along with the clearer definition and implementation of China’s Arctic policy, has gradually led to the application of the «One Belt, One Road» concept in the region. Both countries have begun to reach a consensus on the Ice Silk Road concept, which aims to utilize Arctic waterways to link China and Europe. Current planning for the Ice Silk Road is primarily focused on the Russian Northern Sea Route, while the Northwest Passage and Central Passage offer

only potential connections rather than actual ones. The Ice Silk Road could significantly reduce navigation and transportation times between China and Europe through Arctic Ocean passages, with abundance of energy and mineral resources along the route contributing to the development of the Arctic Ocean coast.

Once operational, the Arctic Ocean routes are expected to save nearly a half in navigation time and transportation costs, opening up new passages for China, Russia, the Far East, and European countries. This could stimulate infrastructure construction along the route and boost trade among associated nations. For instance, during the Yamal LNG construction, over 60% of Chinese modules and components were transported through the Bering Strait and Northeast Passage of the Arctic. This significantly reduced transportation time compared to the Suez Canal route (Figure 1).

Figure 1. The Northern Sea Route [11]

In the long term, this could reshape China's port trade structure. In recent years, vessels from the Cosco Shipping Group have completed more than 22 voyages along the Arctic sea route [7]. Russia and China's transport departments are drafting a memorandum for joint exploration and development of Arctic territories, aiming to enhance the political and

legal basis for cooperation in Arctic development. The creating of Maritime Arctic Transport LLC, involving Novatek, Cosco Shipping, Sovcomflot, and the Silk Road Fund, signifies a long-term partnership for year-round logistics schemes from the Russian Arctic to the Asia-Pacific region, as well as cargo transportation between Asia and Western Europe along Arctic waterways. Additionally, Chinese companies are actively participating in polar infrastructure construction as part of the Yamal LNG project.

Conclusion

The Arctic region is the focus of global attention. Rapid changes in the environment, increased access to resources and growing geopolitical significance are contributing factors. As polar ice caps retreat at an unprecedented rate, the Arctic is transforming from a symbol of climate change into a theater of strategic competition and geopolitical maneuvering. This study highlights the strategic imperatives driving Russian and Chinese engagement in the Arctic. Russia considers the region a vital strategic resource base and is investing heavily in economic development and security interests, using its Arctic assets to boost national economic growth and geopolitical influence. Meanwhile, China's global status and economic imperatives are leading them to develop ambitious projects like the Ice Silk Road to improve maritime connectivity and trade routes. And the geopolitical instability in the Middle East further increases the importance of the Northern Sea Route as an alternative trade route between Europe and Asia.

The growing partnership between Russia and China in the Arctic marks an important axis of cooperation. Despite different strategic priorities and approaches, Moscow and Beijing are guided by their interests through pragmatic cooperation, primarily focused on economic endeavors such as energy and infrastructure projects. Particular attention is paid to key projects such as the Yamal LNG and Arctic LNG projects, which illustrate the depth of Sino-Russian cooperation and their transformative impact on Arctic development and global trade routes. In the future, Russia plans to implement a number of large-scale infrastructure development projects in the Arctic region, including the construction of an 850-kilometer White Sea - Komi - Ural railway, the Northern Latitude Railway, the Murmansk transport hub, the Arkhangelsk deep-water port, etc.

Looking ahead, we can more confidently predict that Russia and China will continue to engage in economic cooperation in the Arctic, with mutual interests in resource exploration and infrastructure development. Despite

the fact that the Arctic is still a battlefield of strategic rivalry, the interaction between Russia and China is primarily economic in nature.

Global warming has presented significant opportunities and challenges for the development of human society. The global nations must cooperate to seize opportunities, overcome challenges, and contribute to the creation of a harmonious and healthy community of a shared destiny.

REFERENCES

[1] Bird K.J., Charpentier R.R., Gautier D.L., Houseknecht D.W., Klett T.R., Pitman J.K., Moore T.E., Schenk C.J., Tennyson M.E., Wandrey C.J. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. Geological Survey Fact Sheet, 3049. - 2008. - 4.

[2] Trenin D. Rossiya i Kitai v Arktike: sotrudnichestvo, sopernichestvo i posledstviya dlya evraziiskoi bezopasnosti [Russia and China in the Arctic: Cooperation, Rivalry and Implications for Eurasian Security]. - 2020. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81384>. [in Russ.]

[3] Steblyanskaya A.N., Wang Z., Razmanova S.V., Iskritskaya N.I. Sino-Russian transregional gas cooperation: key issues. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2018. - No. 3. - pp. 369-395.

[4] Lei S. Razvitie i perspektivy kitaisko-rossiiskogo sovmestnogo stroitel'stva «Ledovogo shelkovogo puti» [Development and prospects of Chinese-Russian joint construction of the Ice Silk Road]. // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. – 2020. - № 8 (65). [in Russ.]

[5] Streltsov D.V. The Russian Vector of Japan's Policy in the Arctic. // Russian Japanology Review. – 2021. - Vol. 4, no. 2. - pp. 5-28.

[6] Mu A. “BELKOMUR” I rol' Kitaya [“Belkomur” And The Role Of China]. // Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO. – 2022. - No. 9 (579). - pp. 8-33. [in Russ.]

[7] Guo J., Guo S., Lv J. Potential spatial effects of opening Arctic shipping routes on the shipping network of ports between China and Europe. // Marine Policy. – 2022. - Vol.136.

[8] China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. - 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_2814760266660336.htm.

[9] Uryupova E. What does China's new heavy icebreaker mean? // Polar Journal. - 2021. [Electronic Resource]. URL: <https://polarjournal.ch/en/2021/11/27/what-does-chinas-new-heavy-icebreaker-mean/>.

[10] Syaochen' Ch., Tintin Ch. «Ledovyi shelkovyi put'»

[“Ice Silk Road”] // Kitai [China]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm. [in Russ.]

[11] Lin M., Perkins R., Coleman N. Russia’s new Arctic crude shipments to China delayed by thick ice. – 2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/shipping/081823-russias-new-arctic-crude-shipments-to-china-delayed-by-thick-ice>.

АРКТИКАЛЫҚ КӨКЖИЕКТЕР: ӨЗГЕРМЕЛІ ПОЛЯРЛЫҚ ЖӘНЕ ГЕОСАЯСИ ЛАНДШАФТЫНДАҒЫ РЕСЕЙ МЕН ҚЫТАЙ АРАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ

*Дауылбаев А.Б.¹, Елмурзаева Р.С.², Камалджанова Т.А.³

*¹ PhD кандидаты, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан
e-mail: aidarkhan.db@gmail.com

² Профессор м.а, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан
e-mail: elmurza@mail.ru

³ Қауымдастырылған профессор, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ
Астана, Қазақстан, e-mail: takhira.kamaljanova@mail.ru

Аңдатпа. Соңғы кездері Арктика қоршаған ортаның өзгеруі, ресурстарды барлау және стратегиялық мүдделерге байланысты геосаяси белсенділіктің орталығына айналды. Арктикалық аймақта әскери және экономикалық бәсекелестік пен қарсыластық бейбіт және өзара тиімді ынтымақтастықты іздеумен астасып жатыр. Бұл ынтымақтастық экономика, саясат, қауіпсіздік, технологиялық жетістіктер және қоршаған ортаны қорғау сияқты көптеген салаларды қамтиды. Бұл мақаланың мақсаты халықаралық субъектілердің Арктикадағы өзара әрекеттесуін, әсіресе Америка Құрама Штаттары мен Ресей арасындағы шиеленіс контекстінде, сондай-ақ АҚШ пен Қытай арасындағы бәсекелестіктің күшеюін зерттеу болып табылады. Бұл зерттеу Ресей мен Қытай арасындағы серіктестіктің артып келе жатқанын және оның аймақтағы ынтымақтастықтың орталық осі ретіндегі маңызды рөлін көрсетеді. Ресей Арктиканы экономикалық және қауіпсіздік тұрғысынан стратегиялық ресурс базасы ретінде қарастыратындықтан және Қытай өзінің жаһандық мәртебесі мен экономикалық императивтеріне байланысты Арктика істеріне үлкен қызығушылық танытып отырғандықтан, екі ел арасындағы серіктестіктің маңыздылығы артып келеді.

Бұл зерттеудің негізгі ережелері Ресей мен Қытайдың Арктикадағы стратегиялық мүдделерін, олардың энергетикалық және

инфрақұрылымдық жобалардағы бірлескен күш-жігерін, сондай-ақ олардың Арктиканы басқару және халықаралық қатынастар үшін ынтымақтастығы салдарын анықтауға арналған. Зерттеу сонымен қатар Арктиканы басқарудағы ресейлік және қытайлық көзқарастарды қарастырады.

Тірек сөздер: Ресей, Қытай, Арктикалық стратегия, теңіз жолы, Мұзды жібек жолы, геосаясат, ынтымақтастық, табиғи ресурстар

АРКТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ПОЛЯРНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

*Дауылбаев А.Б.¹, Елмурзаева Р.С.², Камалджанова Т.А.³

*¹ PhD кандидат, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: aidarkhan.db@gmail.com

² И.о. профессора, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: elmurza@mail.ru

³ Ассоциированный профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан, e-mail: takhira.kamaljanova@mail.ru

Аннотация. В последнее время Арктика становится центром геополитической активности, обусловленной изменениями окружающей среды, разведкой ресурсов и стратегическими интересами. В арктическом регионе конкуренция и соперничество, как военные, так и экономические, переплетаются с поиском мирного и взаимовыгодного сотрудничества. Это сотрудничество охватывает множество областей, включая экономику, политику, безопасность, технологические достижения и защиту окружающей среды. В центре внимания этой статьи — изучение того, как международные субъекты взаимодействуют в Арктике, особенно в контексте напряженности между Соединенными Штатами и Россией, а также растущей конкуренции между Соединенными Штатами и Китаем. В этом исследовании подчеркивается растущее партнерство между Россией и Китаем и его решающая роль как центральной оси сотрудничества в регионе. Поскольку Россия рассматривает Арктику как стратегическую ресурсную базу, как с точки зрения экономики, так и безопасности, а Китай проявляет живой интерес к арктическим делам из-за своего глобального статуса и экономических императивов, важность партнерства между двумя странами возрастает.

Основные положения данного исследования посвящены определению стратегических интересов России и Китая в Арктике, их совместным усилиям в энергетических и инфраструктурных проектах, а также последствиям их сотрудничества для управления Арктикой и международных отношений. В исследовании также рассматриваются подходы России и Китая к управлению Арктикой.

Ключевые слова: Россия, Китай, Арктическая стратегия, морской путь, Ледяной шелковый путь, геополитика, сотрудничество, природные ресурсы

Статья поступила 09.08.2024 г.

УДК 327

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.015>

МРНТИ 11.25.40

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА ПРИМЕРЕ КНР И ЮЖНОЙ КОРЕИ

***Кабирова А.Ж.¹, Килыбаева П.К.²**

***¹ PhD докторант, Евразийский национальный университет**

им. Л.Н.Гумилёва, Астана, Казахстан

e-mail: ainura19101993@gmail.com

² доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилёва

Астана, Казахстан, e-mail: banu-kk@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается разница ведения «мягкой силы» двух государств, таких как КНР и Южная Корея. В современное время две страны находятся не на последнем месте в международной политике по ведению «мягкой силы» в отношении других государств. После многочисленных войн и проявления «жесткой силы» на территориях разных государств, многие страны пришли к выводу, что «жесткая сила» — это не идеальный выход распространения своего влияния, так как «жесткая политика» в результате ведет к разрухе и упадку государства. Республика Корея и Китай, имея богатое национальное достояние и трудолюбие, превратили это в свое «оружие мягкой силы» и сделали их рычагами влияния на территориях других государств. КНР и Южная Корея до сегодняшнего дня успешно распространяют свою государственную

идею, политику, экономику и другие сферы жизни через свою богатую культуру. Инструментами распространения культуры двух стран являются музыка, СМИ, национальная кухня, национальный язык и многое другое. Основным методом изучения данного вопроса и темы можно выделить сравнительный метод исследования, помимо него, авторы также применяли методы «кейс-стади», контент анализа и эмпирические метод. В статье авторы попытались использовать достоверные и актуальные данные, которые помогут в будущем читателям. В заключении авторы сделали выводы о том, что, и Южная Корея, и КНР применяют схожие методы «мягкой силы», с элементами и особенностями своей культуры, мировоззрения и подхода. Разница проявилась в изначальной цели использования «мягкой силы». Прогнозируя будущее, авторы делают предположение, что в скором времени эти два государства еще проявят себя на мировой арене через «мягкую силу».

Ключевые слова: КНР, Южная Корея, «мягкая сила», «жесткая сила», политика, культура, идея Конфуция, «Халлю»

Основные положения

Мягкая сила – это будущее. Страны, обладающие как жесткой, так и мягкой силой, будут возглавлять конкуренцию за преобразование восточноазиатского порядка в 21 веке. Не только Соединенные Штаты, самая могущественная страна в мире, которая в настоящее время возглавляет мировой и восточноазиатский международный порядок и проводит новую стратегию реорганизации порядка, но и Китай, который привлекает внимание как потенциальный гегемонистский конкурент Соединенных Штатов; Япония, которая тихо, но активно участвует в гонке за преобразование регионального порядка; конкуренция за мягкую силу ожесточена между крупными странами Восточной Азии, включая Корею, которые ясно дали понять свою цель войти в развитый мир посредством прагматической дипломатии. Однако, если посмотреть на процесс продвижения «мягкой силы», то можно отметить, что каждая страна использует разные цели и методы «мягкой силы», и сравнительный анализ применения «мягкой силы» некоторых стран является актуальным вопросом для дальнейшего изучения системы международных отношений и дипломатии. Поэтому в данной статье мы возьмем за основу «мягкую силу» Южной Кореи и Китайской Народной Республики и попытаемся сравнить их.

Введение

«Мягкая сила» — это термин, созданный Джозефом С. Наем-младшим в 1991 году как концепция, противопоставляющая жесткую силу, такую как военная или экономическая мощь. Это концепция, которая относится к способности получить то, что вы хотите, посредством убеждения и очарования через ценности и публичную дипломатию. Поскольку привлекательность страны формируется различными факторами, такими как культура, система, социальный имидж, идеология и дипломатия, возможно также объяснить, что «культура», определяемая в широком смысле, является ключевым инструментом в формировании «мягкой силы». Таким образом, культурная индустрия является важной сферой для развития «мягкой силы», и в современную эпоху, когда коммуникационные технологии и средства массовой информации высоко развиты, а общественность может наслаждаться своей собственной культурой, популярная культура считается одним из важных факторов формирования так называемой «мягкой силы».

В своем докладе на партийном съезде 2018 года бывший Председатель Китая Ху Цзиньтао упомянул усиление культурной «мягкой силы», а также заявил о продвижении ее на национальном уровне.

Китай является страной с огромным населением, рынком, разнообразными этническими группами и богатой культурой. В результате быстрого роста культурной индустрии под сильным руководством правительства Китай теперь занял мощную позицию на мировом культурном рынке. Тем не менее, согласно исследованию «мягкой силы», проведенному «Portland Communications» в 2018 году, Китай не вошел в первую десятку среди развитых государств, заняв 27-е место. Мировой взгляд на Китай не очень позитивен, и этот результат сильно отличается от его статуса «второго государства по величине экономики». Китай — страна с серьезным дисбалансом между «жесткой» и «мягкой» силой.

В отличие от Китая и его политики «мягкой силы», Южная Корея достигла успеха в продвижении своей «мягкой силы» благодаря распространению культуры «Халлю». «Халлю» — это так называемая «корейская волна», которая включает в себя распространение по всему миру кинофильмов, сериалов, поп-музыки и другое корейского производства. В самом начале пути Южная Корея преследовала цели развития экономической мощи страны через «мягкую силу», на сегодняшний день эта цель все также актуальна, но с того времени эта

цель перестроилась, стала включать в себя и другие потребности государства.

Целью научной статьи является сравнительный анализ проведения политики «мягкой силы» Китая и Южной Кореи и определить, какая из сил более действенная. А также определить, в каком направлении работают оба государства для достижения своих целей в распространении своей мощи.

Описание материалов и методов

В целом, «мягкая сила», в отличие от «жесткой силы», определяется как способность добиваться «добровольного согласия» от других субъектов на основе «привлекательности и сочувствия», а не «силы принуждения», основанной на объективной и физической силе. На основе этой концепции исследования «мягкой силы»:

Во-первых, вместо объективных показателей в политической, экономической и военной областях, больше внимания уделяется анализу субъективных факторов, таких как национальный имидж страны, институты, доверие и лидерство, а также близость и распространение интеллектуальных и политических сил. культурные ресурсы. Таким образом, концепция «мягкой силы» по самой своей природе должна сопровождаться исследованием области субъективного восприятия, охватывающей эмоции, отношения и ценности политиков и обычных граждан каждой страны, а не объективных показателей, таких как ВВП. и масштаб военной мощи. Учитывая влияние общественного мнения на процесс формирования политики в каждой стране, опросы общественного мнения являются важным методом исследования «мягкой силы».

Во-вторых, чувства, установки и ценности по отношению к стране формируются не в результате односторонней оценки наблюдателя, а в результате постоянного взаимодействия с установками и действиями другой стороны. Поэтому анализ двустороннего или многостороннего взаимного признания становится более важным, чем независимое признание на национальном уровне. В конце концов, сравнительные исследования восприятия между странами, в которых проводятся исследования с сопоставимыми вопросами, становятся основной методологией анализа в исследованиях «мягкой силы».

Результаты

«Мягкая сила» в отличие от «жесткой силы» стала своего рода концепцией изучения и рассмотрения политических, экономических и социально-культурных сфер государства. Если вы определяете власть как «способность влиять на действия других людей, основанную на удержании определенных ресурсов для достижения желаемых результатов», то, в конечном счете, мягкая или жесткая сила, и ее полезность, - это степень, в которой вы используете властные ресурсы, чтобы подтолкнуть другую сторону к достижению своих политических целей. Другими словами, полезность власти может быть выражена как функция политических целей и намерений осуществления власти, а также результатов после ее использования. В результате концепция национальных интересов другой страны относится к степени ее способности двигаться в желаемом направлении.

Так что же такое «мягкая сила»? Работа Джозефа Ная 1991 года, в которой впервые была введена концепция «мягкой силы», положила начало концептуальной и теоретической неоднозначности мягкой силы. Двусмысленность проистекает из неясной концептуализации того, следует ли отличать мягкую силу от жесткой с точки зрения компонентов властных ресурсов или готовить ее на основе того, как работает власть. Таким образом, даже среди исследователей «мягкой силы» существует противоречивая грань между исследованиями, которые освещают мягкую силу с точки зрения компонента властных ресурсов, и исследованиями, которые показывают важность и положение «мягкой силы» в международной политике через различие между способами применения силы. Чтобы разрешить эту путаницу, Джозеф Най в своей работе 2004 года охватил силовой компонент и то, как он работает, повышая строгость концепции «мягкой силы» [1].

Концептуально «мягкая сила» отличается от «жесткой силы» в двух аспектах. Один из них — это компонент энергетического ресурса, а другой - механизм власти. В отличие от жесткой силы, где военная и экономическая мощь являются основными силовыми ресурсами, мягкая сила делает акцент на нематериальных ресурсах, таких как «культура, которая привлекает умы людей», «политические ценности, проецируемые на политическую и экономическую систему данной страны, которым следуют и претворяют в жизнь дома и за рубежом» и «внешняя политика той страны, которая воспринимается как обладающая законным и моральным авторитетом». Принцип действия власти заключается в том, что «жесткая сила» воздействует на национальные интересы другой стороны в такой форме, как

принуждение или компенсация, а «мягкая сила», посредством вдохновения или убеждения, движет другую сторону в направлении желаемой ими политики [2].

Здесь рабочий процесс вдохновения и убеждения требует разграничения. Вдохновение относится к добровольному принятию политической модели страны путем принятия ее культуры и ценностей. Следовательно, в данном случае «мягкая сила» означает, что она действует в государстве, в котором конкретно не указывается целевая страна или объект воздействия. Убеждение, как означает это слово, имеет различные мнения и предпочтения в определенной политике, но является не принуждением или вознаграждением, а мягкой ценностью, такой как культурные ценности [3].

КНР и Южная Корея – два государства с богатой историей и культурой, которые занимают не маловажное место в мировой политике, поэтому «мягкая сила» этих стран охватывает и нацелена на большое количество государств. Наличие «Чайнатауна» и «Ханинтауна» во многих крупных государствах говорит о том, что большое количество граждан, имеющих китайские и корейские корни, проживают на территориях других государств. Эти граждане также являются инструментом «мягкой силы», ведь проживая в иностранном государстве они распространяют свою культуру напрямую. Также немаловажным инструментом распространения «мягкой силы» является образование. Изучение китайского или корейского языка, как иностранного, является одним из важнейших элементов «мягкой силы». Ведь распространение культуры на языке страны дает возможность погружения в страну на 100 процентов. Далее последние несколько десятилетий и КНР, и Южная Корея активно продвигают свою культуру через кинофильмы и сериалы, музыку, кухню. Более половины жителей всего мира знают китайскую и корейскую кухни, и не только знают, но и активно пытаются повторить приготовить ее в домашних условиях, это является показателем популярности культуры КНР и Южной Кореи. Но в чем же схожесть и различия политики «мягкой силы» двух государств?

Обсуждение

Политические лидеры Китая рассматривают «мягкую силу» как важный элемент всеобъемлющей национальной мощи и продвигают стратегию укрепления «мягкой силы» на национальном уровне, как показано в вышеупомянутом докладе Ху Цзиньтао на партийной

конференции 2007 года [4]. Китайские ученые и политические лидеры оценивают, что экономическое развитие Китая и сближение с Китаем усиливаются. Мир благосклонен к Китаю, но все еще значительно уступает Соединенным Штатам в «мягкой силе». В частности, для преодоления различных конфликтов и противоречий, таких как бедность и региональные различия внутри страны, а также для продолжения стабильного развития и превращения в великую державу требуется создание стабильной и мирной международной обстановки. С этой целью признается, что крайне важно развеять теорию китайской угрозы, вызванную ростом жесткой силы Китая [5]. Таким образом, публичная дипломатия мягкой силы Китая сосредоточена на эффективном ответе на теорию китайской угрозы.

Чувствительность китайского правительства к теории китайской угрозы может быть подтверждена и в процессе перехода от первоначальной «теории мирного подъема» к «теории мирного развития» [4]. «Теория мирного подъема» была концепцией Чжи Цзяня, председателем Китайского форума реформ и открытости, на Беоаском азиатском форуме (BFA) в октябре 2003 года, чтобы утверждать, что Китай стремится к мирному подъему, и была принята Китаем. Однако были высказаны опасения, что смысл слова «возвышение, подъем» может привести к распространению теории китайской угрозы, поэтому через год после ее принятия она была заменена «теорией мирного развития». В апреле 2004 года Ху Цзиньтао объяснил основную идею внешней политики Китая в BFA, основанную на развитии мира и умиротворенности, прилагая усилия, чтобы блокировать теорию китайской угрозы, подразумеваемую теорией мира и умиротворенности. В продолжение китайское правительство также полагает, что концепция «Пекинского консенсуса», которая содержит философию государственного экономического развития, которая, по-видимому, бросает вызов Вашингтонскому консенсусу, может в итоге усилить китайскую теорию угрозы. Поэтому использование этого термина воздерживается в области международной политической экономики.

В частности, мы считаем, что международные политические теории, такие как теория игры за власть, теория агрессивного реализма, теория столкновения цивилизаций и теория демократического мира, являются основой теории западной китайской угрозы, включая Соединенные Штаты. Поэтому Китай со своей стороны делает все возможное, чтобы «мягкая сила» выглядела, как и положено «мягкой силе» [6]. Можно видеть, что это реакция на методы укрепления

мягкой силы, такие как общение с миром посредством открытия универсальности китайской культуры, распространение успешного дискурса о развитии мирного времени в китайском стиле, объективное представление Китая миру и поддержка на правительственном уровне расширения возможностей частной мягкой силы.

В частности, Китай подчеркивает открытость и миролюбивую направленность Конфуция и его идей, которые являются ключевыми для традиционной китайской мысли, и проводит крупное лотерейное движение как внутри страны, так и за рубежом. Ключевой инструмент «мягкой силы» КНР – идеи Конфуция. Символическим свидетельством этого является программа содействия созданию Института Конфуция в крупных стратегически важных странах в качестве средства распространения культуры. Целью Института Конфуция является «объективная информация о Китае», которая систематически распространяет китайскую культуру и язык по всему миру, уделяя особое внимание традиционной китайской культуре. Посредством объективного уведомления о Китае они стремятся повысить уважение к культуре и ценностям Китая среди населения целевой страны и тем самым создать имидж Китая как не представляющей угрозы и ответственной державы. Институт Конфуция известен тем, что его сравнивают с Институтом Гете в Германии, и был впервые создан в декабре 2004 года под названием Академия Конфуция в Йоксамдоне, Сеул. Интересный факт, что самый первый институт Конфуция был открыт именно в Южной Корее. К 2008 году было создано более 210 филиалов в 64 странах, и ожидается, что к концу 2010 года их будет около 500. Китайское правительство активно использует зарубежные университеты-побратимы китайских университетов для создания и развития институтов Конфуция и оказывает мощную политическую поддержку для распространения китайского языка и китайской культуры с выделением бюджетных средств примерно на 200 миллионов юаней (24 миллиарда долларов) в год. На сегодняшний день институт Конфуция также существует в Казахстане, близко сотрудничает с университетами Казахстана, в том числе с Евразийским Национальным университетом им.Л.Н. Гумилева, расположенного в столице Республики Казахстан, Астане.

Развитие индустрии культуры также является стратегически важным направлением китайской дипломатии мягкой силы. В 2007 году Китай впервые в истории разработал пятилетний план культурного развития, пытаясь совершить скачок в культурную державу с глобальной

экономической мощью за счет индустриализации традиционной культуры и развития передовых цифровых культурных индустрий. В то же время есть надежда, что, демонстрируя утонченную китайскую культуру, мир усилит свое восхищение Китаем, а создание культурного образа «ответственной великой страны» приведет к блокированию теории китайской угрозы. Политика привлечения иностранных студентов также является немаловажным. Привлечение иностранных студентов признано основным политическим инструментом для укрепления прокитайского понимания Китая, особенно элитами третьего мира. Например, лидеры следующего поколения АСЕАН, получившие образование в Соединенных Штатах, Соединенном Королевстве и Австралии, работают над укреплением дружественных сил в Китае с помощью различных стратегий поддержки образования и программ посещения, которые предоставляют стипендии и финансовые средства. Это также играет важную роль в оказании помощи стоять в авангарде наступления китайского очарования в будущем посредством различных стратегий образовательной и культурной поддержки, которые способствуют развитию отношений китайской диаспоры с зарубежными китайскими соотечественниками, проживающими в Юго-Восточной Азии и других местах. Он активно используется как возможность представить и распространить китайскую культуру за короткое время, привлекая крупные международные мероприятия, такие как Олимпийские игры и Экспо. Кроме того, знакомя с культурой и обществом Китая посредством расширения средств массовой информации, направленных против всего мира, таких как китайская версия CNN, транслирующая страны, способствующие мировому пониманию Китая, рассеивая китайские угрозы и повышая осведомленность о дружественных отношениях.

Что же касается Южной Кореи, то в последние годы дискуссии о политике «мягкой силы» глубоко и широко обсуждались в политических кругах. Южная Корея с первых дней становления политики мягкой силы фокусируется на коммерческих целях. Политика мягкой силы Южной Кореи, которая была разработана Министерством культуры и туризма в 1999 году в качестве отправной точки базового плана создания культурно-промышленного комплекса, была в самом разгаре с приходом к власти правительства Но Му Хена в 2003 году. С момента принятия основного плана создания комплекса культурной индустрии в 1999 году, который был направлен на консолидацию отраслей, связанных с культурной индустрией, в определенной

области, увеличение синергетического эффекта за счет сети между компаниями и создание основы для планирования, производства, распространения и экспорта конкурентоспособной на международном уровне культурной продукции, Политика мягкой силы Кореи лежала в основе ее коммерческих целей. Другими словами, политику мягкой силы Кореи, направленную на развитие индустрии культуры, также можно рассматривать как расширение новой области развивающегося государства в корейском стиле.

В 2003 году правительство Но Му Хена выбрало «Создание мощного центра индустрии культуры» в качестве одной из 12 основных национальных задач по повышению международной конкурентоспособности индустрии культуры путем развития таких культурных индустрий, как видео, звукозапись, анимация и игры. Цель политики состоит в том, чтобы приблизить эру национального дохода в размере 20 000 долларов США путем создания пяти крупнейших в мире центров культурной индустрии в течение пяти лет. В дополнение к этому, был также поддержан план создания кластера индустрии культуры в рамках расширения комплекса индустрии культуры, обсуждавшегося ранее, и семь регионов по всей стране, включая Чхунчхон, Пучхон, Тэджон, Чхонджу, Кванджу и Чонджу Кенджу, были определены в качестве основных геостационарных комплексов индустрии культуры.

Правительство Южной Кореи также создало Национальный комитет по бренду непосредственно при президенте, что можно рассматривать как помощь в преобразовании имиджа недорогостоящего экспортера в страну с развитой культурой и обеспечении экономического роста в развитую страну. В начале 2000 годов политика «мягкой силы» отражает благоприятность и надежность Кореи в мировой экономике, но существовал недооцененный национальный имидж, что привело к неоцененности корейских товаров. Поэтому с того момента, задача корейской дипломатии «мягкой силы» заключалась в повышении ценности национального бренда за счет сочетания традиций и высоких технологий.

«Страна, создающая новую культуру путем слияния западной и традиционной культур»: Южная Корея потерпела неудачу в самоподдерживающейся модернизации и имела горький опыт колонизации и войн, поэтому не было предела изучению передовой культуры.

В результате изучения и усвоения культур со всего мира корейцы создали совершенно уникальную новую культуру, объединив западную культуру с их традиционной культурой. Корейские драмы и видеоролики привлекают внимание и привлекают внимание многих стран мира в условиях влияния западной культуры

Это хорошо видно по взрыву «Халлю». Это новое культурное творение не закрыто, чтобы настаивать на нашей культуре, но характеризуется «культурной открытостью», которая активно способствует культурному обмену и сотрудничеству в международном сообществе, что является особенностью культуры, такой как «Халлю». В настоящее время «Халлю» существует не только в Восточной Азии, такой как Китай, Япония и Тайвань. За пределами Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы корейские драмы и видеоролики привлекают внимание. Это, безусловно, кажется примером видения и направления культурного продвижения во многие страны третьего мира, которые не в состоянии реализовать свой культурный потенциал и испытывают трудности под подавляющим влиянием западной культуры. В частности, быть культурно привлекательной страной имеет очень важное значение в том смысле, что такая привлекательность сохраняется надолго, на протяжении всей жизни человека.

Сила корейской кухни постепенно усиливается. В то же время «женьшень» известен во всем мире как лекарственное средство, а «бульгоги» позиционируют, как очень привлекательное блюдо, особенно для жителей Запада. В частности, в последние годы «кимчи», экологически чистый продукт питания, привлек международное внимание как очень уникальное и привлекательное блюдо и был официально аккредитован. Если раньше данный продукт можно было найти на прилавках специальных азиатских магазинов и маркетов, то теперь его можно приобрести в обычном супермаркете у дома. Это говорит о том, что спрос на данный продукт возрос в десятки раз.

В настоящее время Южную Корею знают практически все, благодаря не только сериалам и музыке, но и благодаря спорту, образованию, IT технологиям, туризму. В последнее время выросло число международных браков, где один из супругов является кореец или корейка, что тоже наталкивает на вывод о успешной политике «мягкой силы» Кореи.

Этот символический ресурс как культурно созидательной страны также, по-видимому, предоставляет большое пространство для международной политической и военной деятельности Южной Кореи.

Заключение

Изначально цель проведения политики «мягкой силы» у двух государств разная. КНР преследовала цель избавиться от ярлыка «китайская угроза», так как до начала активного проведения политики «мягкой силы» и ведения публичной дипломатии, многие страны считали Китай страной, которая может применить «жесткую силу» по отношению к их стране и их ценностям. Поэтому такая реакция повлияла на изменение политики Китая в отношении других государств. Южная Корея, в свою очередь, поставила себе цель стать экономически мощной страной, экономически независимой страной, поэтому начала активно проводить политику «мягкой силы». Китай за основу своей «мягкой силы» взял философию и идеи Конфуция, и на основе его концепции развил свою политику. Южная Корея же в свою очередь соединила западную и свою культуру, и получила новую культуру, новую концепцию «мягкой силы», которая сочетает в себе тренды запада и особенности восточной культуры. Подводя итоги и сравнивая два подхода проявления «мягкой силы», можно отметить следующее, несмотря на разные цели, оба государства использовали похожий инструмент воздействия на другие страны. Это культура, язык и философия страны, развивая и мягко воздействуя через фильмы, центры, сериалы и музыку, обе страны добились того, к чему шли. И делая предположение на будущее, судя по нынешней ситуации, это еще не конец, и КНР и Южная Корея еще дадут о себе знать, и продолжат продвигать себя в других странах, так как технологии развития этих двух стран поразительны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Nye J., Jr. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – N 80. – P. 153-171.
- [2] Cho Dae-sik. Korean Public Diplomacy and Cultural Diplomacy in the Era of Soft Power // Journal of International Affairs. – 2010. - Vol. 9, No. 3. – P. 3.
- [3] Yong Wook Lee. Soft Power as Productive Power / In: Soft Power and Public Diplomacy in East Asia. Ed. by Sook Jong Lee and Jan Melissen. – London: Palgrave-MacMilan, 2011. - P.57-65.
- [4] Ding Sheng. Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power//A New Look at China's Rise to the Status Quo Power // Journal of Contemporary China. – 2010. – N 19(64). – P. 255-272.
- [5] Kurlantzick J. China's Charm Offensive//How China's Soft Power Is Transforming the World. - New HavenYale University Press, 2007.

[6] Жакьянова А.М., Мямешева Г.Х. Орталық азия аймағындағы білім беру саясаты: дамудың жаңа бағыты // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия “Международные отношения и регионоведение”. - 2024. - № 2.- С.7-13.

REFERENCES

- [1] Nye J., Jr. Soft Power, Foreign Policy, 1990, N 80, pp. 153-171.
[2] Cho Dae-sik. Korean Public Diplomacy and Cultural Diplomacy in the Era of Soft Power, Journal of International Affairs, 2010, Vol. 9, No. 3, p. 3.
[3] Yong Wook Lee. Soft Power as Productive Power / In: Soft Power and Public Diplomacy in East Asia. Ed. by Sook Jong Lee and Jan Melissen. Palgrave-MacMilan, 2011, p.57-65.
[4] Ding Sheng. Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power//A New Look at China's Rise to the Status Quo Power, Journal of Contemporary China, 2010, N 19(64), p. 255-272.
[5] Kurlantzick J. China's Charm Offensive//How China's Soft Power Is Transforming the World. New HavenYale University Press, 2007.
[6] Zhakiyanova A.M., Myamesheva G.Kh. Obrazovatel'naya politika v tsentral'no-aziatskom regione: novyy kurs razvitiya [Educational policy in the Central Asian region: a new course of development]. Izvestiya KazUMOiMYa. Seriya “Mezhdunarodnyye otnosheniya i regionovedeniye”, 2024, № 2, s.7-13 [in Russ.].

ҚХР МЕН ОҢТҮСТІК КОРЕЯ МЫСАЛЫНДА ЖҰМСАҚ ҚУАТТЫ ПАЙДАЛАНУҒА САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

*Кабинова А.Ж.¹, Қилыбаева П.К.²

*¹ PhD докторанты, Еуразия ұлттық университеті. Гумилева Л.Н.
Астана, Қазақстан, e-mail: ainura19101993@gmail.com

² Еуразия ұлттық университетінің доценті. Л.Н.Гумилева
Астана, Қазақстан, e-mail: banu-kk@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада ҚХР және Оңтүстік Корея сияқты екі мемлекеттің «жұмсақ күшінің» айырмашылығы қарастырылады. Қазіргі уақытта екі ел басқа мемлекеттерге қатысты «жұмсақ күш» жүргізу жөніндегі халықаралық саясатта соңғы орында емес. Көптеген соғыстардан кейін және әртүрлі мемлекеттердің аумақтарында «қатал күш» пайда болғаннан кейін, көптеген елдер «қатал күш» өз ықпалын таратудың тамаша тәсілі емес деген қорытындыға келді, өйткені

«қатаң саясат» нәтижесінде мемлекеттің күйреуіне және құлдырауына әкеледі. Корея Республикасы мен Қытай бай ұлттық қазынасы мен еңбекқорлығымен оны «жұмсақ күш қаруына» айналдырып, оларды басқа мемлекеттердің территорияларына ықпал етті. ҚХР мен Оңтүстік Корея бүгінгі күнге дейін өздерінің бай мәдениеті арқылы өздерінің мемлекеттік идеясын, саясатын, экономикасын және өмірдің басқа салаларын сәтті таратуда. Екі елдің мәдениетін таратудың құралдары-музыка, БАҚ, ұлттық тағамдар, ұлттық тіл және тағы басқалар. Осы сұрақ пен тақырыпты зерттеудің негізгі әдісі салыстырмалы зерттеу әдісін бөліп көрсетуге болады, сонымен қатар авторлар «кейс-стади» әдістерін, талдау мазмұны мен эмпирикалық әдістерді қолданды. Мақалада авторлар болашақта оқырмандарға көмектесетін сенімді және өзекті деректерді қолдануға тырысты. Қорытындылай келе, авторлар Оңтүстік Корея да, ҚХР да өздерінің мәдениетінің, дүниетанымы мен көзқарасының элементтері мен ерекшеліктерімен ұқсас «жұмсақ күш» әдістерін қолданады деген қорытындыға келді. Айырмашылық «жұмсақ күшті» қолданудың бастапқы мақсатында көрінді. Болашақты болжай отырып, авторлар бұл екі мемлекет жақын арада әлемдік аренада «жұмсақ күш» арқылы өзін көрсетеді деп болжайды.

Тірек сөздер: ҚХР, Оңтүстік Корея, «жұмсақ күш», «қатты күш», саясат, мәдениет, Конфуций идеясы, «Халлю»

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE USE OF SOFT POWER IN THE EXAMPLES OF PRC AND SOUTH KOREA

*Kabirova A.Zh.¹, Kylybaeva P.K.²

^{*1} PhD student, Eurasian National University. Gumileva L.N.
Astana, Kazakhstan, e-mail: ainura19101993@gmail.com

² Docent of the Eurasian National University. L.N. Gumileva
Astana, Kazakhstan, e-mail: banu-kk@mail.ru

Abstract. This article examines the difference between the conduct of «soft power» of two states, such as China and South Korea. In modern times, the two countries are not in the last place in the international policy of conducting «soft power» against other states. After numerous wars and manifestations of «hard power» in the territories of different states, many countries have come to the conclusion that «hard power» is not an ideal way to spread their influence, since «hard politics» leads to the ruin and decline of the state as a result. The Republic of Korea and China, having

a rich national treasure and hard work, turned this into their «soft power weapons» and made them levers of influence on the territories of other states. To this day, China and South Korea have successfully spread their state idea, politics, economy and other spheres of life through their rich culture. The instruments of spreading the culture of the two countries are music, media, national cuisine, national language and much more. The main method of studying this issue and topic is the comparative research method, in addition to it, the authors also used the methods of «case study», content analysis and empirical methods. In the article, the authors tried to use reliable and up-to-date data that will help readers in the future. In conclusion, the authors concluded that both South Korea and China use similar methods of «soft power», with elements and features of their culture, worldview and approach. The difference manifested itself in the original purpose of using «soft power». Predicting the future, the authors assume that in the near future these two states will still prove themselves on the world stage through «soft power».

Keywords: China, South Korea, «soft power», «hard power», politics, culture, the idea of Confucius, «Hallyu»

Статья поступила 24.06.2024 г.

UDC 327.7

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.016>

IRSTY 11.25.40

ROLE OF ASEAN IN ECONOMIC INTEGRATION PROCESSES IN ASIA

Chukubayev Y.S.¹, Kuzembayeva A.B.², *Issayeva D.A.³

¹ Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Narxoz University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: chukubayev.y@mail.ru

² Assistant Professor, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: asiya.kuzembayeva@gmail.com

^{*3} Master's student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty,
Kazakhstan, e-mail: dana.askarovna@mail.ru

Abstract. ASEAN plays significant role in the economic integration processes in Asia. The financial crisis in 1997 fostered the integration processes between Asian countries. Asian integration mainly characterized

by the open regionalism which promotes economic integration and trade liberalization between states. Asian regionalism is market-driven and open to economic cooperation, trade and investment. ASEAN promote the internal integration between member states of the organization and external integration between ASEAN and partners. ASEAN's initiatives that focused on external integration such as ASEAN Regional Forum, APEC, East Asia Summit, ASEAN+3 and others. Through its collaborative efforts and commitment to fostering economic partnerships, the Asian region has witnessed substantial progress in trade, investment and economic cooperation. The article analyzes the intra-regional trade, investment flows, economic cooperation initiatives between ASEAN and East Asian countries. This article examines economic relations of ASEAN with China, Japan and South Korea in the framework of ASEAN+3. The ASEAN+3 forum fosters economic cooperation between Southeast Asia and East Asian countries such as China, Japan, South Korea. The cooperation between ASEAN and China, Japan, South Korea mainly focused on the economic cooperation, mainly trade, FDI Investment and digital economy. ASEAN+3 considered as an important platform for promoting regional cooperation between the countries of Southeast Asia and East Asia.

Keywords: economic integration, ASEAN, Asian regionalism, ASEAN+3, East Asia, China, Japan, South Korea

Basic provisions

ASEAN plays a pivotal role in promoting economic integration in Asia through various initiatives and frameworks, such as ASEAN+3 and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), which facilitate trade liberalization and investment flows.

ASEAN's activities are primarily focused on advancing economic regionalization, shaped by unique political and historical contexts from the latter half of the 20th century. Since the late 1990s, ASEAN has intensified its efforts to strengthen its role on a macroregional scale, successfully integrating member states and establishing key regional forums like ASEAN+3, the ASEAN Regional Security Forum, and the East Asia Summit. Central to this effort is the ASEAN Economic Community (AEC), which aims to create a single market and economic area, driving intra-ASEAN trade and positioning the region as one of the fastest-growing economies globally, thereby attracting significant foreign investment and enhancing global competitiveness.

By fostering key agreements like the ASEAN-China Free Trade Agreement and enhancing cooperation with Japan and South Korea, ASEAN has significantly reduced tariffs and boosted trade with major partners.

Introduction

ASEAN aims to enhance economic integration among member states and with external partners. ASEAN works on trade agreements and partnership to stimulate economic growth. ASEAN integration focused on both internal and external integration. ASEAN Economic Community aims to create integrated economic community between members of ASEAN. One of the successful initiatives in promotion of economic integration between ASEAN and East Asian countries is ASEAN+3.

ASEAN play significant role in integration processes in Asia. It promotes the initiatives that contributes to the development of the integration processes in Asia.

ASEAN is organization which regulates the integration processes in Southeast Asia. ASEAN was established on August 8, 1967 following countries Indonesia, Malaysia, Philippines, Singapore and Thailand. Later it was joined by Brunei, Vietnam, Myanmar, Cambodia.

At the beginning of establishment, countries mainly focused to the development of political, economic and socio-cultural cooperation. The financial crisis in Asia between 1997 and 1998 urged to deepen the cooperation between ASEAN countries. ASEAN integration processes in Asian region took place along two directions. Firstly, the inner direction focused on the establishment and promotion of “integration basis” within the ASEAN. The second is external direction, where ASEAN play the role of a “consolidated actor” and develop relations with regional and non-regional partners. After financial crisis in Asia, ASEAN and East Asian countries: China, Japan, South Korea fostered the economic cooperation and integration between countries. The Free Trade Area agreements were signed between ASEAN and East Asian states. In response to the financial crisis, ASEAN started closely collaborating with China, Japan, and South Korea.

Description of Materials and Methods

As the main research methods, it was chosen document analysis and secondary research methods. The secondary research method was used for analyzing of the academic and scientific articles and reports related to Asian regionalism concept and ASEAN’s internal and external integration.

The documents of ASEAN Economic Outlook and ASEAN Statistical Highlights of ASEAN Secretariat were used for analyzing statistical data of economic and trade relations between ASEAN and Asian countries. Internal integration and external integration of ASEAN were examined through comparative analysis of statistical data. The speeches of government representatives were explored for deeper understanding of state positions on the cooperation between ASEAN and Asian states.

Literature review

Chen, Lombaerde, Cuyvers says that the Asian regionalism is predominantly market-driven [1].

Ando and Kimura characterize the Asian regionalism as open regionalism which means the openness to cooperation with external partners [2].

A. Acharya emphasized the 3 levels of regionalization in Southeast Asia: the formation of pan-Asian regionalism (1960), cooperation in the Asia-Pacific region with developing role of ASEAN organization (1960-1990), the emergence of new Asian regionalism (1990). From 1990s, the new regionalism processes were intensified and the ASEAN's activities in integration processes also have developed.

ASEAN countries develop both internal and external integration. ASEAN's initiatives that focused on external integration such as ASEAN Regional Forum, APEC, East Asia Summit, ASEAN+3 and others.

In order to develop internal integration, ASEAN established the ASEAN Political Security Community, ASEAN Economic Community, ASEAN Socio-Cultural Community, Initiatives for Connectivity [3].

According to Hidayat, ASEAN's external integration outpaced the internal integration, relying on trade and investment with non-ASEAN states rather than within it [6]. Especially, ASEAN cooperate closely with East Asian countries such as China, Japan and South Korea. China considered as one of the most important trade partners of ASEAN.

China's economic influence in ASEAN growing significantly, surpassing other major partners. The RCEP is expected to further enhance ASEAN-China trade. China's Minister of Foreign Affairs of China Wang Yi underlined that ASEAN+3 member states should make efforts to implement the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. This agreement expected to enhance ASEAN-China Trade.

Hou Yanqi underlined the significance of ASEAN China Free Trade Area negotiations that upgraded economic and trade cooperation of ASEAN

and China. Yanqi highlighted that ACFTA will further reduce tariffs, regulate measures in fields of customs and enhance trade and investment. Moreover, he states about cooperation in digital economy and green transformation and enhance deeper integration of regional supply chains [8].

According to statement of Japan's Prime Minister Kishida, the priority areas of ASEAN and Japan cooperation is financial digitalization, maritime cooperation and achieving SDG goals. The cooperation between ASEAN and East Asian countries has been developing intensively.

Thi Nguyet Anh Nguyen, Thi Hong Hanh Pham, Thomas Vallee in their publication, "Economic Integration in ASEAN+3: Network Analysis" analyzed the investment flows to ASEAN countries from external partners. From 1997 to 2010, trade flows between ASEAN and China, Japan, South Korea increased significantly [10].

The growth of trade cooperation with ASEAN and investment to the member states, shows the high interest of external partners to ASEAN. The expansion of trade and investment within ASEAN+3, openness for investment, trade liberalization, production networks lead to the developing of the economic integration between ASEAN and East Asian countries [10].

Results

ASEAN's initiatives such as ASEAN+3 promote for fostering the economic integration in Asian region. ASEAN's trade with external actors in Asia outpaced the intra-ASEAN trade. ASEAN-China Free Trade Agreement between ASEAN and China substantially reduced tariffs for fostering the trade between ASEAN and China. The cooperation between ASEAN and Japan mainly devoted to economic cooperation, financial digitalization. Regional Comprehensive Economic Partnership, involves ASEAN and six major trading partners, including East Asian countries. RCEP focused on the reducing of tariffs and creation of integrated market and business opportunities. The agreement contributes to strengthening economic ties between the countries and creates an efficient market with significant opportunities in the region. ASEAN and South Korea signed Joint Declaration on Comprehensive Cooperation Partnership in the ASEAN-South Korea meeting. The Free Trade Agreement between ASEAN and the Republic of Korea was signed in 2009. Afterwards the overall trade steadily increased between ASEAN and South Korea. Economic cooperation has led to increased foreign direct investment flows within the region. The expansion of trade and FDI within ASEAN+3, openness for investment, trade liberalization, production networks lead to the developing of the

economic integration between ASEAN and East Asian countries [10].

In Asian regionalism, de facto regionalization or practical integration takes precedence over de jure regionalization. Asian regional integration is predominantly market-driven and constructed around cooperation between private companies and government [1].

Another feature of Asian regionalism is openness to cooperation with external partners. Kimura and Ando underline that Asian regionalism, particularly within ASEAN, considered as open regionalism, which means the openness to partnership with countries outside the region in the trade of goods, services, investment and technology. ASEAN promotes open-regionalism for development of trade liberalization and economic integration between states [2].

In the context of Southeast Asia, the concept of “new regionalism” is very often mentioned. As many scientists have noted, regionalism is not a new phenomenon.

The new regionalism is a heterogeneous, comprehensive and multidimensional phenomenon based on market and public organizations, as well as on nation-States and embracing economic, cultural, political, security and environmental aspects. New regionalism characterized as export-oriented and integrated o world economy. Size regionalism extends from megaregions such as APEC, macroregions such as the EU or NAFTA, and subregions (microregions) such as ASEAN. Regarding the new regionalism in East Asia, there are three types of regionalism: R. Hatsue defined three types of regionalism; sub, macro and mega regionalism, taking into account the number of participants, the level of development of stages of economic development, industrial relations, cultural identity, the level of regionalization and/or regional integration, institutional formality and ideology [14]. According to A. Acharya, there are three levels of development of regionalization in Southeast Asia [15]: - 1960 - the formation of “pan-Asian” regionalism;

- 1960-1990 – development of cooperation in the Asia-Pacific region with an increased role ASEAN;

- Since 1990, the emergence of the infrastructure of the “new” Asian regionalism.

The ASEAN plays crucial role in promotion of integration both internally and externally. ASEAN’s initiatives that focused on external integration such as ASEAN Regional Forum, APEC, East Asia Summit, ASEAN+3 and others.

In order to develop internal integration, ASEAN implemented the ASEAN Political Security Community, ASEAN Economic Community, ASEAN Socio-Cultural Community, Initiatives for Connectivity [3].

Generally, ASEAN's activities devoted to the economic regionalization processes. Particular political and historical circumstances that shaped Southeast Asia's development in second half of the 20th century. As a result, the current dynamics of ASEAN development are consistent with the trends of new regionalism, which encompass a greater range of domains (trade, economic, environment, security), develops relations with state and non-state actors. From the late 1990s, ASEAN move towards to strengthen its role in macroregional scale. ASEAN succeeded in integration of states in the region and established regional forums such as ASEAN+3, launched macroregional and interregional projects such as the ASEAN Regional Security Forum, East Asia Summit, APEC.

Discussion

ASEAN works towards creating a single market and economic area known as ASEAN Economic Community. The economic integration of ASEAN regulates between member states and externally with global partners.

The economy of member countries of ASEAN considered as one of fastest growing in the world. The establishment of ASEAN Economic Community transformed the ASEAN integration into largest market with expanding population and attractive to foreign investors. One of goals of creation of AEC is to develop intra-ASEAN trade. [4] AEC goals: single market, expediting economic growth, bolstering the competitiveness, integration into global economy [4].

One of the main aims of AEC is to create a single market between member countries. In order to achieve this goal, processes such as elimination of the tariff barriers and non-tariff barriers have been implementing.

The intra-trade of ASEAN rose from 21.3% in 2021 to 22.3% in 2022, showing stronger regional integration (Annual Report, ASEAN Secretariat) [5].

Fajar Hidayat noted that external integration has outpaced the internal integration. ASEAN countries cooperate in trade and investment with non-ASEAN countries. China is one of the significant partners among the external powers engaged in trade with ASEAN. In terms of ASEAN's overall trade, merchandise trade between ASEAN and China grown up from 13 percent (2012) to 20 percent (2021), surpassing figures for the USA – 11 percent, EU- 8 percent and Japan - 7 percent [6].

ASEAN+ format cooperation engage countries of East Asia and South Asia. The cooperation between ASEAN and China, Japan, South Korea mainly focused on the economic cooperation, mainly trade, FDI Investment.

The financial crisis in Asia in 1997 showed the need for regional cooperation and the first ASEAN+3 Summit was held in Kuala Lumpur, Malaysia in 1997.

The following as the primary drivers of the dynamics of integration initiatives in East Asia:

- the region's states' dynamic economic growth;
- the success of integration processes in Europe and North America as a model;
- the fallout from the Asian financial crisis of the late 1990s;
- the challenges associated with trade liberalization at the multilateral level within the WTO [13].

The ASEAN+3 discussion mechanism—which included the ASEAN member states as well as Japan, the Republic of Korea, China, and the Philippines—played a significant role in bolstering East Asian regionalism and instigating the establishment of the East Asian Summit [13].

The ASEAN+3 is a forum that serves as a coordinator for cooperation between the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and three East Asian countries: China, Japan, and South Korea. The movement towards closer cooperation and the eventual formation of a free trade area between ASEAN and China began in the 1990s.

The success of ASEAN's integration efforts was limited until the early 1990s of the 20th century. A preferential trade zone with many exceptions, a small amount of mutual trade goods, and mutual industrial cooperation were developed under a compensation scheme that shared the resources available to the participating countries. Integration efforts have accelerated since 1992, when the Singapore Summit's resolutions on the ASEAN-AFTA Free Trade Area were approved [13].

The first meetings of leaders took place in 1996 and 1997 when China and Japan initiated regular high-level meetings with ASEAN members. The significance and importance of ASEAN+3 were heightened by the Asian financial crisis. In response to the crisis, ASEAN closely collaborated with China, Japan, and South Korea. In a Joint Statement, ASEAN+3 leaders resolved to strengthen and deepen cooperation in East Asia at various levels and in various areas, particularly in economic, social, and political domains.

In 2005, the first East Asia Summit was held in the capital of Malaysia, Kuala Lumpur, consisting of 16 ASEAN-10 states, Japan, China, the Republic of Korea, Australia, New Zealand and India. The Russian Federation has observer status. At the summit, a strategic goal was made on the establishment of the East Asian Economic Community – the East Asian Economic Community by 2020. Several models of the WPP have been developed, including according to the formulas ASEAN+6, ASEAN+3, ASEAN+1+1+1 [13].

An essential outcome of this summit was the formulation of the Work Plan for ASEAN+3 Cooperation (2007-2017), serving as the principal strategy for enhancing collaboration within ASEAN+3 over the subsequent decade. This plan aimed at fostering comprehensive and mutually beneficial cooperation across various sectors, laying a robust foundation for regional integration and development.

Since its establishment, cooperation among the states within ASEAN+3 has expanded and deepened across numerous areas, including politics and security, combating international crime, economics, finance and monetary relations, agriculture and forestry, energy, mineral extraction, tourism, healthcare, labor resources, culture and the arts, environmental protection, science and technology, information and communication technologies, social welfare and poverty alleviation, disaster management, youth issues, women's rights, and others.

China considered the ASEAN+3 as a significant mechanism in the maintaining of the stability in the region. The total trade between ASEAN and China amounted to 975 billion dollars in 2022. ASEAN is considered as largest trading partner of China. [8] ASEAN and China entered into Free Trade Agreement Upgrading Protocol in 2019. Over 90% of products from China and ASEAN are tariff-free under the terms of FTA agreement.

ASEAN+3 contributed to the socio-economic development of participating countries, ensured financial and food security and supported the stable functioning of international supply chains. China interested in deepening pragmatic cooperation and reaching consensus for maintaining of peace and stability in East Asia.

Moreover, China's interests in ASEAN+3 format cooperation mainly focused on the economic integration. According to Minister of Foreign Affairs of China Wang Yi, member countries of ASEAN+3 should make efforts to implement the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. Another provision of Wang Yi is the development of digitalization and expanding the cooperation in digital economy and artificial intelligence [7].

Total trade between ASEAN and Japan is 268.5 billion dollars. Japan considered as 5th largest partner of ASEAN countries. The dialogue on the Free Trade Area (FTA) between Japan and ASEAN is being practically implemented. Having observed the positive outcomes of the China-ASEAN FTA, Japan has decided to elevate its relations with ASEAN countries to a new, more constructive level. The dialogue on mutually beneficial cooperation between Japan and ASEAN countries began in 1973, and since then, cooperation between the two regions has been strengthened through the signing of agreements covering economic, political, social, and cultural areas [12].

In April 2008, a comprehensive agreement on economic partnership between Japan and ASEAN, known as the ASEAN-Japan Comprehensive Economic Partnership (AJCEP), was signed. This agreement is comprehensive in nature and covers issues related to trade in goods and services, regulation of investment activities, and overall economic cooperation. The agreement contributes to strengthening economic ties between the countries and creates an efficient market with significant opportunities in the region [12].

In the 26th September, 2023, ASEAN+3 summit, Japan's Prime Minister Kishida expressed support for ASEAN centrality and unity. He also mentioned about priority areas in ASEAN+3 cooperation such as post-pandemic economic recovery financial digitalization, maritime cooperation and achieving SDG goals [9].

ASEAN and South Korea cooperation was firstly initiated in 1989. In 2004, ASEAN and South Korea signed Joint Declaration on Comprehensive Cooperation Partnership in the ASEAN-South Korea meeting.

The Free Trade Agreement between ASEAN and the Republic of Korea was signed in 2009. The overall volume of trade between ASEAN and the Republic of Korea steadily increased after the global financial crisis in 2009. It temporarily showed signs of stagnation in 2015-2016, but from 2017 onwards, it resumed growth.

Another indicator of economic integration is Foreign Development Investment. From 1997 till 2010, trade flows between ASEAN and China, Japan and South Korea increased significantly. Main industrialized countries are the large investors in ASEAN. The multinational firms of EU, US and Japan contributed over 40% of all FDI into ASEAN during 2005-2010. [10] During period 2012- 2022, inward FDI flows from Extra-ASEAN countries rose sharply from 92.9 billion dollars to 196.5 billion dollars. [11] However, intra ASEAN FDI flows grew slowly from 24 billion dollars to 27.7 billion dollars. (2012-2022). In general, the proportion of intra-ASEAN foreign

direct investment flows is still smaller than that of extra-ASEAN FDI flows.

The expansion of trade and FDI within ASEAN+3, openness for investment, trade liberalization, production networks lead to the developing of the economic integration between ASEAN and East Asian countries [10].

The economic significance of these seas is paramount, and any escalation of tensions could severely impact future economic integration. However, the ASEAN +3 nations, recognizing their interdependence post the 1997-1998 crisis, have pursued greater economic integration. This shared understanding acts as a deterrent against significant conflict, as the economic risks involved for each country in promoting conflict are high. Economic integration serves as a deterrent and a platform for multilateral resolution if bilateral negotiations falter, making significant conflict improbable despite individual nationalistic agendas.

Conclusion

Asian regionalism is market-driven and open to economic cooperation, trade and investment. From Asian financial crisis 1997-1998, the Asian countries deepened the cooperation and fostered the integration processes in the region.

ASEAN considers as one of the key players in the Asian integration processes. Through its collaborative efforts and commitment to fostering economic partnerships, the region has witnessed substantial progress in trade, investment and economic cooperation.

ASEAN develop economic integration both internally and externally. ASEAN's initiatives that focused on external integration such as ASEAN Regional Forum, APEC, East Asia Summit, ASEAN+3 and others. The ASEAN+3 was found for long-term goal of cooperation with East Asian states in the spheres of politics, trade and investment.

However, ASEAN trade cooperation with external partners, especially East Asian states, exceeded the internal integration. The trade between ASEAN and China significantly strengthened. China's interests in ASEAN+3 format cooperation mainly focused on the economic integration. China also focused on the further development of digitalization and expanding the cooperation in digital economy and artificial intelligence. The Japan and ASEAN economic cooperation have future perspectives in financial digitalization. ASEAN and South Korea also developed economic cooperation in the framework of Free Trade Area agreement. China is considered as the largest source of FDI investments flows into ASEAN, after USA and EU. Both Japan and South Korea considered as one of the

large investors to ASEAN countries which shows interest of East Asian countries to cooperate with ASEAN in fields such as trade, economy and investments.

There are challenges in economic integration processes in Asia such as geopolitical tensions, differences of political and economic structures, ethnic tensions and others. ASEAN will play important role to address these challenges through cooperation and innovative economic policies in sustaining of economic integration in Asian region. As the region navigates evolving global dynamics, ASEAN's commitment to unity and collaboration remains crucial in shaping an integrated economic landscape for the benefit of all member states and Asian region.

REFERENCES

- [1] Chen L., Lombaerde P., Cuyvers L. Markets Matter: The Potential of Intra-Regional Trade in ASEAN and Its Implications for Asian Regionalism // Asian Economic Papers. – 2017. - Vol. 16. - No. 2. - P. 1–19.
- [2] Ando M., Kimura F. Two-dimensional Fragmentation in East Asia: Conceptual Framework and Empirics // International Review of Economics and Finance. – 2005. – Vol. 14 No. 3. – P. 317–348.
- [3] Колдунова Е. В. АСЕАН проблемы регионализма и перспективы интеграционных процессов. // Юго-Восточной Азии: актуальные проблемы развития. – 2008. – №11. – С. 28-37.
- [4] ASEAN Economic Community Blueprint. – Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008. – P. 7-10.
- [5] Economic Outlook // ASEAN Economic Integration Brief. – 2023. - №13. – P. 2-8.
- [6] Hidayat F. Balancing ASEAN's Internal and External Economic Integration // <https://thediplomat.com/2023/02/balancing-aseans-internal-and-external-economic-integration>
- [7] Tian, Shenyoujia “ASEAN, China, Japan, S. Korea should strengthen cooperation, jointly meet challenges: Wang Yi”. // <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0IHECNCH.html>
- [8] Hou Yanqi China and ASEAN: Cooperating to Build Epicentrum of Growth // asean.china-mission.gov.cn
- [9] The 26th ASEAN Plus Three (Japan-China-Republic of Korea) Summit // https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page6e_000382_00002.html
- [10] Thi Nguyet Anh Nguyen, Thi Hong Hanh Pham, Thomas Vallée Economic Integration in ASEAN+3: A Network Analysis // Journal of Economic integration. – 2016. - Vol. 31. - No.2. – P. 275-325.

[11] ASEAN Statistical Highlights. - Jakarta: ASEAN Secretariat, 2023. <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/10/ASH-2023-v1.pdf>

[12] Сергун И. П. АСЕАН+3: ключевые позиции сотрудничества и перспективы развития. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2011. - С. 30-35.

[13] Костюнина, Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели. // Вестник МГИМО Университета. – 2011. - С. 24-42.

[14] Hattori R. Regionalisms in East Asia and the Asia-Pacific // In book: Globalism, Regionalism and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1999. – P. 5-75.

[15] Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // Italian Journal of International Affairs. – 2012. – Vol. 47(1). - P. 3-15.

REFERENCES

[1] Chen L., Lombaerde P., Cuyvers L. Markets Matter: The Potential of Intra-Regional Trade in ASEAN and Its Implications for Asian Regionalism // Asian Economic Papers. – 2017. - Vol. 16, No. 2. - P. 1–19.

[2] Ando M., Kimura F. Two-dimensional Fragmentation in East Asia: Conceptual Framework and Empirics // International Review of Economics and Finance. – 2005. – Vol. 14 No. 3. – P. 317–348.

[3] Koldunova, E. V. ASEAN problemy regionalizma i perspektivy integracionnyh processov. [ASEAN problems of regionalism and prospects for integration processes.] // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. – 2008. – №11. – P. 28-37.

[4] ASEAN Economic Community Blueprint. – Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008. – P. 7-10.

[5] Economic Outlook // ASEAN Economic Integration Brief. – 2023. - №13. – P. 2-8.

[6] Hidayat F. Balancing ASEAN's Internal and External Economic Integration // <https://thediplomat.com/2023/02/balancing-aseans-internal-and-external-economic-integration>.

[7] Tian, Shenyoujia ASEAN, China, Japan, S. Korea should strengthen cooperation, jointly meet challenges: Wang Yi. // <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0IHECNCH.html>

[8] Hou Yanqi China and ASEAN: Cooperating to Build Epicentrum of Growth // asean.china-mission.gov.cn Accessed: Nov. 15, 2023

[9] The 26th ASEAN Plus Three (Japan-China-Republic of Korea) Summit // https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page6e_000382_00002.html

[10] Thi Nguyet Anh Nguyen, Thi Hong Hanh Pham, Thomas Vallée Economic Integration in ASEAN+3: A Network Analysis // Journal of Economic integration. – 2016. - Vol. 31, No.2. – P. 275-325.

[11] ASEAN Statistical Highlights. - Jakarta: ASEAN Secretariat, 2023. <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/10/ASH-2023-v1.pdf>

[12] Sergun I. P. ASEAN+3: ključevye pozicii sotrudnichestva i perspektivy razvitiya. [ASEAN+3: key positions of cooperation and development prospects.] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Jekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2011. -P. 30-35.

[13] Kostjunina, G.M. Regionalizacija Vostochnoj Azii: istoki i osnovnye modeli. [Regionalization of East Asia: origins and main models.] // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2011. P. 24-42.

[14] Hatsuse R. Regionalisms in East Asia and the Asia-Pacific // In book: Globalism, Regionalism and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1999. – P. 5-75.

[15] Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // Italian Journal of International Affairs. – 2012. – Vol. 47(1). – P. 3-15.

АЗИЯ АЙМАҒЫНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ПРОЦЕССТЕРІНДЕГІ АСЕАН ҰЙЫМЫНЫҢ РӨЛІ

Чукубаев Е.С.¹, Кузембаева А.Б.², *Исаева Д.А.³

¹ Тарих ғылымдарының кандидаты, Қауымдастырылған профессор
Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан
e-mail: chukubayev.y@mail.ru

² Ассистент профессор, Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан
e-mail: asiya.kuzembayeva@gmail.com

^{*3} Магистрант, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті
Алматы, Қазақстан, e-mail: dana.askarovna@mail.ru

Аңдатпа. Азиядағы экономикалық интеграция процесстерінде АСЕАН ұйымының маңызы айрықша болып табылады. 1997 жылғы Азия қаржылық дағдарыстан кейін Азиядағы интеграциялық процесстер дами бастады. Азиядағы интеграциялық процесстердің ерекшеліктерінің бірі экономикалық ынтымақтастықты, сауда

қарым-қатынастарын орнатуға ашық болуы. Осы ерекшелікке сәйкес, Азиядағы интеграциялық процесстер қарқынды дамып жатыр. АСЕАН ішкі (ұйымға мүше мемлекеттер арасында) және сыртқы интеграциялық процесстерге (мүше мемлекеттер мен серіктес мемлекеттер арасында) айрықша көңіл бөледі. АСЕАН аймақтық форумы, АТЭС, Шығыс Азия саммиті, АСЕАН+3 және басқалары сияқты сыртқы интеграцияға бағытталған АСЕАН бастамалары Азиядағы интеграциялық процесстердің дамуына оң әсерін тигізеді. Мақалада АСЕАН+3 ұйымы АСЕАН және Шығыс Азия мемлекеттері арасындағы сауда қарым-қатынастары, инвестиция және экономикалық ынтымақтастық бастамалары талданады. Бұл мақалада АСЕАН ұйымы мен Қытай, Жапония, Оңтүстік Корея арасындағы экономикалық қарым-қатынастары зерттеледі. АСЕАН+3 форумы Оңтүстік-Шығыс Азия елдерімен Шығыс Азия елдері арасындағы экономикалық ынтымақтастықты арттырды.

Тірек сөздер: экономикалық интеграция, АСЕАН, Азиядағы регионализм, АСЕАН+3, Шығыс Азия, Қытай, Жапония, Оңтүстік Корея.

РОЛЬ АСЕАН В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АЗИИ

Чукубаев Е.С.¹, Кузембаева А.Б.², *Исаева Д.А.³

¹ кандидат исторических наук, Ассоциированный профессор

Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

e-mail: chukubayev.y@mail.ru

² Ассистент профессора, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

e-mail: asiya.kuzembayeva@gmail.com

*³ Магистрант, Казахский Национальный Университет

имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

e-mail: dana.askarovna@mail.ru

Аннотация. АСЕАН играет значительную роль в процессах экономической интеграции в Азии. Финансовый кризис 1997 года способствовал развитию интеграционных процессов между азиатскими странами. Азиатская интеграция в основном характеризуется открытым регионализмом, который способствует экономической интеграции и либерализации торговли между государствами. АСЕАН развивает внутреннюю интеграцию между государствами - членами организации и внешней интеграции между АСЕАН и партнерами.

Инициативы АСЕАН, направленные на внешнюю интеграцию, такие как Региональный форум АСЕАН, АТЭС, Восточноазиатский саммит, АСЕАН+3 и другие. В статье анализируются внутрирегиональная торговля, инвестиционные потоки, инициативы в области экономического сотрудничества между АСЕАН и странами Восточной Азии в рамках АСЕАН+3. В данной статье рассматриваются экономические отношения стран АСЕАН и Китая, Японии, Южной Кореи. Форум АСЕАН+3 укрепил экономическое сотрудничество между странами Юго-Восточной Азии и Восточной Азии.

Ключевые слова: экономическая интеграция, АСЕАН, азиатский регионализм, АСЕАН+3, Восточная Азия, Китай, Япония, Южная Корея

Статья поступила 11.09.2024 г.

УДК 327.7

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2024.57.3.017>

МРНТИ 11.04

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

***Смирнова В.¹**

***¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник SDU**

Алматы, Казахстан

e-mail: v_a_smirnova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность европейского опыта трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения для Казахстана и его южных соседей. Цель исследования заключается в анализе возможностей адаптации европейских моделей сотрудничества в сфере медицины в Центральной Азии в условиях регионализации и роста потоков людей, товаров и услуг через центральноазиатские границы. Основное внимание уделено таким видам сотрудничества как мобильность пациентов и медицинских работников, обмен медицинскими услугами и оборудованием. Научная значимость работы состоит в исследовании европейских примеров трансграничного медицинского взаимодействия, включая проекты совместного

управления больницами и обеспечения экстренной помощи в приграничных регионах. Практическая значимость заключается в возможности использования этих моделей для улучшения доступности медицинских услуг в отдаленных приграничных районах Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Методология исследования включает анализ литературы о конкретных кейсах трансграничного сотрудничества в Европе, таких как проекты на границе Испании и Франции и в Северной Европе. В исследовании также рассматриваются механизмы, способствующие успешной кооперации, включая создание специализированных трансграничных регионов и привлечение внешнего финансирования. Основные результаты исследования показывают, что европейский опыт может применяться в Центральной Азии, особенно в условиях недостатка ресурсов и географической удаленности от медицинской инфраструктуры. Однако выстраивание эффективного взаимодействия требует преодоления юридических, бюрократических и политических препятствий, а также обеспечения информационной безопасности. Выводы подчеркивают ценность укрепления трансграничного сотрудничества в медицине для повышения доступности услуг в Центральной Азии. Работа вносит вклад в расширение представлений о возможностях сотрудничества систем здравоохранения в приграничных регионах и предлагает практические рекомендации для их адаптации в условиях центральноазиатского региона.

Ключевые слова: здравоохранение, приграничное сотрудничество, ЕС, Казахстан, Центральная Азия, мобильность, пациенты, медики

*Статья подготовлена в рамках программы
целевого финансирования МОН РК
AP23489647 «Приграничное сотрудничество Казахстана с
сосредельными странами Центральной Азии»*

Основные положения

Статья посвящена анализу актуальности трансграничного сотрудничества в здравоохранении для Казахстана и его соседей. Европейский опыт трансграничного медицинского сотрудничества (более 1000 проектов) может быть полезен Казахстану, Узбекистану и Кыргызстану. Типы сотрудничества включают мобильность пациентов и медицинских работников, обмен медицинскими услугами и оборудованием. В статье рассматривается кейс сотрудничества между

Швецией, Финляндией и Норвегией, где экстренная медицинская помощь в приграничных регионах предоставляется не взирая на границы.

Введение

Интенсивные трансграничные потоки людей и товаров между Казахстаном и его южными соседями, актуализация повестки регионализации Центральной Азии в условиях нарастания турбулентности на мировой арене делают более важными вопросы кооперации, выходящей за рамки международной торговли промышленными и сельскохозяйственными товарами и создания совместных предприятий внутри региона. Одним из потенциально значимых секторов, в которых можно налаживать трансграничное сотрудничество, является сфера здравоохранения. Трансграничное сотрудничество в сфере здравоохранения может включать обмен людьми, услугами и ресурсами. Глинос выделяет 5 типов сотрудничества в данной сфере: мобильность пациентов, мобильность медиков для оказания помощи и взаимодействия с медиками, передача или обмен услугами без передвижения пациентов, передача медицинского оборудования и расходных материалов [2].

В 2022 году доля расходов на здравоохранение составила 3,7% ВВП Казахстана [11], что делает сферу оказания медицинских услуг важным сектором экономики республики. Граждане центральноазиатских республик массово пересекают границы Казахстана (в 2022 году, например, в Казахстан въехали около 2 300 000 граждан Узбекистана и порядка 730 000 граждан Кыргызстана [9]). Въезжают они с различными целями, в том числе для работы в течение длительного срока, что делает необходимым получение медицинских услуг, увеличивая спрос на услуги казахстанской системы здравоохранения, что в одних случаях означает рост невосполнимых бюджетных затрат (если речь идет о скорой неотложной медицинской помощи), в других приток финансовых средств в сектор (благодаря медицинскому страхованию и оплате услуг самими пациентами).

Таким образом, в связи возможностями роста доходов от трансграничного экспорта медицинских услуг налаживание трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения является актуальным. Вместе с тем, оно может быть сложным из-за ряда ограничений, связанных со спецификой функционирования систем здравоохранения. Для эффективного решения проблем в этой сфере необходимо изучение опыта регионов, где такое сотрудничество уже выстроено или налаживается.

Европа, как регион, где базируется, пожалуй, самое продвинутое интеграционное образование в мире, накопила значительный опыт развития практик трансграничного взаимодействия в области медицины, который может оказаться полезным для активизации контактов между системами здравоохранения, гражданами и коммерческими организациями Казахстана и государств, которые граничат с ним на юге.

Европейский опыт трансграничного взаимодействия хорошо изучен европейскими исследователями. Нам показалось интересным проанализировать соответствующие публикации и подготовить обзор литературы, выявив те аспекты медицинской кооперации, которые можно развивать на южных границах Казахстана.

Описание материалов и методов

Для анализа опыта трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения в Европе с целью построения модели сотрудничества на южных границах Казахстана был использован метод контент-анализа. В рамках исследования был проведен сбор научных публикаций по теме трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения через платформу Google Scholar. Статьи охватывали спектр примеров трансграничного взаимодействия в сфере медицины в Европе. Каждая статья была проанализирована с точки зрения достижений в улучшении доступа к медицинским услугам, а также выявления основных вызовов трансграничному сотрудничеству в сфере здравоохранения, таких как юридические, языковые, бюрократические и политические препоны.

Основными источниками информации стали публикации по теме трансграничного здравоохранения в Европе, включая примеры успешных проектов, в частности, таких как Hospital de Cerdanya и проект Northern Health Across Borders. Также были изучены статистические данные по трансграничным миграционным потокам между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, а также показатели расходов на здравоохранение в Казахстане.

Методологически статья опирается на концепцию типов трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения, предложенную Глиносом [2], включающую мобильность пациентов, медиков, услуг, материалов и оборудования.

Результаты

Тема интеграции в сфере медицины привлекла внимание ряда европейских исследователей, обзор публикаций которых мы представляем в настоящей работе. Исследователи трансграничного взаимодействия в сфере медицины в Европе указывают, что предпосылки сотрудничества включают объективную нужду в приграничном сотрудничестве, наличие людей, активно продвигающих эту повестку, интерес к сотрудничеству с обеих сторон, поддержку внешних акторов, подходящую систему управления [5]. Как минимум, часть этих факторов работает на налаживание взаимодействия на южных границах Казахстана: масштабные миграционные потоки через границы Казахстана, включая мигрантов-медиков и пациентов, общность исторических судеб, оказавшая влияние на модели развития медицины в регионе и организацию здравоохранения, а также тесные взаимосвязи между странами региона.

В работах по европейскому сотрудничеству, в частности, упоминаются следующие формы трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения: больницы, построенные и управляемые двумя странами [7], прием пациентов из сопредельных стран (во время пандемии ковида, например, Люксембург, Германия, Швейцария принимали пациентов из Франции [3]), мобильность медицинских профессионалов [1], трансграничное сотрудничество между медицинскими университетами [4], обучение медицинских профессионалов, например, для парамедиков во французско-немецком еврорегионе Саар-Мозель [7], выезд к пациентам скорых и санитарной авиации [6], реализация совместных проектов по противодействию эпидемиям (ВИЧ, ковид) [4], совместная закупка высокотехнологичного и дорогостоящего диагностического оборудования, передача знаний [5], возможность для пациентов получать помощь за границей согласно Европейской директиве 2011 года (вступившей в силу в 2013 году) о правах приграничных трудовых мигрантов и членов их семей на получение лечения на сопредельной территории наравне с гражданами соответствующего государства [7]. Всего за последние 20 лет, в Европе реализовано более 1000 проектов в сфере международного сотрудничества в области медицины [5].

Очень интересным проектом сотрудничества в последней из упомянутых сфер является инициатива трансграничного регионального взаимодействия в сфере здравоохранения Northern Health Across Borders, которую осуществляют приграничные регионы Швеции, Финляндии и Норвегии. Цель проекта - обеспечение граждан

трех государств экстренной помощью, учитывая непростую ситуацию с инфраструктурой здравоохранения в сельских районах с низкой плотностью населения в соответствующих регионах. Идея проекта - смотреть на регион как на единую географическую зону, где нет границ. Определяя место получения помощи, просто смотреть, где находится ближайшая больница, поликлиника, откуда быстрее всего придет скорая или прилетит вертолет санавиации для транспортировки пациента [6].

Еще один интересный проект: The Hospital de Cerdanya - первая трансграничная больница в Европе в восточных Пиренеях, на границе между Испанией и Францией. Идея возникла еще в 1990-х гг и стала реальностью благодаря такому инструменту как - Европейское образование территориального сотрудничества (EGTC) [8].

Исследователи указывают на ряд стимулов трансграничной медицинской кооперации. В частности, они обращают внимание, что подавляющее большинство инициатив реализуется между странами со схожими традициями в сфере медицины. Кроме того, стимулом к сотрудничеству зачастую является периферийность соответствующих регионов и недостаточность доступа пациентов к медицинской помощи [5].

Проект Northern Health Across Borders, носит не только гуманистический характер, он обусловлен желанием более эффективного расходования ограниченных ресурсов и потому выгоден всем сторонам. Не последнюю роль в функционировании проекта играет сходство подходов к здравоохранению, обусловленных принадлежностью участников проекта к сообществу нордических стран [6].

Проект строительства совместно управляемых учреждений в отдаленных малонаселенных регионах, совместные закупка и использование дорогостоящего высокотехнологичного оборудования в для рационального использования ограниченных ресурсов, общие службы машин скорой помощи вертолетов санитарной авиации с обеспечением сотрудников соответствующих служб особыми документами, позволяющими быстро пересекать границы и практиковать медицину на обеих сторонах границы – вот возможные варианты применения на практике европейского опыта.

Обсуждение

Организационная и юридическая поддержка трансграничного сотрудничества в сфере медицины может предполагать создание

трансграничных регионов (в ЕС действуют еврорегионы), центров трансграничного сотрудничества, специальных экономических зон по примеру, созданных в Европе [4].

Инициативы, связанные с международным сотрудничеством в сфере здравоохранения, могут финансироваться НКО. Например, сотрудничество между медицинскими учреждениями Украины, России и Польши финансировалось фондом Стефана Батория, программой. RITA (the Region in Transition Programme), фондом Бош, Польско-Американским фондом Свобода, Комиссией Фулбрайта [4]. Деполитизация сотрудничества, прагматизм, личные контакты, сети оказались важными составляющими взаимодействия.

В случае приграничного сотрудничества в сфере здравоохранения между Казахстана с Узбекистаном и Кыргызстаном, стимулами являются сходство подходов к функционированию здравоохранения, обусловленных общностью исторических судеб - нахождением в составе СССР. В случае границы с Узбекистаном работает также такой фактор как периферийность приграничных регионов (Туркестанская область) на фоне близости к столице в сопредельном государстве (приграничный Ташкент). Не последнюю роль играют и проблемы с доступом к медицине в периферийных районах, например, в г.Шымкенте [10] с его быстро растущим населением. За 2023 год число казахстанцев, въехавших в Узбекистан для лечения составило порядка 10 000 человек, часть из них - жители сопредельных приграничных регионов [12].

Участниками сотрудничества могут быть больницы, исследовательские учреждения, приграничные регионы, пациенты, ассоциации здравоохранения. При всей важности трансграничного сотрудничества в сфере медицины, участники этого процесса сталкиваются в своей деятельности с определенными вызовами.

Так, аналитики отмечают, что системы здравоохранения являются закрытыми системами. Оказание услуг и финансирование осуществляется на территории государства по территориальному принципу [5].

Дополнительным вызовом являются политические проблемы в отношениях между государствами. В случае ухудшения отношений между странами или доминирования алармистских дискурсов в политике хотя бы одного из государств-партнеров сотрудничество может сталкиваться с серьезными трудностями. Так уже в первом десятилетии 2000-х гг. этот фактор уже негативно влиял на масштаб

кооперации между Калининградской областью (РФ) и Польшей. Ситуация с польско-украинскими трансграничными отношениями была принципиально иной благодаря политической поддержке сотрудничества со стороны обоих партнеров [4].

Еще один вызов сотрудничеству – бюрократические трудности. Громоздкая и длительная процедура согласования решений тех или иных проблем может создавать проблемы с реализацией задуманного с партнерами сотрудничества, в конечном итоге становясь еще одним вызовом для коллабораций, особенно если речь идет о небольших НКО, которым не хватает ресурсов и знаний для выполнения финансовых, административных и отчетных требований ЕС [4].

Важной задачей является практический ответ на юридические вызовы. Норвежские медицинские профессионалы признавали во время интервью исследователям, что есть юридические препятствия для сотрудничества. К примеру, норвежские медики не имеют лицензий на медицинскую практику в Финляндии и в случае смерти пациентов могут быть привлечены к ответственности за оказание медицинской помощи без лицензии, повлекшее за собой смерть [6]. Этот опыт показывает, что необходимо создавать в приграничных регионах Казахстана и его южных соседей возможности для предоставления услуг по нострификации дипломов и получения сертификатов, дающих право практиковать медицину на обеих сторонах границы.

Языковая проблема - типичный вызов для взаимодействия между сторонами. Наибольшую трудность представляет собой общение между норвежцами и финнами, остальные части треугольника Норвегия-Финляндия-Швеция по большей части могут понимать друг друга. Именно языковой барьер дает участникам трансграничного взаимодействия почувствовать различия между выездом к пациенту внутри страны и за ее пределами [6]. В случае Казахстана и его южных соседей проблема языкового барьера отчасти снимается благодаря тому, что казахский, кыргызский и узбекский языки принадлежат к одной языковой группе.

Согласно исследованиям, еще один вызов - обеспечение безопасности информации, относящейся к здоровью пациентов. При оценке состояния пациента важно знать анамнез, однако различия в информационных системах организаций здравоохранения по разные стороны от границы вкупе с юридическими ограничениями на передачу данных создают проблемы для нормального обслуживания пациентов [6].

Исследователи также указывают на наличие дисбаланса в оказании помощи. Одна из сопредельных сторон может тратить больше своих ресурсов для помощи партнерам, в свою очередь, получатель помощи может даже выводить средства из региона в надежде, что партнер будет оказывать помощь сам. Реформы социальной сферы, ведущие к бюджетным сокращениям на медицинские услуги, также могут увеличивать нагрузку на здравоохранение сопредельных государств [6]. Сотрудничество по такой модели ведет к недовольству партнером для одной из сторон, ухудшая климат отношений между партнерами.

Эксперты также относят к вызовам нехватку институциональных и материальных ресурсов у одного или обоих партнеров.

Вступление части партнеров в интеграционные объединения также может создавать сложности для приграничного сотрудничества, поскольку государство в таких случаях может терять полномочия в решении тех или иных проблем вследствие их перехода на наднациональный уровень или быть вынужденным ужесточать контроль на своих границах с государствами, которые не являются частью интеграционных объединений. Примером последней ситуации является введение более строгого режима на границах Польши с Россией, Украиной и Беларусью после вступления Польши в ЕС в 2007 году [4].

Серьезным вызовом для трансграничного сотрудничества являются различия в организации субсидирования медицины в сопредельных странах. В одних странах Европы, финансирование здравоохранения осуществляется централизованно (в Венгрии и Словакии, например), в Германии и Австрии главными акторами в политике здравоохранения являются земли [7].

Заключение

Трансграничное сотрудничество в сфере здравоохранения является важным способом решения проблем доступа к медицинской помощи в приграничных регионах. Европейский опыт показывает, что сотрудничество может значительно улучшить доступность медицинской помощи, особенно в отдаленных районах с ограниченными ресурсами. Казахстан и его южные соседи, такие как Узбекистан и Кыргызстан сталкиваются с нехваткой ресурсов на программы здравоохранения на местном уровне, что делает актуальным изучение европейского опыта и его адаптацию к местным условиям.

Основные выводы, которые можно сделать, проанализировав опыт трансграничного сотрудничества в Европе, следующие:

Казахстан и его соседи имеют в своем составе территории, которые испытывают нехватку ресурсов и удаленность от крупных медицинских центров. Эти факторы в перспективе могут стимулировать сотрудничество, по примеру проектов в сфере медицины в Северной Европе.

Интенсивные миграционные потоки через границы Казахстана создают дополнительный спрос на медицинские услуги. При этом трансграничное сотрудничество может способствовать более эффективному использованию ресурсов.

Европейский опыт показал, что важно предусмотреть механизмы правовой поддержки сотрудничества, такие как взаимное признание дипломов медицинских работников, предоставление сертификатов на право практиковать медицину по обеим сторонам границы, необходимость упрощения бюрократических процедур при оказании экстренной помощи и внимательного отношения к передаче медицинских данных, поиска баланса между интересами здоровья пациентов и соображениями информационной безопасности.

Различия в уровнях финансирования здравоохранения и доступных ресурсах могут создавать дисбаланс в сотрудничестве между партнерами, вызывая недовольство одной из сторон и создавая потенциал политических трений.

Европейский опыт показывает, что внешнее финансирование (например, со стороны зарубежных НКО и правительственных организаций) могут быть важными факторами успешного трансграничного взаимодействия. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан - государства, активно сотрудничающие с международными донорами, что может потенциально создавать благоприятные условия для появления проектов, аналогичных упомянутому в статье европейским программам.

Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан могут воспользоваться опытом европейских моделей трансграничного сотрудничества в сфере здравоохранения. Однако для достижения этих целей необходимо учитывать местные условия и быть готовыми преодолевать юридические, бюрократические, организационные, финансовые и политические препятствия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Buchanan J., Wismar M., Glinos I.A., Bremner J. Health Professional Mobility in a Changing Europe: New Dynamics, Mobile Individuals and Diverse Responses // European Observatory Studies. – 2014. - Series № 32.
- [2] Glinos I., Wismar M., Palm W., Figueras J., Ernst K., Van-Ginneken E. (eds.). Cross-border Health Care in the European Union. - Brussels: European Observatory on Health Systems and Policies, 2011.
- [3] Medeiros E., Ramírez G., Dellagiacomia C., Brustia G., Martín Ramírez G. Will reducing border barriers via the EU's b-solutions lead towards greater European territorial integration? // Regional Studies. - 2021. doi: 10.1080/00343404.2021.1912724.
- [4] Sagan I. Post-Socialist Transformation, European Neighbourhood and Civil Society Networks between Poland, Russia and Ukraine: a Case of Multi-level Contingency // Journal of European Integration. - 2010.- Vol. 32. - № 5.- P.439- 456.
- [5] Schmidt A.E., Bobek J., Mathis-Edenhofer S., Schwarz T., Bachner F. Cross-border healthcare collaborations in Europe (2007–2017): Moving towards a European Health Union? // Health Policy. - 2022. - Vol. 126. - № 12. - P. 1241-1247.
- [6] Schwarzenberg T. Negotiating invisible lines: Cross-border emergency care in the rural north of Scandinavia // Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography. - 2019. - T. 73, № 3. – P. 139-155. doi: 10.1080/00291951.2019.1645731.
- [7] Svensson S. Health Policy in Cross-border Cooperation Practices: The Role of Euroregions and Their Local Government Members // Territory, Politics, Governance. - 2016. - doi: 10.1080/21622671.2015.1114962.
- [8] What is the EGTC - Hospital de Cerdanya. <https://www.hcerdanya.eu/en/who-we-are/>
- [9] В МВД рассказали о миграционной ситуации в стране 21 декабря 2022. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/479277?lang=ru>
- [10] Ворошилова Н. О неравномерном доступе к организациям здравоохранения районов города Шымкента // Adil Qala: социальная справедливость в городах Казахстана. Алматы: Издательство «DELUXE Printery», 2023. - 276 с.
- [11] Об улучшении показателей здоровья казахстанцев: цифры и факты 15 июня 2023. <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/press/news/details/574531?lang=ru>

[12] Ротенко У. Казахстанцы все чаще выбирают для лечения Узбекистан // press.kz, 16 декабря 2023. <https://press.kz/novosti/kazahstancy-vse-chashhe-vybirayut-dlya-lecheniya-uzbekistan>.

REFERENCES

[1] Buchanan J., Wismar M., Glinos I.A., Bremner J. Health Professional Mobility in a Changing Europe: New Dynamics, Mobile Individuals and Diverse Responses. European Observatory Studies, 2014, Series № 32.

[2] Glinos I., Wismar M., Palm W., Figueras J., Ernst K., Van-Ginneken E. (eds.). Cross-border Health Care in the European Union. Brussels: European Observatory on Health Systems and Policies, 2011.

[3] Medeiros E., Ramírez G., Dellagiacoma C., Brustia G., Martín Ramírez G. Will reducing border barriers via the EU's b-solutions lead towards greater European territorial integration? Regional Studies, 2021, doi: 10.1080/00343404.2021.1912724.

[4] Sagan I. Post-Socialist Transformation, European Neighbourhood and Civil Society Networks between Poland, Russia and Ukraine: a Case of Multi-level Contingency. Journal of European Integration, 2010, Vol. 32, № 5, Pp.439- 456.

[5] Schmidt, A.E., Bobek J., Mathis-Edenhofer S., Schwarz T., Bachner F. Cross-border healthcare collaborations in Europe (2007–2017): Moving towards a European Health Union? // Health Policy. 2022. Vol. 126, № 12. Pp. 1241-1247.

[6] Schwarzenberg T. Negotiating invisible lines: Cross-border emergency care in the rural north of Scandinavia. Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography, 2019, T. 73, № 3, Pp. 139 - 155. doi: 10.1080/00291951.2019.1645731.

[7] Svensson S. Health Policy in Cross-border Cooperation Practices: The Role of Euroregions and Their Local Government Members. Territory, Politics, Governance, 2016, doi: 10.1080/21622671.2015.1114962.

[8] What is the EGTC - Hospital de Cerdanya. <https://www.hcerdanya.eu/en/who-we-are/>

[9] V MVD rasskazali o migratsionnoi situatsii v strane 21 dekabrya 2022 [The Ministry of Internal Affairs told about the migration situation in the country]. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/479277?lang=ru>, [in Russ.].

[10] Voroshilova, N. O neravnomernom dostupe k organizatsiyam zdravookhraneniya raionov goroda Shymkenta. Adil Qala: sotsial'naya

spravedlivost' v gorodakh Kazakhstan [On uneven access to healthcare organizations in the districts of Shymkent], Almaty, 2023. 276 s. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/20455.pdf> [in Russ.].

[11] Ob uluchshenii pokazatelei zdorov'ya kazakhstantsev: tsifry i fakty 15 iyunya 2023 [On improving the health indicators of Kazakhstanis: facts and figures]. <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/press/news/details/574531?lang=ru>, [in Russ.].

[12] Rotenko U. Kazakhstansy vse chashche vybirayut dlya lecheniya Uzbekistan, 16 dekabrya 2023 [Kazakhstanis are increasingly choosing Uzbekistan for treatment]. <https://press.kz/novosti/kazahstancy-vse-chashhe-vybirayut-dlya-lecheniya-uzbekistan>, [in Russ.].

ЕУРОПА АЙМАҚЫНДАҒЫ ДЕНСАУЛЫҚ САҚТАУ САЛАСЫНДАҒЫ ШЕКАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ: ҚАЗАҚСТАН ҮШІН ӨЗЕКТІЛІГІ

*Смирнова В.¹

*¹ тарих ғылымдарының кандидаты, SDU ғылыми қызметкері
Алматы, Қазақстан
e-mail: v_a_smirnova@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан мен оның оңтүстік көршілері үшін денсаулық сақтау саласындағы еуропалық трансшекаралық ынтымақтастық тәжірибесінің өзектілігі қарастырылады. Орталық Азияның аймақтануының күшеюі, аймақ ішіндегі адамдардың, тауарлар мен қызметтердің қарқынды алмасуы жағдайында медицина саласындағы ынтымақтастық барған сайын маңызды бола түсуде. Пациенттермен медицина қызметкерлерінің мобильділігі, медициналық қызметтер мен жабдықтармен алмасу сияқты ынтымақтастық түрлеріне ерекше назар аударылады. Еуропаның трансшекаралық медициналық өзара әрекеттестік саласында 1000-нан астам жоба жүзеге асырған тәжірибесі Қазақстан, Өзбекстан және Қырғызстан үшін пайдалы болуы мүмкін. Сонымен бірге ынтымақтастық орнату кезінде құқықтық, бюрократиялық және саяси күрделіліктер, сондай-ақ ақпараттық қауіпсіздік мәселелері сияқты қиындықтарды ескерген жөн. Мақалада Испания мен Франция шекарасында бірлесіп салынған және басқарылатын аурухана жобасы, Швеция, Финляндия және Норвегия арасындағы ынтымақтастық жобасы сияқты трансшекаралық ынтымақтастық мысалдары талданады, мұнда трансшекаралық аймақтар ұлттық шекараларға қарамастан шұғыл медициналық

көмек көрсетеді. Бұл мысалдар шеткері аймақтарда қызметтердің қолжетімділігін және сапасын арттыру үшін медициналық жүйелерді интеграциялаудың артықшылықтарын көрсетеді. Сондай-ақ мақалада ынтымақтастыққа түрткі болатын факторлар талқыланады, соның ішінде шектеулі ресурстар және географиялық қашықтық, бұл Қазақстан мен оның көршілері үшін ерекше өзекті болып табылады. Табысты ынтымақтастыққа ықпал ететін механизмдерге талдау жасалады, оның ішінде мамандандырылған трансшекаралық аймақтарды құру және сыртқы қаржыландыруды тарту. Сонымен қатар мақалада серіктестер арасындағы ресурстар теңгерімсіздігі және өзара әрекеттесуді қиындататын саяси кедергілер сияқты әлеуетті қауіптер туралы да айтылған.

Тірек сөздер: денсаулық сақтау, трансшекаралық ынтымақтастық, ЕО, Қазақстан, Орталық Азия, ұтқырлық, пациенттер, медицина мамандары

CROSS-BORDER COOPERATION IN THE FIELD OF HEALTHCARE IN THE EUROPEAN REGION: RELEVANCE FOR KAZAKHSTAN

* Smirnova V.¹

*¹ Candidate of Historical Sciences, Researcher at SDU

Almaty, Kazakhstan

e-mail: v_a_smirnova@mail.ru

Abstract. The article examines the relevance of the European experience of cross-border cooperation in healthcare for Kazakhstan and its southern neighbors. The aim of the study is to analyze the possibilities of adapting European models of cooperation in medicine in Central Asia in the context of regionalization and the growing flows of people, goods and services across the Central Asian borders. The main attention is paid to such types of cooperation as mobility of patients and health care workers, exchange of medical services and equipment. The scientific topicality of the work is in the study of European examples of cross-border medical interaction, including projects of joint management of hospitals and provision of emergency care in border regions. The practical significance is in the possibility of using these models to improve the availability of medical services in remote border areas of Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. The research methodology includes an analysis of the literature on specific cases of cross-border cooperation in Europe, such as projects

on the border of Spain and France and in Northern Europe. The study also considers the mechanisms facilitating successful cooperation, including the creation of specialized cross-border regions and attracting external funding. The main findings of the study show that European experience can be applied in Central Asia, especially in conditions of limited resources and geographical remoteness from medical infrastructure. However, building effective cooperation requires overcoming legal, bureaucratic and political obstacles, as well as ensuring information security. The findings highlight the value of strengthening cross-border cooperation in medicine to improve accessibility of services in Central Asia. The work contributes to expanding understanding of the possibilities of cooperation between health systems in border regions and offers practical recommendations for their adaptation to the conditions of the Central Asian region.

Keywords: healthcare, cross-border cooperation, EU, Kazakhstan, Central Asia, mobility, patients, medical professionals

Статья поступила 15.09.2024 г.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ПЕДАГОГИКА ҒЫЛЫМДАРЫ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

BULLETIN
of Ablai Khan KazUIRandWL
series «PEDAGOGICAL SCIENCES»

3 (57) 2024
ISSN 2412-2149 (Print)
ISSN 2710-3269 (Online)
moregion.bulletin@ablaikhan.kz

«Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ» АҚ «Полилингва» баспасында басылып шықты
«Баспа авторлық құқық материалдарының мазмұнына және фактілерді
жариялауға байланысты кепілдіктер бермейді, мақалалар нәтижелері
туралы деректер және басқа ақпараттар туралы мәліметке жауапты емес»

Отпечатано в издательстве «Полилингва» АО «КазУМОиМЯ имени Абылай хана»
«Издательство не несет ответственности за содержание авторских материалов и не
предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов,
данных результатов и другой информации»

Ответственный за выпуск журнала
директор издательства:
Есенгалиева Б.А.

Технический редактор,
компьютерная верстка:
Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 27.09.2024 г.
Формат 70х90 1/8. Объем 34.5 п.л.
Заказ № 3457. Тираж 300 экз.

Издательство «Полилингва» КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-18
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru

